

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

CAURUS

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 3 №3 2024

CAURUS

Том 3. № 3. 2024

Главный редактор

М. Б. Бессуднова (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Ответственный редактор

А. В. Ушаков (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Редакционная коллегия

И. А. Иванов (университет им. Иоганна Гутенберга, Германия)

М. Ю. Колпаков (Псковский государственный университет)

Д. И. Вебер (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

М. Пшыщенжна-Писарска (Университет Ополе, Польша)

С. Ю. Агишев (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

И. О. Дементьев (Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

Н. Н. Наумов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Редакционный совет

Н. Ангерманн (университет Гамбурга, Германия)

А. Селарт (университет Тарту, Эстония)

Э. Лефstrand (Стокгольмский университет, Швеция)

А. В. Сиренов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. И. Филюшкин (Санкт-Петербургский государственный университет)

Т. Плат (университет Грайфсвальда, Германия)

Т. Н. Таценко (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

М. Гонсовска (Институт истории Академии Наук Польши в Варшаве)

Переводчик: А. В. Власова

Технический редактор: Д. А. Ванюшкин

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»

Адрес учредителя и издателя: 173003, Россия, Великий Новгород,

ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Телефон: 8 (8162) 627244

Адрес редакции: 173003, Россия, Великий Новгород,

ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 3402. Телефон: 8 (8162) 338830

E-mail: journal.caurus@gmail.com

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер № ФС77-83172 от 26 апреля 2022 г.

Официальный сайт журнала: <https://journal-caurus.ru>

Дата выхода: 30.09.2024

© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2024

© Авторы статей, 2024

Все права защищены

CAURUS

Vol. 3 (3). 2024

Editor-in-Chief

M. B. Bessudnova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

Executive Editor

A. V. Ushakov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

Editorial Board

I. A. Ivanov (Johannes Gutenberg University Mainz, Germany)

M. Yu. Kolpakov (Pskov State University)

D. I. Veber (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

M. Pszyszczna-Pisarska (University of Opole, Poland)

S. Yu. Agishev (Lomonosov Moscow State University)

I. O. Dementiev (Immanuel Kant Baltic Federal University)

N. N. Naumov (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Council

N. Angermann (University of Hamburg, Germany)

A. Selart (University of Tartu, Estonia)

E. Lefstrand (Stockholm University, Sweden)

A. V. Sirenov (Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)

A. I. Filyushkin (Saint-Petersburg State University)

T. Plat (University of Greifswald, Germany)

T. N. Tatsenko (Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)

M. Gonsowska (Institute for the History of Science of the Polish Academy of Sciences)

Translation Editor: A. V. Vlasova

Technical Editor: D. A. Vanyushkin

Founder and editor

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University"

Address of founder and editor: 173003, Russia, Veliky Novgorod,

ul. B. St. Petersburgskaya, 41. Tel.: 8 (8162) 627244

Corresponding address: 173003, Russia, Veliky Novgorod,

ul. B. St. Petersburgskaya, 41, of. 3402. Tel.: 8 (8162) 338830

E-mail: journal.caurus@gmail.com

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Extract from the register of registered mass media No. FS77-83172 dated April 26, 2022

Official website of the edition: <https://journal-caurus.ru>

Release date: 30.09.2024

© Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2024

© Authors of articles, 2024

All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакторов.....5

СТАТЬИ

Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. (по данным «Хроники Ливонии»)
Ю. Н. Кежа.....14

«Перемещение официалов Немецкого ордена в XIII – первой четверти XVI в. через призму методов визуализации»
А. С. Котов.....34

Зачем Дитрих фон Ландсберг поехал в Пруссию?
Ф. Д. Подберёзкин.....50

Нарва в хозяйственной системе ливонского орденового государства: К постановке проблемы
М. Б. Бессуднова, В. А. Якунина.....64

Двор «льняника»: археологическое исследование льнообрабатывающего комплекса XVI–XVII вв. в Петровском конце Пскова
Е. В. Салмина, С. А. Салмин.....87

ХРОНИКА

Шестые Лихудовские чтения в Великом Новгороде
Н. В. Салоников, К. В. Суториус99

CONTENTS

Editors Foreword	5
-------------------------------	---

ARTICLES

Social connections between political actors in the Baltic states at the end of the XIIth – beginning of the XIIIth century. (according to the Chronicle of Livonia) Yu. N. Kezha.....	14
Officials’ promotions in the Teutonic Order in XIII- early XVI c.: visualization approach applying A. S. Kotov.....	34
Why did Dietrich von Landsberg go to Prussia? Ph. D. Podberezkin.....	50
Narva in the Economic System of the Livonian Order State M. B. Bessudnova, V. A. Yakunina.....	64
The Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler): Archaeological Research of the Flax Processing Complex of the 16th-17th Centuries in the Petrovsky End of Pskov E. V. Salmina, S. A. Salmin.....	87

CHRONICLE

The Sixth Leichoudes Studies in Veliky Novgorod N. V. Salonikov, K. V. Sutoruis.....	99
--	----

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Уважаемые читатели!

С XVI в., когда Балтийский регион стал ареной ожесточенного соперничества ряда европейских держав («битва за Балтику»), он превратился в объект внимания историков – сначала ливонских, а затем и прочих. В настоящее время он продолжает пребывать в этом качестве, неизменно присутствуя в поле как общественного, так и научного дискурса, которые обеспечивают историзацию многих современных представлений об экономическом, социально-политическом и культурном развитии этого региона, пребывающего на стыке Западной, Северной и Восточной Европы и получившего общеевропейское признание в эпоху Средневековья и раннего Нового времени (до середины XVII в.). Популярность балтийской тематики в среде историков обусловлена масштабностью и длительностью – с «эпохи викингов» и до современности – его пребывания в качестве международной и межгосударственной контактной зоны, изучению которой, собственно, и призвано способствовать научное периодическое издание «Сaurus». Совокупность статей российских и зарубежных историков, содержащихся в его предыдущих выпусках, соответствует общей методологической направленности современных балтийских исторических исследований, которая предполагает существенное расширение их тематического и проблемного формата посредством привлечения разноплановых источников, оригинальных аналитических подходов, а также грамотного использования исторического контекста. Последнее важно ещё и потому, что динамичное развитие исторической науки зачастую вынуждает исследователей сталкиваться с различием интерпретаций и трактовок исторических явлений, ориентироваться в которых, выявлять степени их объективности помогает исторический фон.

Узкая привязка к исследуемому сюжету без учёта сопровождавших его обстоятельств, даже тех, что представляются на первый взгляд незначительными или периферийными, как правило, понижает результативность исторического анализа и чревата ошибочными заключениями. В этой связи нельзя не согласиться с мнением выдающегося французского историка Люсьена Февра, утверждавшего, что культура памяти, формированию которой посвящает себя профессиональный историк, предполагает постоянное самообновление, выражающееся не только в конструировании ментальных моделей общественного поведения людей прошлого, но и в устранении, иногда крайне болезненное, изживших себя историографических штампов. Успех разрешения этой двуединой задачи напрямую зависит от объёмов и качества научных изысканий в той или иной области исторического знания. В целях оптимизации этого процесса при изучении средневековой и нововременной истории стран Балтийского региона редакция журнала предлагает читателям статьи различной тематической направленности, хотя и стремится в рамках одного выпуска сформировать вполне определенную сюжетную композицию.

Исходя из этих соображений, было принято решение посвятить настоящий выпуск отдельным моментам истории Тевтонского (Немецкого) ордена и его подразделения в Ливонии, в российской историографии более известного как Ливонский орден. Выбор темы определяется, главным образом, довольно ограниченными успехами в его изучении отечественной историографией, в рамках которой, говоря словами эстонского историка П. Раудкиви, орденская тематика, как это повелось со времен Советского Союза, «если и не была запрещена, то отношение к ней было ясно и недвусмысленно определено: до последнего времени в ней присутствует система контрастов “черный-белый”, “плохой-хороший” – беспроблемная и простая в применении»¹. Пересмотр отношения российских историков к духовно-рыцарским орденам, сыгравшим немаловажную роль в истории средневековой Прибалтики, диктуется временем, поскольку без этого невозможно пересмотреть наследие крайне идеологизированной «политической историографии», а также ликвидировать чудовищное отставание российской исторической науки в этом плане от западноевропейских коллег². При этом речь идёт не о заимствовании чужих наработок, но, скорее, о собственных достижениях в изучении Орденской Пруссии и Ливонского ордена в разных контекстах времени.

Открывает настоящий выпуск статья Ю. Н. Кежи (Белорусский государственный университет) «Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. (по данным «Хроники Ливонии»», которая посвящена начальному этапу становления особой, «конфедеративной», формы государственности Старой Ливонии в ходе её немецкого и датского завоевания 80-х гг. XII – 20-х гг. XIII в., который представлен в отражении одного из самых известных ливонских нарративных памятников, «Хроники Генриха Латвийского» (*Heinrici Cronicon Lyvoniae*). В фокусе внимания исследователя находится механизм формирования контактов основных фигурантов феодального освоения Ливонии указанного периода – Рижского епископа Альберта и иных представителей ливонского епископата, духовно-рыцарского ордена Меченосцев, датского короля Вальдемара II, князей Полоцка и Пскова, в контексте их взаимодействий с местными племенными вождями. Выстраивание между ними сложной системы взаимоотношений, включавшее обмены дарами, заключение политических союзов, отношения политического посредничества, способствовало стабилизации обстановки в регионе и стало неотъемлемой частью исторического антуража, сообщающего дополнительные нюансы превентивной фазе государственного строительства в Восточной Прибалтике, связанной с появлением так называемых *herrschaften* или феодальных владений.

Внутренней организации Тевтонского ордена, во многом предопределившей успех формирования орденских государств Пруссии и Ливонии, посвящено исследование А. С. Котова (Томский государственный университет) «Перемещение официалов Немецкого ордена в XIII – первой четверти XVI в. через призму методов визуализации». Отношение к духовно-рыцарскому ордену как к властному институту,

¹ Raudkivi P. Historia zakonu inflanckiego jako część historii Łotwy i Estonii. (XIII w. – 1. połowa XVI w.) // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Toruń, 1990. S. 86.

² Бессуднова М. Б. Ливонский орден в современной зарубежной историографии // Средние века. Вып. 79/1. 2018. С. 103–125.

предопределившему основные дефиниции орденских государств, заставляет обратиться к функциональным особенностям его рыцарского братства. Братья-рыцари Тевтонского ордена, выступавшие в роли управленцев (официалов) ордена-ландсгерра (государя), образовывали внутри его иерархизированный, сбалансированный, эффективно действующий управленческий корпус, от которого зависело функционирование всех орденских корпоративных и государственных структур. В процессе изучения орденских управленческих институций автор статьи обращает внимание на характер карьерного роста орденских должностных лиц и динамику их перемещения от должности к должности в XIII – начале XVI в., стараясь выявить их закономерности и функциональность в пределах орденского государства. Недостаток информации о служебных подвижках в ордене, которая содержится в письменных источниках, ему помогает компенсировать метод визуализации, заложенный в основу недавно разработанной *Gephi*-матрицы. Он позволяет произвести описание служебных перемещений рыцарей ордена с помощью просопографических таблиц и построенных на их основе графиков, образцы которых представлены. Среди приведённых данных выделяются своеобразные индикаторы для определения степени устойчивости служебных назначений, позволяющие проблематизировать формальную внутриорденскую иерархию, выделить и интерпретировать наиболее устойчивые карьерные траектории.

Продолжая тему Тевтонского ордена в Пруссии, Ф. Д. Подберёзкин (Белорусский государственный университет) обращается к личности маркграфа Дитриха фон Ландсберга и мотивам его поездки в Пруссию для участия в организованном орденом крестовом походе 1272 г. Ответ на вопрос «Зачем Дитрих фон Ландсберг поехал в Пруссию?», который помещён в заголовок статьи, даётся с учётом крестоносных обычаев династии Веттинов и Мейсенского маркграфства, а также конфликтной ситуации, в которой оказался герой очерка накануне своей поездки. Ссора с отцом, маркграфом Генрихом Светлейшим, а также с епископом Мерзебурга Фридрихом фон Торгау, из-за которого Дитрих был провозглашён «гонителем Церкви», равно как и проблемы с легитимизацией маркграфства Ландсберг, противоречившей имперскому праву, побудили Дитриха искать выход из создавшегося положения в обретении звания крестоносца и «добротного христианина», что ему полностью удалось. Пример ландграфа, решавшего свои сугубо светские, никак не связанные с орденом, проблемы, служит доказательством того, что уже в период наивысшего расцвета крестоносного движения в Прибалтике религиозные мотивации в поведении знатных крестоносцев уступали место приземленным соображениям, а участие в делах Тевтонского ордена превращалось в своеобразный «символический капитал», помогавший решать проблемы с семьёй и Церковью.

Ливонское поразделение Тевтонского ордена, в силу объективных причин (прежде всего, относительной скудости сохранившегося документального материала), изучено гораздо хуже ордена в Пруссии, и потому зачастую предстает как исключительно военная организация, представлявшая угрозу для северо-западных русских земель. Опровержением этого может стать статья М. Б. Бессудновой и В. А. Якуниной (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого) «Нарва в хозяйственной системе ливонского орденского государства: К постановке

проблемы». Исследователи обратились к проблеме экономической структуры ливонского орденового государства, которую они рассматривают сквозь призму торгово-предпринимательской деятельности Нарвы как малого города орденового подчинения. Особо отмечается, что внимание орденовых фогтов к её экономическому состоянию предопределялось их личной ответственностью за обеспечение потребностей орденового замка и города, которое ввиду их приграничного положения имело важное стратегическое значение. Это заставляло служащих ордена практиковать разные формы предпринимательства, хотя ограниченность ресурсов орденового домениального хозяйства в округе (гебите) Нарвы и малой поддержки со стороны других ливонских городов вынуждали руководство Ливонского ордена и представлявших его интересы фогтов сосредотачивать внимание на внешнем товарообмене Нарвы, в частности, на её русской торговле. Путём пожалования Нарве торговых привилегий и покровительства со стороны фогтов ордену удалось укрепить экономическое положение Нарвы и её роль в русско-ганзейской торговле, что отчасти компенсировало отсутствие у неё ганзейского статуса, ограничения её торговли со стороны ганзейских городов Ливонии, а также обеспечивало тесное сотрудничество орденовых и муниципальных властей. В периоды обострения русско-ливонских противоречий неганзейский статус Нарвы использовался её администрацией для торговли в нарушение ганзейских запретов на торговлю с русскими, тем самым содействовав превращению Нарвы в оплот русско-ливонской неформальной или «необычной» торговли. Бесперебойность поставок в Нарву русских экспортных товаров в обход Ревеля и Ганзы фогты гарантировали посредством защиты русско-ливонских купеческих сделок как на местном уровне, так и на уровне ревельского магистрата.

Статья Е. В. Салминой и С. А. Салмина (Археологический центр Псковской области) «Двор “льняника”: археологическое исследование льнообрабатывающего комплекса XVI–XVII вв. в Петровском конце Пскова» выходит за рамки орденового контекста, однако важна для понимания значения экономики русского Северо-Запада для развития торговых контактов с сопредельными ливонскими территориями. Экспорт льна через Псков и Ливонию на рынки Западной Европы, существенно возросший в результате открытия руководством ордена дороги между орденовым городом Мариенбургом (Алуксне) и Псковом для русской торговли, являлся важным фактором межгосударственных отношений в период позднего Средневековья и Нового времени. В этой связи авторы статьи подняли вопрос об обработке льняного сырья в Пскове, при решении которого использовали данные письменных и археологических свидетельств, в частности, материалы раскопок городского двора с комплексом сооружений для обработки льна (мочильные ямы с массивами льняной кострики, конструкции для обтекания льняной массы, навесы для первичной сушки). Поскольку деятельность хозяев двора оставалась связанной с обработкой льна более столетия, он получил наименование Двор «льняника». Устойчивый характер производства свидетельствует о высокой рентабельности льнообрабатывающего дела несмотря на неустойчивость цен, неблагоприятные погодные условия, периодическое блокирование торговых маршрутов ввиду военных или политических обстоятельств и т. п. Расположение данного участка в непосредственной близости к псковскому

Льняному гостиному двору позволяет предположить, что владельцы усадеб, аналогичных Двору «льняника», не только поставляли туда собственную товарную продукцию, но также обрабатывали льняное сырьё, доставляемое туда другими лицами.

В разделе «Хроника» помещён обзор всероссийской научной конференции с международным участием «Шестые Лихудовские чтения» на тему «Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам», которая была проведена 18–20 апреля 2024 г. в Гуманитарном институте Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого при участии Новгородского государственного объединённого музея-заповедника и Российской Национальной библиотеки. Тематика Чтений традиционно была посвящена изучению деятельности и научного наследия братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, истории созданных ими в России учебных заведений, традициям образования и книжной культуры в России и за рубежом, начиная от Средневековья и до Нового времени. Всего в программе конференции было заявлено 53 доклада, авторами которых стали историки, филологи, философы, педагоги, архивисты, библиотекари, магистранты и студенты из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Саратова, Ярославля, Иванова, Пскова, Уфы, Тамбова, Твери, Липецка, Арзамаса, Великого Новгорода, а также ученые из Пекина и Вены. «Шестые Лихудовские чтения» были посвящены юбилею Заслуженного работника Новгородского государственного университета, кандидата исторических наук, доцента Инны Львовны Григорьевой, которая была инициатором и организатором проведения в НовГУ трех конференций «Лихудовские чтения» (1998, 2001, 2010), создателем в Великом Новгороде научной группы, занимающейся изучением истории отечественного образования и книги, а также предысторией Новгородского государственного университета.

М. Б. Бессуднова, А. В. Ушаков

EDITORS' FOREWORD

Dear readers!

Since the 16th century, when the Baltic region became an arena of fierce rivalry between a number of European powers (the “Battle for the Baltic”), it has become an object of attention for historians – first Livonian and then others. At present, it continues to exist in this capacity, invariably present in the field of both public and scientific discourse, which provide for the historicization of many modern ideas about the economic, socio-political and cultural development of this region, located at the junction of Western, Northern and Eastern Europe and which received pan-European recognition in the Middle Ages and early modern period (until the mid-17th century). The popularity of the Baltic theme among historians is based on the scale and duration – from the “Viking Age” to the present day – of its presence as an international and interstate contact zone, the study of which, in fact, is what the “Caurus” scientific journal is intended to promote. The collection of articles by Russian and foreign historians contained in its previous issues corresponds to the general methodological focus of modern Baltic historical research, which presupposes a significant expansion of their thematic and problematic format by attracting diverse sources, original analytical approaches and the competent use of historical context. The latter is also important because the dynamic development of historical science often forces researchers to face a wide field of interpretations and treatments of various historical phenomena, where the historical context helps to navigate and identify the degree of their objectivity.

A narrow focus on the subject under study without taking the circumstances that accompanied it into account, even those that seem insignificant or peripheral at first glance, usually reduces the effectiveness of historical analysis and is fraught with erroneous conclusions. In this regard, one cannot but agree with the opinion of the outstanding French historian of the Lucien Febvre, who argued that the culture of memory, the main vocation of the professional historian, presupposes constant self-renewal, expressed not only in the construction of mental models of social behavior of people of the past, but also the elimination, sometimes extremely painful, of outdated historiographical clichés. The success of resolving this dual task directly depends on the volume and quality of scientific research in a particular area of historical knowledge. In order to optimize this process when studying the medieval and modern history of the Baltic region countries, the editorial board offers articles of various thematic focus, and strives within the framework of one issue to form quite definite plot composition.

Based on these considerations, it was decided to devote this issue to certain moments in the history of the Teutonic (German) Order and its division in Livonia, better known in Russian historiography as the Livonian Order. The choice of topic was determined mainly by the rather limited successes in its studying in Russian historiography, within which, using the words of the Estonian historian P. Raudkivi, the Order theme, as it has been since the times of the Soviet Union, “if it was not banned, then the attitude towards it was clearly and unambiguously defined: until recently, it has had a system of contrasts “black-white”, “bad-

good” – problem-free and easy to apply.”³. The revision of the Russian historians’ attitude to the spiritual and knightly orders, which played an important part in the history of the medieval Baltics, is dictated by the times, since without this it is impossible to reconsider the legacy of the extremely ideological “political historiography”, as well as to eliminate the enormous lag of Russian historical science in this regard from Western European colleagues⁴. At the same time, we are referring not to borrowing other people’s work, but rather to our own achievements in the study of the Order Prussia and the Livonian Order in different contexts of time.

This issue opens with an article by Yu. N. Kezhi from Belarusian State University “Social ties between political actors in the Baltic Territory in the late 12th – early 13th centuries (according to the “Chronicle of Livonia”). The article is devoted to the initial stage of the formation of a special, “confederate” form of statehood in Old Livonia during its German and Danish conquest in the 1280s – 1320s, which is presented in the light of one of the most famous Livonian narrative monuments, the “Chronicle of Henry of Latvia” (*Heinrici Cronicon Lyvoniae*). The researcher focuses on the mechanism of establishing contacts between the main figures of Livonia feudal development of the specified period – the Riga Bishop Albert and other representatives of the Livonian episcopate, the spiritual and knightly order of the Brothers of the Sword, the Danish King Valdemar II, the princes of Polotsk and Pskov, in the context of their interactions with local tribal leaders. The construction of a complex system of relationships between them, which included the exchange of gifts, the formation of political alliances, and relations of political mediation, contributed significantly to the stabilization of the situation in the region and became an integral part of the historical entourage, imparting additional nuances to the preventive phase of state building in the Eastern Baltic, associated with the emergence of the so-called *herrschaften* or feudal estates.

The internal organization of the Teutonic Order, which largely predetermined the success of the formation of the Order states of Prussia and Livonia, is the subject of the study by A. S. Kotov (Tomsk State University) “The German Order officials movement in the 13th – first quarter of the 16th centuries through the prism of visualization methods”. The attitude to the spiritual and knightly order as a power institution that predetermined the main definitions of the Order states forces us to turn to the functional features of its knightly brotherhood. The knight brothers of the Teutonic Order, who acted as managers (officials) of the Order-Landsherr (sovereign), formed within it a hierarchical, balanced, effectively functioning management corps, on which the functioning of all the Order corporate and state structures depended to a large extent. In the process of studying the Order’s administrative institutions, the author of the article draws attention to the nature of the order officials’ career growth and the dynamics of their movement from position to position in the 13th – early 16th centuries, trying to identify their patterns and functionality within the Order’s state. The lack of information on career advancement in the Order, which is contained in written sources, is compensated for by the visualization method underlying the recently developed *Gephi*-matrix. It allows to describe the career advancement of the

³ Raudkivi P. Historia zakonu inflanckiego jako część historii Łotwy i Estonii. (XIII w. – 1. połowa XVI w.) // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Toruń, 1990. S. 86.

⁴ Бессуднова М. Б. Ливонский орден в современной зарубежной историографии // Средние века. Вып. 79/1. 2018. С. 103–125.

knights of the Order using prosopographical tables of graphs constructed on their basis, samples of which are presented. Among the data provided, unique indicators are distinguished for determining the degree of stability of official appointments, allowing one to problematize the formal intra-order hierarchy, identify and interpret the most stable career trajectories.

Continuing the theme of the Teutonic Order in Prussia, F. D. Podberezkin (Belarusian State University) turns to the personality of Margrave Dietrich von Landsberg and the motives for his trip to Prussia to participate in the crusade of 1272 organized by the Order. The answer to the question “Why did Dietrich von Landsberg go to Prussia?”, which is included in the title of the article, is given taking the crusading customs of the Wettin dynasty and the Meissen Margraviate into account, as well as the conflict situation in which the hero of the essay found himself on the eve of his trip. A quarrel with his father, Margrave Henry the Illustrious, as well as with the Bishop of Merseburg, Friedrich von Torgau, because of whom Dietrich was proclaimed a “persecutor of the Church”, as well as problems with the legitimization of the Margraviate of Landsberg, which contradicted imperial law, prompted Dietrich to seek a way out of the situation in acquiring the title of a crusader and a “good Christian”, which he completely succeeded in doing. The example of the landgrave, who solved his purely secular problems, in no way connected with the Order, serves as proof that already during the period of the highest flourishing of the crusader movement in the Baltics, religious motivations in the behavior of noble crusaders gave way to mundane considerations and participation in the affairs of the Teutonic Order turned into a kind of “symbolic capital” that helped solve problems with family and the Church.

The Livonian division of the Teutonic Order has been studied much less thoroughly than the Order in Prussia due to objective reasons (primarily due to the relative scarcity of surviving documentary material) and is therefore often presented as an exclusively military organization that posed a threat to the northwestern Russian lands. M. B. Bessudnova and V. A. Yakunina (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University) oppose this point of view in their article “Narva in the economic system of the Livonian Order state: towards the formulation of the problem”. The researchers turned to the problem of the economic structure of the Livonian Order state, which they consider through the prism of the trade and entrepreneurial activity of Narva as a small city under the Order’s subordination. It is particularly stressed that the attention of the Order’s vogts to its economic situation was predetermined by their personal responsibility for meeting the needs of the Order castle and the city, which, given their border location, was of great strategic importance. This forced the employees of the Order to practice various forms of entrepreneurship, although the limited resources of the Order’s domain economy in the district (gebitt) of Narva and the little support from other Livonian cities forced the leadership of the Livonian Order and the vogts representing its interests to focus on Narva’s external trade, in particular, on its Russian trade. By granting Narva trade privileges and patronage from the vogts, the Order managed to strengthen the economic position of Narva and its role in the Russian-Hanseatic trade, which partly compensated for its lack of Hanseatic status, the restrictions on its trade from the Hanseatic cities of Livonia, and also ensured close cooperation between the Order and municipal authorities. During periods of heightened Russian-Livonian tensions, Narva’s non-Hanseatic status was used by its administration for trade in violation of the Hanseatic ban on trade with Russians, thereby contributing to the

transformation of Narva into a stronghold of Russian-Livonian informal or “unusual” trade. The vogts guaranteed the uninterrupted supply of Russian export goods to Narva bypassing Reval and the Hanseatic League by protecting Russian-Livonian merchant transactions both at the local level and at the level of the Reval magistrate.

The article by E.V. Salmina and S.A. Salmin (Archaeological Centre of the Pskov Region) “The Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler): Archaeological Research of the Flax Processing Complex of the 16th-17th Centuries in the Petrovsky End of Pskov” goes beyond the context of the Order but is important for understanding the significance of the Russian Northwest economy for the development of trade contacts with the adjacent Livonian territories. The export of flax through Pskov and Livonia to the markets of Western Europe, which increased significantly as a result of the Order’s leadership opening a road between the Order city of Marienburg (Aluksne) and Pskov for Russian trade, was an important factor in interstate relations during the late Middle Ages and the New Age. In this regard, the authors of the article raised the issue of flax processing in Pskov, using written and archaeological evidence to solve the problem, in particular, excavation materials from a city courtyard with a complex of structures for flax processing (soaking pits with arrays of flax husks, structures for flowing flax mass, sheds for primary drying). Since the activities of the courtyard owners remained associated with flax processing for more than a century, it was named the Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler). The stable nature of production indicates the high profitability of flax processing despite price instability, unfavorable weather conditions, periodic blocking of trade routes due to military or political circumstances, etc. The location of this site in close proximity to the Flax Gostiny Dvor (Market Yard) suggests that the owners of estates similar to the the Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler) not only supplied their own commercial products there, but also processed flax raw materials delivered there by other persons.

The Chronicle section contains an overview of the All-Russian scientific conference with international participation, the Sixth Leichoudes Studies, on the topic of European Traditions in the History of Higher Education in Russia: from the Pre-University Model to Universities, which was held on April 18–20, 2024, at the Humanities Institute of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University with the participation of the Novgorod State United Museum-Reserve and the Russian National Library. The topics of the Studies were traditionally devoted to studying the activities and scientific legacy of the brothers Ioannikios and Sophronios Leichoudes, the history of the educational institutions they created in Russia, the traditions of education and book culture in Russia and abroad, from the Middle Ages to the New Age. In total, the conference program included 53 reports by historians, philologists, philosophers, teachers, archivists, librarians, graduate and undergraduate students from Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Novosibirsk, Saratov, Yaroslavl, Ivanovo, Pskov, Ufa, Tambov, Tver, Lipetsk, Arzamas, Veliky Novgorod, as well as scholars from Beijing and Vienna. The Sixth Likhudov Studies were dedicated to the anniversary of Distinguished Employee of Novgorod State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Inna Lvovna Grigorieva, who was the initiator and organizer of three Likhudov Studies conferences at Novgorod State University (1998, 2001, 2010), the creator of a research group in Veliky Novgorod studying the history of Russian education and books, as well as the prehistory of Novgorod State University.

M. B. Bessudnova, A. V. Ushakov

СТАТЬИ

УДК 930.2:003.74(0.032):316.772.4:94(47).043"1180/1227"

ББК 63.01+11.4+79.37+60.524.224.3+63.3(2)43

DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-14-33

Ю. Н. Кежа

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМИ АКТОРАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИКИ В КОНЦЕ XII – НАЧАЛЕ XIII в. (ПО ДАННЫМ «ХРОНИКИ ЛИВОНии»)¹

Проникновение латинских миссионеров и воинов-крестоносцев на территорию Восточной Балтики в 80-е гг. XII в. положило начало сложным взаимоотношениям немецких колонистов с местными языческими объединениями. Активное участие в контактах с северными крестоносцами принимали и древнерусские политические образования, граничащие с балтийскими племенными союзами – Полоцкое княжество, Новгородская и Псковская земли. Территория Прибалтики в период XIII–XV вв. являлась объектом противостояния различных сил в борьбе за власть и сферы влияния. Данное противостояние, в последующем, положило начало формированию различных взглядов на цели и характер немецкой колонизации.

В большинстве работ советских историков, события конца XII–XV вв. рассматривались в контексте сопротивления местных балтских и финских народов (ливов, латгалов, земгалов, эстов) военизированной немецкой ассимиляции. Древнерусские княжества в этом процессе выступали как препятствия для крестоносцев в деле колонизационного порабощения и окатоличивания, которое грозило не только прибалтийским народам, но и землям Средневековой Руси [Тихомиров, 1941; Бахрушин, 1942; Грацианский, 1943; Пашуто, 1956].

В последние десятилетия некоторые исследователи при рассмотрении контактов между крестоносцами и древнерусскими князьями указывают на отсутствие чёткой границы между православным и католическим мирами в конце XII – начале XIII в., что существенно ослабляет концепцию религиозного противостояния немцев-латинян и православных княжеств Руси [Selart, 2015, p. 27]. Историки обращают внимание, что нередко действия древнерусских князей в отношении местного населения можно характеризовать как агрессию, в то время как крестоносцы, в некоторых случаях, выступали на стороне крещёных племён ливов, латгалов и эстов. Таким образом, при более широком взгляде на события этого периода следует говорить не только о насильственном распространении латинского христианства среди коренного населения Прибалтии, но и о культурных заимствованиях, взаимопомощи, взаимозависимости и взаимовлиянии [Хрусталёв, 2019, с. 545].

¹ Работа подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X–XIII в.)», договор № Г23ИП-005.

При внимательном анализе различных источников – нарративных и актовых материалов, папских посланий и воззваний – можно наблюдать многочисленные формы коммуникации между политическими акторами. Эти формы контактов предусматривали заключения мирных соглашений, выстраивания политических и военных союзов, установления вассальных и даннических отношений. Различные способы коммуникации способствовали формированию относительно устойчивой системы социальных связей, позволяющей взаимодействовать различным группам в полиэтничной и поликонфессиональной среде на протяжении длительного времени [Maasing, 2022, p. 321–328; Kaljusaar, 2022, p. 63–82].

Главным источником наших исследований является латинский манускрипт немецкого священнослужителя Генриха, известный как «Хроника Ливонии» или «Хроника Генриха Латвийского» (лат. *Heinrici Cronicon Lyvoniae*)². Хроника была написана в 1225–1227 гг. по заказу рижского епископа Альберта (1165–1229). События в ней выстроены в хронологическом порядке: от появления в устье Западной Двины католического миссионера Мейнарда в 1184 г. до последних лет жизни заказчика Хроники. Ценность источника определяется временем его написания – священник Генрих был фактическим свидетелем происходящих событий. Не смотря на тенденциозность хрониста, который в положительном ключе описывает деятельность епископа Альберта и его приближённых, многие сообщения автора, такие как отношения между древнерусскими князьями и коренным населением региона, контакты между древнерусскими князьями и крестоносцами – находят отражение в других современных хронике материалах [Матузова, Назарова, 2002, с. 33]. Информация Хроники о встречах и переговорах, а также формах коммуникации между различными политическими силами Ливонии может быть признана нами как достоверная или близкая к достоверной, что и послужило выбору данного источника в качестве основного. Хронологические рамки исследования будут включать начальный этап немецкой колонизации Прибалтики (1184–1227), что полностью соответствует тому периоду, который описан в Хронике.

Нашей задачей будет выявление различных способов межличностной и межгрупповой коммуникации на территории Прибалтики (Ливонии) в конце XII – начале XIII в. Основной фокус исследования будет сосредоточен на формах контактов, которые приводили к выстраиванию сложной системы связей. Договоры и союзы нередко нарушались. В связи с этим, отдельное внимание будет посвящено рассмотрению различного рода конфликтов, а также способам их разрешения. В результате исследования предполагается выявить основные механизмы формирования политических союзов и функционирования социальных связей в рассматриваемом регионе.

Контакты на землях Прибалтики осуществляли основные политические силы, участвовавшие в борьбе за влияние в регионе: рижский епископ Альберт, немецкие рыцари и Орден меченосцев, датские короли Кнут VI и Вольдемар II, древнерусские князья. Отдельно можно выделить местных племенных вождей, которые пытались

² «Хроника Ливонии» цитируется по русскому переводу С. А. Аннинского [Генрих Латвийский, 1938].

найти различного рода выгоды от союзов как с колонизаторами-немцами, так и древнерусским князьями, активно противостоять одним и другим, а также использовать их в борьбе с соседними племенными объединениями Ливонии.

В качестве основных форм коммуникации из текста Хроники можно выделить следующие: 1). Вручение даров – 22 упоминания; 2). Различного рода договорные ритуалы как языческого, так и христианского характера (а также ритуализированные действия указывающие на разрыв договора) – 13 упоминаний; 3). Институт посредничества при заключении соглашений – 5 упоминаний.

Дары. Дары и дарообмен в средневековых обществах открывали широкие возможности к мирному сосуществованию между коллективами. Дары преподносились в ожидании установления социальных связей и (или) достижения дарителем определённых целей. Даже если обязательства, оформлявшиеся дарами, не высказывались открыто, ожидалось, что подразумеваемые договорённости и обычаи будут выполнены [Альтхоф, Штольберг-Релинген, 2016, с. 9].

Информация о первых попытках установления связей между представителями немецкой латинской миссии и полоцким князем Владимиром упоминается в самом начале Хроники. Священник ордена Августина Мейнард высадился в устье Западной Двины (1184) с целью проповеди и распространения христианства среди местного племени ливов. Установление первых контактов осуществлялось в форме даров полоцкого князя Владимира немецкому священнику³.

Из текста Хроники следует, что ливы выплачивали дань Владимиру. На этом влияние Полоцка в регионе, по всей видимости, ограничивалось. Мы не имеем информации о какой бы то ни было христианской миссии полоцких князей в Прибалтике, а также попытках установления прочного административно-территориального контроля на землях ливов. Устанавливая связь с Мейнардом посредством даров, Владимир Полоцкий привлекал латинского миссионера и содействовал ему, тем самым предполагая укрепить свой авторитет и влияния в регионе. Вероятно, Владимир рассчитывал на создание нового, зависимого от него территориального объединения, которое будет контролироваться из Полоцка [Хрусталёв, 2019, с. 29].

В изложении Хроники многие эпизоды с вручением даров происходят в контексте политического превосходства, когда сторона, вручающая дары, выступает как главенствующая. В приведённых ниже нескольких примерах, дары предельно открыто выражают ранг и статус дарителя и одариваемого. Владелец более высокого ранга вынужден проявлять демонстративную щедрость, обозначая тем самым своё более выгодное (привилегированное) положение [Альтхоф, Штольберг-Релинген, 2016, с. 10, 14]. В результате вручение дара между контрагентами устанавливалась саморазумеющаяся связь, согласно которой, на одариваемого

³ «Так вот получив позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира, которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник (Мейнард) смело приступил божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе» [Генрих Латвийский, 1938, с. 71].

накладывались определённые обязательства по отношению к дарителю [Гуревич, 2020, с. 416].

Дары ливам («*напитки, угощения и подарки*») вручает приемник Мейнарда, епископ Икскюле Бертольд в 1191 г. [Генрих Латвийский, 1938, с. 75]. Дары устанавливаются для «*расположения ливов*» к новому епископу и укрепления влияния Бертольда вместо предшественника Мейнарда. В 1205 г. дары («*сто золотых*») от римского папы Иннокентия III получает вождь ливов Каупо – один из первых ливских старейшин принявших крещение и в последующем верно служивший крестоносцам в военных походах на земли эстов [Генрих Латвийский, 1938, с. 85]. В 1207 г. рижский епископ Альберт вручает дары князю Кукенойса Вячко, который прибыл в Ригу с просьбой о помощи в борьбе с литовцами. Правитель Кукенойса добровольно перешёл в вассальную зависимость от Риги с готовностью передать половину своих владений епископу [Генрих Латвийский, 1938, с. 107–108].

В 1198 г. дары от датского короля Кнута VI получает епископ Альберт [Генрих Латвийский, 1938, с. 78]. Первые попытки распространения влияния датских королей на Восточную Балтику (территорию Эстонии) начались за несколько десятилетий до миссии немецких крестоносцев [Selart, 2015, p. 52]. Заинтересованность Кнута в деятельности Альберта проявилась в стремлениях установить через епископа прямое или опосредованное влияние в Нижнем Подвинье. В 1219 г. датский король Вольдемар II закрепляется в Ревельской области и после строительства нового замка одаривает старейшин ревельцев и гарионцев, пытаясь тем самым укрепить своё влияние над покорёнными областями эстов [Генрих Латвийский, 1938, с. 196].

Ряд сообщений Хроники указывает на дары как средства, с помощью которого одна из сторон пытается заключить мир или политический союз. Заинтересованная сторона преподносит дары с целью достижения желаемого результата. В этом случае, дары имеют важное смысловое значение, когда определённые люди или социальные группы вступают в мирные отношения или стремятся такие отношения продлить [Althoff, 1987, s. 24].

В 1206 г. «*желая снискать дружбу и расположение Владимира, короля полоцкого*» епископ Альберт отправляет с монахом Теодорихом в Полоцк «*боевого коня с вооружением*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 94]. В 1208 г. Вячко в поисках союзника в борьбе с Ригой обратился к полоцкому князю Владимиру. Бывший правитель Кукенойса отправил в Полоцк «*лучших тевтонских коней, баллисты, панцыри и тому подобное, а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 94]. Дары Вячко выступают как средство установления союза с полоцким князем взамен разорванных вассальных отношений с рижским епископом. Заинтересованной стороной в данном эпизоде выступает именно Вячко, который оставшись без земельных

владений рассчитывает их вернуть (или приобрести новые) с помощью полоцкого князя.

В 1213 г. литовский вождь Даугерутэ отправляется с *«большими дарами»* к новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу с целью заключения с ним союза [Генрих Латвийский, 1938, с. 161]. В 1217 г. эсты отправляют послов с дарами к новгородскому князю Святославу Мстиславичу [Генрих Латвийский, 1938, с. 185]. Цель посольства – заключение союза с Новгородом против Ордена меченосцев и рижского епископа [Хрусталёв, 2019, с. 102]. В 1223 г. старейшины Сакалы отправили послов с *«деньгами и многими дарами»* к владими́ро-суздальскому князю Юрию Всеволодовичу с призывом о военной помощи против крестоносцев [Генрих Латвийский, 1938, с. 231]. После прибытия объединённого русского войска во главе с новгородским князем Ярославом Всеволодовичем и псковским князем Владимиром Мстиславичем, эстонское население Дерпта преподносит Ярославу *«большие дары»*, прося о военной помощи против латинян [Генрих Латвийский, 1938, с. 232].

Хроника упоминает о преподнесении даров побеждённых прибалтийских объединений рижскому епископу и крестоносцам. В данном случае дары свидетельствуют о согласии племенных старейшин принять христианство и подчиниться власти ливонской церкви.

Так, в результате масштабного разорения крестоносцами в союзе с ливами и латгалами северо-восточных земель эстов в 1219 г. населения региона вместе с местными вождями принимает крещение. После заключения мира и получения рижанами заложников, старейшины от пяти областей Виронии отправили в Ригу дары и *«отдали самих себя со всей Виронией под покровительство пресвятой девы и ливонской церкви»* [Генрих Латвийский, 1938, с. 201]. В 1223 г. после разграбления воинами-крестоносцами эстонского замка Лонэ и трёх близлежащих крепостей, население передало рижанам в виде даров (возможно, дани) *«множество вайпы»* (покрывал/ткани) [Генрих Латвийский, 1938, с. 234]. После взятия рижанами Дерпта в 1224 г. вербольцы (поморские эсты) перешли в подчинение ливонской церкви преподнеся дары рижским рыцарям. Тогда в подчинение епископу перешли семь поморских областей. После распространения известия о взятии Дерпта, дары в Ригу были принесены послами от гервенцев и вронцев [Генрих Латвийский, 1938, с. 240–241].

Вручение даров в Хронике описывается как преподнесение военных трофеев союзному войску. После двух военных походов, племенные объединения земгалов и латгалов вручают союзникам-рижанам в виде даров добычу, захваченную в результате военных побед. После того, как земгалы взяли верх над литовцами в 1208 г., в Ригу были отправлены *«почетные дары»* [Генрих Латвийский, 1938, с. 119]. В этом же году после жестокого разорения латгалами языческой эстонской области Сакала, часть захваченного была передана священнику Бертольду и братьям-рыцарям в виде даров. В данном контексте, хронист показательно прославляет насилие

новообращённых латгалов в отношении язычников-эстов [Генрих Латвийский, 1938, с. 122].

Институт вручения даров в начальной истории колонизации Прибалтики служил средством установления и поддержания социальных связей. В процесс дарения были включены сообщества, находящиеся на разных стадиях социально-экономического развития: латинские священники, западноевропейские феодалы и монархи, древнерусские князья, а также догосударственные прибалтийскими объединения. Это может свидетельствовать об институте дарения как универсальном способе коммуникации в Средние века, с помощью которого заключались договоры и союзы, разрешались конфликты, выстраивались иерархические системы власти-подчинения [Мосс, 2015; Гуревич, 2020].

Ритуалы. Важной формой межличностной и межгрупповой коммуникации являются различного рода ритуалы. Под «ритуалами» подразумеваются символические действия, наделяемые особым значением и сакральностью, сопровождающие политические и религиозные акты [Риер, 2022, с. 189]. Их рассмотрение позволяет раскрыть особенности заключения договоров между контрагентами, фигурирующими в Хронике.

Помимо этого, ритуализированные действия, зафиксированные Генрихом, довольно определённо указывают на разрыв договорных отношений, что является подтверждением важной роли символических актов в контактах между политическими субъектами Ливонии конца XII – начала XIII в. Ритуалы, свидетельствующие о заключении/разрыве договоров были связаны как с дохристианским представлениям ливов, латгалов, земгалов, куров, литовцев и эстов, так и социальными (феодальными) практиками немецких крестоносцев и древнерусских князей.

Примером значимой роли ритуалов при контактах языческих сообществ и католических миссионеров является информация хрониста о принятии ливами крещение от Мейнарда в самом начале латинской миссии, а затем возвращении их к язычеству путём купания в Двине (1184)⁴. Похожим образом описывая восстания эстов против крестоносцев, Генрих сообщает о возвращении языческих обрядов как консолидирующей силы способной объединить отдельные племена эстов для борьбы с ливонскими рыцарями. Согласно Хронике, эсты возвращаются к многожёнству. Далее хронист информирует, что тела покойников, погребённых на христианских кладбищах, были вырыты из могил и сожжены по «языческому обычаю». Эсты моются и выметают вениками освобождённые замки, что как и в эпизоде с ливами (1184) символизировало отказ от христианства и возвращение к языческим верованиям [Генрих Латвийский, 1938, с. 226].

Показательным эпизодом заключения, а затем разрыва мирного соглашения между латинским епископом Бертольдом и ливами стал символический обмен

⁴ «Крещение, полученное в воде, они (ливы) надеялись смыть, купаясь в Двине, и отправить назад в Тевтонию» [Генрих Латвийский, 1938, с. 72].

копьями между сторонами конфликта. Увидев, что перемирие не соблюдается, Бертольд отослал копье ливам. Данное действие сигнализировало о возобновлении военного похода крестоносцев [Генрих Латвийский, 1938, с. 76]. Ритуал обмена оружием как проявление заключения мира находит параллели в древнерусской истории и, вероятно, относится к архаическим элементам договорных практик⁵.

Эпизод, по своим действиям похожий на возврат Бертольдом копья ливам произошёл в 1213 г. Литовцы разорвали мирный договор с крестоносцами. Символическим актом прекращения мирных соглашений стало бросание копья в Двину около замка Кукенойс – «в знак отказа от мира и дружбы». После метания копья последовала переправа литовцев через реку и разорение земель латгалов [Генрих Латвийский, 1938, с. 161]. В 1222 г., когда началось восстание в земле эстов, старейшины Вилиендэ после убийстваливонских рыцарей послали в крепость Оденпе (Медвежья голова) окровавленные мечи «*которыми убили тевтонов*» – в качестве знака, призывающего к мобилизации против крестоносцев. Захваченная одежда и кони рыцарей были отправлены в качестве даров [Генрих Латвийский, 1938, с. 225–226]. Продолжением этих событий стал языческий ритуал гадания о жертвоприношении богам. Выбор жертв состоял из быка и дерптского священника Гартвика. Согласно Хронике, жребий пал на быка, которого и принесли в жертву. Священнику была сохранена жизнь, хотя и нанесена «*большая рана, которая впоследствии была вылечена*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 226].

В 1201 г. был заключён мир между рижским епископом Альбертом и прибалтийским объединением куров. Как сообщает хронист, в только что основанную Ригу от куров было отправлено посольство для заключения мира: «*Получив согласие христиан, они закрепили мир, по языческому обычаю, пролитием крови*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 81]. Ритуал жертвоприношения как форма заключения мира являлась довольно распространённой практикой соглашений в дохристианских сообществах [Rowwel, 1992, p. 147]. Параллели действиям куров можно найти в событиях из истории Литвы XIV в. Во время переговоров Кейстута с венгерским королём Лайошом I (1351) после клятв литовского князя в соблюдении соглашений, литовской стороной было совершено пролитие крови быка и провозглашено, что подобная участь постигнет того, кто нарушит договор [Florianus, 1884, p. 161]. В обоих случаях, несмотря на языческий характер договорных ритуалов, соглашения воспринимались христианскими сторонами (епископом Альбертом и венгерским королём) как вполне легитимные.

По «*языческому ритуалу*» был заключён мир в 1201 г. между враждующими сообществами язычников-земгалов и новообращёнными ливами. Местом заключения

⁵ В Повести временных лет под 968 г. содержится сообщение о процедуре соглашения между печенежским военачальником и киевским воеводой Претичем, которое состояло из обмена оружием и взаимных клятв [Полное собрание русских летописей, 1926, стб. 67]. О ритуале клятвы оружием см. [Фетисов, 2002; Стефанович, 2006].

соглашения (и совершения ритуала) была Рига [Генрих Латвийский, 1938, с. 82]. Латинские крестоносцы, вероятно, выступали в качестве посредников в заключении соглашения и языческий характер ритуала немцев-христиан не смущал. В 1212 г. между крещёными ливами и латгалами (последние были притесняемы венденскими братьями-рыцарями) был заключён договор («заговор», согласно Хронике): «по обычаю язычников скрепили его, наступив на мечи» [Генрих Латвийский, 1938, с. 154]. Показательна роль в данном эпизоде ливского старейшины Каупо – христианина и верного сторонника братьев-рыцарей. Ливский вождь, присутствуя при заключении соглашения, заявляет, что «от веры христовой не отречется никогда, но готов вступить пред епископом за ливов и лэттов, чтобы облегчить им христианские повинности» [Генрих Латвийский, 1938, с. 154]. Каупо, являясь христианином, считает вполне уместным осуществление языческого ритуала и предлагает услуги посредника.

Ритуализированные действия похожие по своему содержанию на процедуру феодальной присяги вассала своему сеньору, изложены в Хронике под 1209 г. После штурма и взятия рыцарями древнерусского замка Герцике, местный князь Всеволод бежал из крепости, а сам город был разграблен войском крестоносцев. Спустя некоторое время Всеволод приезжает в Ригу и соглашается на условия мира. Он обязался оборвать контакты с языческими племенами Ливонии, а также прекратить «вместе с литовцами разорять земли русских христиан» [Генрих Латвийский, 1938, с. 127]. После данного Всеволодом обязательства ему было возвращено его владение, а сам князь признавал политическую зависимость от рижского епископа⁶.

Действия Всеволода, показывающие смирение и покорность провинившегося вассала перед своим сюзереном, напоминают ритуалы покаяния («*diditio*»), известные из западноевропейской средневековой истории [Althoff, 1997, s. 99–125; Koziol, 1992. p. 1–19; Reuter, 1991. s. 297–325]. В ходе конфликтов между верховным правителем (королём или императором) и подчинёнными вассалами (герцогами и графами), примирение было возможно в случае прощения сюзереном побеждённого мятежника. Данный ритуал состоял из следующих символических элементов: провинившийся вассал являлся перед государем, публично признавал свою вину и коленопреклонно молил сюзерена о прощении. Проходя через публичный ритуал покаяния и подчинения, побеждённой стороне конфликта возвращались прежние владения [Althoff, 1997, s. 113]. Таким образом, ритуал «*deditio*» способствовал восстановлению мира посредством отказа от насилия и наказания.

Действия Всеволода после прибытия в Ригу соответствуют основным элементам данного ритуала: «Явившись, тот просил простить его проступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству и умолял забыть прошлое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных» [Генрих Латвийский, 1938, с. 127]. Всеволод, как человек зависимый от епископа вручил

⁶ «Передав свое королевство той же церкви, он получил его вновь из рук епископа через торжественное вручение трех знамен, признал епископа отцом и утверждал, что впредь будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев» [Генрих Латвийский, 1938, с. 127].

последнему «своё королевство», а затем получил его обратно в виде «трёх знамён», обязуясь признать Альберта «своим отцом» и впредь находиться в его воле⁷. Лен с тремя знамёнами, которыми Альберт наделил Всеволода в соответствии с западноевропейским средневековым правом, должен был соответствовать трём замковым округам, одним из которых был Герцигский округ [Матузова, Назарова, 2002, с. 201].

За четыре года до присяги Всеволода, древнерусским князем, который одним из первых пошёл на соглашение с рижским епископом Альбертом был Вячко [Генрих Латвийский, 1938, с. 92–93]. В сообщении 1205 г. князь Кукенойса выступает как независимый от Владимира правитель, добровольно принимающий решение о вступлении в политическую зависимость от рижского епископа: «*После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 93]. Действиями обеих сторон, подчёркивающими заключение соглашения, являются рукопожатия и взаимные приветствия, что соответствовало одной из универсальных средневековых символик – символике руки. Процедура вложения рук вассала в руки сеньора (в нашем случае – процедура рукопожатия) являлась многозначной и могла выражать наставление, защиту или покровительство [Ле Гофф, 2000, с. 215]. В 1206 г. Вячко отдаёт Альберту половину своих владений и становится, по сути, вассалом епископа в надежде обезопасить свои владения от нападения литовцев. С целью подкрепления договорённости о предоставлении защиты, Альберт вручает Вячко дары (об этом упоминалось выше) и князь Кукенойса возвращается в свой замок [Генрих Латвийский, 1938, с. 107–108].

Не смотря на символические действия, указывающие на вступление князей Вячко и Всеволода в зависимость от рижского епископа, ритуалом вассалитета, полностью аналогичным западноевропейским практикам, события 1206 и 1209 гг. назвать нельзя. Как отмечал Жак Ле Гофф, «цельность обрядов и символических жестов вассалитета образует не только церемониал, ритуал, но систему, то есть то, что функционально только тогда, когда ни один существенный элемент из неё не выпадает, и то, что обладает своим значением и своей силой действия только благодаря каждому из элементов, смысл которых выявляется только в отношении целостности» [Ле Гофф, 2000, с. 222]. В отмеченных Хроникой церемониальных действиях представлены отдельные элементы вассалитета – клятва и вручение инвеституры (трёх знамён) в 1209 г. и рукопожатие в 1206 г. При этом в церемониальных действиях отсутствует цельность, которая должна включать строгую последовательность таких элементов как слово, жест и предмет [Ле Гофф, 2000, с. 213].

⁷ Сохранился оригинал договора (грамота), о вступлении Всеволода в вассально-ленные отношения с епископом Альбертом. Текст грамоты частично повторяет и дополняет рассказ Генриха, что позволяет предположить, что автор Хроники был хорошо знаком с документом и, возможно, лично присутствовал во время присяги [Матузова, Назарова, 2002, с. 201].

Тем не менее ритуальные действия как формы контактов и заключения договоров между политическими акторами Ливонии, отражённые в Хронике, указывают на значительную роль символической коммуникации в политических процессах на территории Восточной Европы периода средневековья.

Посредники. В последние десятилетия историки-медиевисты обращают внимание на важную роль посредников и миротворцев в урегулировании средневековых конфликтов [Kamp, 2001]. Многочисленные случаи из западноевропейского средневековья, когда посредники пытались предотвратить или погасить возникающие противоречия, позволяют признать, что их деятельность направлялась и защищалась представлениями о правилах, которые имели высокую степень признания в обществе [Althoff, 2019, p. 5].

В Хронике содержится ряд упоминаний о роли посредников при разрешении конфликтов между политическими субъектами Ливонии. Так, в 1208 г. при противостоянии между немецким рыцарем Даниилом из Левенвардена и князем Кукенойса Вячко, инициатором урегулирования конфликта и посредником в заключении мира выступил рижский епископ Альберт. После взятия Кукенойса Даниилом и пленения Вячко, епископ способствовал освобождению русского князя и возвращению его владений. Важным инструментом урегулирования противоречий, в данном случае, являлся институт даров и гостеприимства: Альберт приглашает Вячко на праздник Пасхи в Ригу, вручает ему дары и устраивает пир для князя и его приближённых, тем самым *«усыпив всякую вражду между ним и Даниилом»* [Генрих Латвийский, 1938, с. 114]. В этом эпизоде посреднические действия Альберта можно характеризовать как арбитраж, где престиж и авторитет рижского епископа были призваны погасить конфликт двух его вассалов.

В период объезда папским легатом областей Ливонии, представитель римской церкви, действуя от имени папы, выступил посредником в разрешении старого конфликта между ливонскими рыцарями и датчанами. Спор касался земель эстонской области Вирония, откуда датчане были изгнаны братьями-рыцарями. Легат постановил отдать эту землю *«под покровительство верховного первосвященника»*, тем самым выступив верховным судьёй и арбитром в споре двух политических сил Ливонии. Обе стороны конфликта (датчане и рижане) подчинились решению легата и заключили между собой мир [Генрих Латвийский, 1938, с. 246–247]. В данном эпизоде можно увидеть символическое проявление смирения политических сил перед церковным иерархом, которое неоднократно имело место в истории средневековья [Althoff, 2019, p. 173–188].

В 1212 г. был возобновлён мир между крещёнными племенами ливов и латгалов с одной стороны и язычниками-эстами с другой. Медиатором переговоров и посредниками в возобновлении мира выступили епископ Альберт, братья-рыцари и старейшины Риги [Генрих Латвийский, 1938, с. 151].

В этом же году был заключён мир между Владимиром Полоцким и Альбертом. Встреча происходила у замка Герцике. В 1212 г. крепость находилась на приграничной территории между Полоцким княжеством и владениями крестоносцев. Переговоры проходили в спорах о принадлежности ливской дани [см. Подберёзкин, 2022, с. 87–100], которые грозили перерасти в военное столкновение. После того как переговоры зашли в тупик, полоцкий князь выводит из замка своё войско, выстраивает его на поле и идёт на людей епископа, тем самым демонстрируя готовность начать военные действия. Столкновение предотвратили настоятель церкви св. Марии Иоанн и псковский князь Владимир Мстиславич⁸. Пройдя «*между двух войск*» Иоанн и Владимир убедили полоцкого князя не начинать войну, после чего тот принял предложение епископа и отказался от власти над ливами. Не смотря на трафаретный характер повествования Хроники, где Владимир Полоцкий за короткий период от безудержного агрессора признаёт Альберта «*духовным отцом*», сообщение повествует о важной, и, подчас, ключевой роли посредников в предотвращении столкновений и заключении мира.

Владимир Мстиславич занимал псковский княжеский стол с 1209 по 1227 г. В период с 1211 по 1215 г. (на который приходится эпизод переговоров с полоцким князем) он был изгнан из Пскова и находился на службе у Альберта в должности судьи в областях Аутине и Идумея в Ливонии [Матузова, Назарова, 2002, с. 135]. Помимо этого Владимир Мстиславич выдал свою дочь замуж за брата Альберта Теодориха, и, тем самым, находился с рижским епископом в отношениях свойства. По всей видимости, псковский князь имел дружеские контакты и с Владимиром Полоцким, о чём свидетельствует его пребывание в гостях у полоцкого князя после изгнания из Пскова [Генрих Латвийский, 1938, с. 151].

Рассматривая данное противостояние подтверждается закономерность, характерная для многочисленных конфликтов Средневековой Европы: те люди, которые имели равные отношения с обеими сторонами конфликта, были особенно хорошо подготовлены к действиям в качестве посредников [Althoff, 2019, p. 6].

Роль медиатора в предотвращении конфликта между местными племенами (ливов и латгалов) и крестоносцами отводилась хронистом Каупо – уже упоминавшемуся правителю ливов из области Турайда. В рассматриваемом выше сообщении (1212) о «языческом» союзе между ливами и латгалами против рыцарей, Каупо выступал нейтральной стороной, стремящейся к разрешению конфликта. Принявший христианство в 90-е гг. XII в. и активно выступающий на стороне немецких крестоносцев, правитель Турайды выступал вождём ливов в многочисленных походах против других прибалтийских объединений, прежде всего эстов. Каупо, таким

⁸ «*Когда сошлись те и другие, Иоанн, настоятель церкви пресвятой Марии, и король Владимир с некоторыми другими, пройдя между двух войск, стали убеждать короля не тревожить войной молодую церковь, чтобы и его не тревожили тевтоны, все люди сильные в своем вооружении и полные желания сразиться с русскими. Смущенный их храбростью, король велел своему войску отойти, а сам прошел к епископу и говорил с ним почтительно, называя отцом духовным; точно также и сам он принят был епископом, как сын*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 153].

образом, имел тесные связи и равные отношения как с колонизаторами-немцами, так и с объединением ливов, из которого он вышел в качестве предводителя.

Роль посредников в политических событиях Ливонии начального этапа христианизации (конец XII – первая четверть XIII в.) в ряде случаев имела ключевое значение. В ходе конфликтов между сообществами рыцарей-крестоносцев и местными новокрещёнными (или ещё языческими) племенами был необходим человек, имеющий связи с каждой из сторон конфликта, а также располагающей авторитетом и престижем в обоих сообществах. Это касается и отношений между древнерусскими князьями и рижским епископством. Центральная роль в конфликтах между отмеченными политическими акторами отводилась посреднику-медиатору, представляющему нейтральную третью сторону, как правило не вовлеченную в сам конфликт и стремящемуся к достижению взаимоприемлемого баланса между конфликтующими сторонами.

Иные способы конструирования социальных связей. В тексте Хроники встречается информация о способах конструирования социальных сетей, в перспективе призванных стать основой для дальнейшего распространения влияния.

Важнейшим регулятором, с помощью которого устанавливались и поддерживались мирные отношения был институт заложников. При описании заключений перемирий, информация о выдаче заложников встречается в Хронике 17 раз [Генрих Латвийский, 1938, с. 79–80, 89, 92, 93–94, 105, 112, 139, 167, 177–178, 183, 187, 200, 206, 224, 227, 248, 254]. Во всех случаях это касается мирных договоров между колонизаторами и прибалтийскими объединениями (за исключением одного случая, когда заложников от эстов требует папский легат), когда представители местных элит отдавали своих детей крестоносцам.

Выданные заложники являлись гарантами политической и военной лояльности прибалтийских племенных вождей. Помимо политической прагматики институт заложничества имел важное социально-культурное значение. Довольно часто сыновья вождей переправлялись на территорию Священной Римской империи («Тевтонию»), где приобщались к западноевропейской латинской культуре. Институт заложничества, таким образом, был действенным механизмом включения социальной элиты прибалтийских объединений в феодальную среду Западной Европы. Подобные практики были распространены во многих регионах мира и были характерны для различных периодов истории [См. Магарамов, 2019; Ярцев, Шушунова, 2019, с. 180–181].

С начала активного расширения христианства в Ливонии, рижский епископ Альберт постоянно отправлялся в немецкие земли для вербовки крестоносцев. Рыцари-пилигримы выступали движущей силой в покорении племенных объединений. На начальном этапе колонизации (конец XII – первое десятилетие XIII в.), они служили в качестве активных проводников влияния рижского епископа, занимая административные должности в укрепленных центрах Прибалтики и, тем самым, осуществляли контроль над отдельными областями.

В первые десятилетия колонизации Ливонии важным фактором распространения влияния рижской церкви была отправка проповедников в земли

язычников и создание там церковных учреждений. После направления рижским епископом в Торейду священника Алебранда была основана церковь в Куббзелэ. В Метсеполэ был направлен священник Александр, основавший в этой области храм. Священник Даниил был отправлен с проповедью в Леневарден, оттуда пошёл с миссией по соседним землям [Генрих Латвийский, 1938, с. 105]. После того, как Альберт получил от римского папы власть на правах архиепископа назначать и посвящать епископов в землях Ливонии, он создаёт в Эстонии епископат: в епископы посвящает священника Теодориха, а священника Бернарда назначает аббатом в Динамюндэ. В последующем Бернард стал епископом земгалов [Генрих Латвийский, 1938, с. 145]. В Ливонии к XIII в. капитулы стали одними из самых важных учреждений, они играли ключевую роль в церковном управлении. Позже, большинство из них получили исключительное право избирать епископов, и церковная организация Ливонии постепенно включалась в общеевропейскую систему латинской церкви [Maasing, 2022, p. 341–345].

Распространение влияние Альберта осуществлялось через пожалование бенефициев рыцарям-пилигримам и отдельным церквям. Так, в 1205 г. Альбертом в устье Западной Двины был основан монастырь цестерцианских монахов, где аббатом рижский епископ поставил брата Теодориха, а наместником в замке Икескола (выше по течению Двины) назначил рыцаря Конрада из Мейендорфа, которому ранее эти земли были даны в качестве бенефиция [Генрих Латвийский, 1938, с. 91]. После занятия крестоносцами сожжённого Кукенойса в 1209 г., Альберт отдаёт половину укрепления Рудольфу из Иерихо и наделяет братьев-рыцарей третьей частью замка [Генрих Латвийский, 1938, с. 123]. К началу 20-х гг. XIII в. Хроника сообщает о разветвлённой структуре замковых укреплений на землях Ливонии населённых братьями-рыцарями. Крестоносцы выполняли судебные функции и собирали налоги с местного населения, отправляя часть податей рижскому епископу [Генрих Латвийский, 1938, с. 221]. В качестве бенефиция земли получали не только немецкие рыцари, но и местные вожди. Под 1206 г. содержится информация о владении ливами замком Леневарден, с доходов которого ежегодно в Ригу выплачивался фиксированный налог [Генрих Латвийский, 1938, с. 105]. После крещения рижанами земгалов из Мезиотэ, Альберт оставляет своих людей в замке с целью установления контроля над крещённой территорией и защитой местного населения от литовцев и соседних племён земгалов-язычников [Генрих Латвийский, 1938, с. 196–197].

Земельные пожалования и назначение людей епископа на административные должности были связаны с древнерусскими князьями, которые в силу разных причин переходили в зависимость от рижского епископа. Уже упоминалось о добровольной присяге князя Кукенойса Вячко епископу Риги, а также вынужденном подчинении Альберту герцигского князя Всеволода⁹.

⁹ По мнению белорусских исследователей, создание и развитие Кукенойса и Герцике являлось проявлением полоцкой колонизации в низовьях Западной Двины [Штыхов, 1978, с. 62], а князя Вячко и Всеволод до активной экспансии крестоносцев в Прибалтике находились в вассальной зависимости от полоцкого князя [Гісторыя Беларусі, 2000, с. 227]. В белорусской историографии прочно утвердилось мнение, что борьба этих городов-замков являлась проявлением общего сопротивления экспансии крестоносцев. Главным центром данного

Важное значение для Владимира Мстиславича имело покровительство рижского епископа после того, как князя изгнали его из Пскова. Владимир был поставлен Альбертом на должность судьи и сборщика податей в областях Аутине и Идумея. Несмотря на то, что Владимир Мстиславич был лишён псковского княжения и не обладал фактической властью на землях Руси, Генрих называет его «*королём*» («*rege Woldemaro*») наряду с другими русскими князьями, упоминаемыми в Хронике. Епископ принимает покровительство над бывшим псковским князем, о чём может свидетельствовать его благословение и дары, которые он вручает Владимиру. Помимо этого, Альберт брал Владимира на содержание («*велел в знак уважения снабжать его всем вдоволь*»), что также ставило князя в зависимость от епископа [Генрих Латвийский, 1938, с. 151].

Стремление к активному влиянию на землях Эстонии проявлял датский король Вольдемар II. Скандинавский монарх осуществлял попытки создать в Прибалтике сеть доверенных лиц наделённых управленческими функциями и подчинённых лично ему. В 1219 г. после высадки датского войска в Ревельской области и победы над местными племенами, датский король вместо убитого эстами епископа Теодориха ставит своего капеллана Весцелина. Окончив строительство нового замка в Линданизе на месте сожжённого, Вольдемар оставляет там своих людей и покидает Эстонию [Генрих Латвийский, 1938, с. 195–196]. Когда в следующем году Альберт ставит аббата бременского монастыря св. Петра Германа епископом Эстонии, начинаются разногласия с датским королём. Вольдемар на несколько лет задерживает отправку Германа в Ливонию, добиваясь признания аббата быть его верным сторонником [Генрих Латвийский, 1938, с. 207]. В 1221 г. неудачей закончилась попытка поставить Вольдемаром на должность королевского судьи в Риге рыцаря Годескальда [Генрих Латвийский, 1938, с. 216].

В контексте противостояния между рижским епископом и датским королём за земли Эстонии, Альберт отправляет в Сакалу в качестве проповедников священников Алебранда и Людовика. После мира с новгородцами в Эстонию из Риги был отправлен ряд других священников с миссией христианской проповеди и крещения. Позже, один из стерейшин виронцев Таберин был повешен датчанами, по словам Генриха «*за то, что принял крещение от рижан и отдал своего сына заложником братьям-рыцарям. Прочие же виронцы из других областей, не смея из-за угроз датчан*

сопротивления был Полоцк под властью князя Владимира – верховного сюзерена подвинских городов [Гісторыя Беларусі, 2000, с. 227; Риер, 2020, с. 123]. С данными заключениями нельзя согласиться. Анализируя контакты и символические действия, которые велись князьями Кукенойса и Герцике с рижским епископом, можно заключить, что Вячко и Всеволод до вступления в зависимость от Альберта выступали как самостоятельные правители, заинтересованные в сохранении своей власти [Кежа, 2022, с. 46–47]. Наибольшую активность на начальном этапе контактов с крестоносцами проявил Вячко, выказав в 1205 г. желание о заключении соглашения с епископом. В 1209 г. в покровительство к Альберту после военного поражения от рижан вступает Всеволод. О самостоятельности Всеволода до этого времени свидетельствует упоминание, что он вместе с литовцами разорял русские земли, и, следовательно, не зависел от соседнего Полоцка. В самом начале XIII в. во время походов Владимира Полоцкого на Иксюль (1203) и Ригу (1206) Вячко и Всеволод проигнорировали военные мероприятия полоцкого князя и не могли находиться в вассальной зависимости от него.

принять рижских священников, позвали к себе датчан, как соседей, и ими были крещены» [Генрих Латвийский, 1938, с. 208].

На примере конфликта Альберта и Вольдемара, активную роль играет создание сети доверенных лиц – проповедников, настоятелей церквей и епископов. Они призваны стать проводниками интересов своих сюзеренов в деле осуществления власти на новых территориях. В данном случае имеет принципиальное значение от кого, датчан или рижан приняло христианство местное население. Сами акты крещения язычников выполняют инструментальную (прагматическую) функцию в деле колонизации и распространения влияния.

Своих доверенных лиц на территории Прибалтики стремились посадить древнерусские князья. В 1223 г. во время массового восстания эстов против власти крестоносцев, племенные старейшин обращаются за помощью к новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу. Ярослав, принимая просьбы эстов, занимает земли Унгавии с замками Дерпт и Оденпе и сажает там своих наместников, в частности, бывший правитель Кукенойса Вячко становится управляющим Дерпта [Генрих Латвийский, 1938, с. 232–233].

После поражения древнерусских войск в Эстонии в 1224 г., сеть своих доверенных лиц на завоёванных территориях распространяют немецкие колонисты. Епископ Эстонии Герман ставит в Оденпе и Дерпте своих доверенных лиц (в том числе родственников) и раздаёт им во владение феоды. Своего брата Ротмара он назначает настоятелем дерптской обители, приписав к ней окрестные деревни и доходы с земли. Герман активно приглашает в Унгавию священников, даёт им в управление церкви и наделяет их бенефициями. Похожим образом действует Орден меченосцев в соседней Сакале: создаются укреплённые центры, по церквям ставятся священники с наделением их доходами с полей и выплатой церковной десятины [Генрих Латвийский, 1938, с. 241].

После завершения начального этапа колонизации Прибалтики, эффективным способом установления влияния было крещение местных племенных вождей. Некоторые из них, как, например, ливский старейшина Каупо, принимали активное участие в военном покорении языческих племенных объединений и выступали союзниками крестоносцев. Особое отношение хрониста Генриха к Каупо отразилось в титуле, который к нему был применён. Из прибалтийских правителей именно к ливскому вождю относится титул «король» (*rex*) [Генрих Латвийский, 1938, с. 85]. В отличие от остальных предводителей прибалтийских объединений, титулы которых в хронике передаются как «старейшина(ны)» («*senior*», «*seniors*»), князь («*princeps*», «*principe*») или вождь («*dux*»), Каупо назван «королём или старейшиной ливов» («*rex et senior Livonum*»). Из всех племенных вождей Ливонии Каупо был единственным, кто был принят главой латинской церкви в Риме [Генрих Латвийский, 1938, с. 85].

Создание социальных связей в Ливонии было эффективным фактором оперативной мобилизации воинов для походов вглубь территорий прибалтийских

объединений. В походах участвовали как рыцари-крестоносцы, так и заинтересованные в пополнении материальных ресурсов крещённые племена ливов и латгалов. За довольно короткий период (1198–1227) рижскому епископу и ордену меченосцев на землях Нижнего Подвинья и датчанам на территории Эстонии удалось создать довольно прочную сеть доверенных лиц, выполняющих военно-административные и фискальные функции.

Попытка создания административной инфраструктуры на землях восточной Эстонии новгородцами и псковичами в 20-е гг. XIII в. не увенчалась успехом. После захвата крестоносцами Дерпта в 1224 г., древнерусское влияние к западу от Чудского озера перестало существовать. Если в период первой четверти XIII в. можно было наблюдать различные стратегии и конфигурации отношений между немцами-колонизаторами, местными племенами и древнерусскими князьями, после 1224 г. прибалтийские объединения выступают на стороне колонизаторов, воспринимая древнерусских князей как противников [Хрусталёв, 2019, с. 544]. Причиной этого было довольно быстрое крещение (пусть в ряде случаев и формальное) прибалтийских племён и распространение крестоносцами политико-религиозного и культурного влияния в регионе.

Таким образом, формирование социальных связей на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. происходило в сложных условиях межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Помимо военной агрессии рыцарей-крестоносцев против прибалтийских объединений, которая наиболее активно присутствовала на начальном этапе колонизации (первая четверть XIII в.), латинское влияние распространялось также благодаря мирным формам коммуникации.

Одним из важнейших способов контактов был институт дарения. Данную социальную практику использовали практически все политические акторы Ливонии конца XII – первой трети XIII в. Дары преподносились в попытках установления политического господства, когда статус дарителя позиционировался как более высокий по отношению к адресату дара, что предусматривало подчинённое положение получателя к дарителю. Вручение дара осуществлялось и как средство заключения (поддержания) мира или политического союза. В данном случае дары преподносила сторона, заинтересованная в достижении желаемого результата. Дары преподносились покорённой стороной (прибалтийскими племенами) победителям крестоносцам, что свидетельствовало о согласии местных племенных вождей принять латинское христианство и подчиниться власти колонизаторов.

При заключении договорённостей между контрагентами большое значение играли ритуальные формы поведения, через которые и достигались различного рода соглашения. Это касается договоров о заключении мира между крестоносцами и прибалтийскими объединениями. Обращает на себя внимание, что колонизаторы-христиане при заключении соглашений с местными племенами (или являясь посредниками между ними), воспринимают языческий характер ритуализированных действий последних как вполне легитимный. Определённые символические действия могли сигнализировать о разрыве мирного договора или отказе от крещения.

Ритуализированные действия могли выступать объединяющим фактором в мобилизации местных сообществ против колонизаторов, как это произошло с эстами в 20-е гг. XIII в. Соглашения между рижским епископом и некоторыми древнерусскими князьями носили христианско-феодалный характер, во многих своих элементах напоминая вассальные присяги Западной Европы.

Ряд упоминаний свидетельствует о ключевой роли посредников в разрешении споров между конфликтующими сторонами. В некоторых эпизодах их действия можно характеризовать как арбитраж, где престиж и авторитет посредника призван предотвратить конфликтную ситуацию и привести стороны к договорённостям. В отдельных случаях роль посредников выполняли лица, имеющие равные отношения с обеими сторонами конфликта. Важное значение посредника как нейтральной стороны нашло проявление в ходе противостояния между крестоносцами и местными объединениями, а также между древнерусскими князьями и рижским епископом.

Помимо наиболее распространённых форм символической коммуникации, конструирование социальных связей в Ливонии конца XII – начала XIII в. нашло проявление в следующих действиях: институте заложенничества как гарантии соблюдения договорённостей; вербовке рижским епископом в немецких землях крестоносцев; крещении и вербовке местных племенных вождей; пожаловании бенефициев рыцарям-пилигримам и отдельным церквям; назначении вассалов на должности управляющих; учреждении католических монастырей; постройке каменных замков как центров сосредоточения вассалов-рыцарей и племенных элит; широкой миссионерской деятельностью крестоносцев; посвящении немецких священников в должности епископов и аббатов в различных областях Ливонии. В совокупности, данные способы установления контактов позволили выстроить систему социальных связей, через которую колонизаторами осуществлялся контроль над покорённой территорией.

Информация о статье

Автор: Кежа Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь; e-mail: yurykezha86@gmail.com

Заголовок: Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. (по данным «Хроники Ливонии»)

Аннотация: В статье рассматривается процесс социального взаимодействия между основными политическими субъектами на территории Прибалтики (Ливонии) в период начального этапа немецкой колонизации (80-е гг. XII в. – 20-е гг. XIII в.). Основным источником исследования является латинский манускрипт немецкого священнослужителя Генриха, известный как «Хроника Ливонии» или «Хроника Генриха Латвийского» (лат. *Heinrici Cronicon Lyvoniae*). Основной фокус исследования сосредоточен на формах контактов, которые приводили к выстраиванию сложной системы связей. Отдельное внимание посвящено рассмотрению различного рода конфликтов, а также способам их разрешения. В результате исследования делаются выводы об основных механизмах формирования политических союзов и функционирования социальных связей в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: «Хроника Ливонии», социальные связи, крестоносцы, рижский епископ, древнерусские князья, ливы, латгалы, эсты

Библиографический список

- Альтхоф Г. (2016). Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени. *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг.* Москва: Политическая энциклопедия. С. 8–28.
- Бахрушин С. В. (1942). Александр Невский и борьба русского народа с германской агрессией в XIII веке. *Вестник АН СССР.* №4. С. 58–71.
- Генрих Латвийский Хроника Ливонии / редкол.: С. А. Аннинский [и др.]. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1938. 608 с.
- Гісторыя Беларусі: У 6 т. / Рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск: “Экаперспектыва”, 2000. Т. 1 Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. 351 с.
- Грацианский Н. П. (1943). *Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века.* Москва: Упедгиз. 64 с.
- Гуревич А. Я. (2020). Богатство и дарение у скандинавов в раннее средневековье. *Избранные труды. «Эдда» и сага.* 4-е изд. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. С. 410–430.
- Кежа Ю. Н. (2022). Политическая коммуникация между правителями в «Хронике Ливонии». *Вестник Полоц. дзярж. ун-та.* Серия Гуманитарных наук. № 9. С. 44–49.
- Ле Гофф Ж. (2000). Символический ритуал вассалитета. *Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 211–262.
- Магарамов Ш. А. (2019). Институт аманатства во взаимоотношениях дагестанских политических элит с российской властью. *Вопросы истории.* № 12 (2). С. 163–170.
- Матузова В. И. (2002). Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Издательство «Индрик». 488 с.
- Мосс М. (2011). *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии.* Москва: КДУ. 413 с.
- Пашуто В. Т. (1956). *Героическая борьба русского народа за независимость.* Москва: Государственное издательство политической литературы. 280 с.
- Подберёзкин Ф. Д. (2022). «Юрьевская дань» в русско-ливонских отношениях (XIII – середина XVI века). Москва: Квадрига. 241 с.
- Полное собрание русских летописей:* Т. 1 Лаврентьевская летопись. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. 379 с.
- Риер Я. А. (2020). *Правитель и общество на белорусских землях в XIII – первой трети XV в.:* основные механизмы политогенеза, легитимизации и сакрализации власти. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова. 256 с.
- Риер Я. А. (2022.). Языческие ритуалы власти первых правителей Литвы (середина XIII – середина XIV в.). *Древнейшие государства Восточной Европы. 2022 год: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений.* Москва: ГАУГН-Пресс. С. 187–201.
- Стефанович П. С. (2006). Клятва по русско-византийским договорам X в. *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2004 год; Политические институты Древней Руси.* Москва: Вост. лит. С. 383–403.
- Тихомиров М. Н. (1941). *Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв.* Москва: Госполитиздат. 68 с.
- Фетисов А. А. (2002.). Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах. *Славянский альманах.* Москва. С. 36–45.
- Хрусталёв Д. Г. (2019). *Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв.* Санкт-Петербург: Евразия. 624 с.
- Штыхов Г. В. (1978). *Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.).* Минск: Наука и техника. 160 с.
- Ярцев С. В., Шушунова Е. В. (2019). Особенности заключения мира с готами императором Валентом в 369 г. *Византийское содружество: традиции и смена парадигм:* тез. докл. XXII всероссийской научной сессии византинистов РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 180–182.
- Althoff G. (1987). Der friedens-, bündnis- und gemeinschaftstiftende Charakter des Mahles im früheren Mittelalter. *Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit.* Hg. von I. Bitsch. Sigmaringen. S. 13-25.
- Althoff G. (1997). Spielregeln der Politic im Mittelalter: Kommunikation in Frieden ind Fehde. Darmstadt: *Primus Verlag.* 360 s.
- Althoff G. (2019). Rules and Rituals in Medieval Power Games. A German Perspective. Leiden–Boston: Brill. 282 s.
- Florianus M. (1884). *Chronicon Dubnicense: cum codicibus Sambuci, Acephalo et Vaticano, chronicisque Vindobonensi Picto et Budensi accurate collatum.* Accesserunt: II. Adnotationes chronologicae seculi XII et XIII-i; III. Chronicon monacense; IV. Chronicon zagrabiense et varadiense; V. Joannis de Vtino Brevis narratio de regibus Hungariae. Quinque-Ecclesiis. 277 p.

- Kaljusaar K. (2022). Exploiting the Conquerors. Socio-political Strategies of Estonian Elites During the Crusades and Christianisation, 1200–1300. *Baltic Crusades and Societal Innovation in Medieval Livonia, 1200–1350* / Volume Editor: Anti Selart. Series: The Northern World. Leiden; Boston: Brill. P. 55–89.
- Kamp H. (2001). Friedensstifter und Vermittler im Mittelalter. *Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft*. 384 s.
- Koziol G. (1992). *Begging Pardon and Favor. Ritual and political order in early Medieval France*. N.Y.: Cornell University Press. 488 p.
- Maasing M. (2022). The Formation, Establishment, and Personal Networks of Livonian Cathedral Chapters, 1190–1350. *Baltic Crusades and Societal Innovation in Medieval Livonia, 1200–1350* / Volume Editor: Anti Selart. Series: The Northern World. Leiden; Boston: Brill. P. 318–366.
- Reuter T. (1991). Unruhestiftung, Fehde, Rebellion, Widerstand: Gewalt und Frieden in der Politik der Salierzeit. *Die Salier und das Reich*. Bd. 3. Sigmaringen. S. 297–325.
- Rowell S. C. (1992). A Pagan's Word. Lithuanian Diplomatic Procedure 1200–1385. *Journal of Medieval History*. Vol. 18. P. 145–160.
- Selart A. (2015). *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden; Boston: Brill. 385 p.

Information about the article

Author: Yury N. Kezha – Candidate of Historical Sciences, doctoral student of the Department of History of Russia, Belarusian State University, Minsk, Belarus; e-mail: yurykezha86@gmail.com

Title: Social connections between political actors in the Baltic states at the end of the XIIth – beginning of the XIIIth century. (according to the Chronicle of Livonia)

Abstract: The article examines the process of social interaction between the main political forces in the Baltic states (Livonia) at the initial stage of German colonization (80s of the XIIth century - 20s of the XIIIth century). The main source of the study is the Latin manuscript of the German clergyman Henry, known as the «Chronicle of Livonia» or «Chronicle of Henry of Latvia» (lat. Heinrici Cronicon Lyvoniae). The main focus of the study is on the forms of contacts that led to the building of a complex system of connections. Special attention is devoted to the consideration of various types of conflicts, as well as ways to resolve them. As a result of the study, conclusions are drawn about the main mechanisms for the formation of political alliances and the functioning of social connections in the region under study.

Keywords: “Chronicle of Livonia”, social connections, crusaders, Bishop of Riga, Old Russian princes, Livs, Latgalians, Estonians

References

- Al'thof G., Shtol'berg-Relingen, B. Yazyk darov. Logika i semantika obmena darami v Evrope do nachala Novogo vremeni [The language of gifts. Logic and semantics of gift exchange in pre-modern Europe]. In Na yazyke darov: pravila simvolicheskoy kommunikacii v Evrope. 1000–1700 gg. [In the language of gifts: rules of symbolic communication in Europe. 1000–1700]. Moscow: *Political Encyclopedia*, 2016. Pp. 8–28. (in Russian).
- Bahrushin S. V. (1942). Aleksandr Nevskij i bor'ba russkogo naroda s germanskoj agressiej v XIII veke [Alexander Nevsky and the struggle of the Russian people against German aggression in the XIIIth century]. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences*. No. 4. Pp. 58–71. (in Russian).
- Genrih Latvijskij Hronika Livonii [Chronicle of Livonia]. Editorial board: S. A. Anninsky [and others]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1938. 608 p. (in Russian).
- Gistoryya Belarusi: U 6 t. T. 1 Starazhytnaya Belarus': Ad pershapachatkovaga zasyalennya da syaredziny XIII st. [History of Belarus in 6 volumes. T. 1 Ancient Belarus: From the initial settlement to the middle of the XIIIth century]. Editor: M. Kostyuk (gal. ed.) and others. Minsk: “Ekaperspektyva”, 2000. 351 p. (in Belarusian).
- Gracianskij N. P. (1943). Bor'ba slavyan i narodov Pribaltiki s nemeckoj agressiej v srednie veka [The struggle of the Slavs and Baltic peoples against German aggression in the Middle Ages]. Moscow: Uchpedgiz. 64 p. (in Russian).
- Gurevich A. Ya. (2020). Bogatstvo i darenie u skandinavov v rannee srednevekov'e [Wealth and gifting among the Scandinavians in the early Middle Ages] In Izbrannye trudy. «Edda» i saga [Selected works. "Edda" and saga]. Moscow, Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. Pp. 410–430. (in Russian).
- Kezha Y. N. (2022). Politicheskaya kommunikaciya mezhdru pravatelyami v «Hronike Livonii» [Political communication between rulers in the Chronicle of Livonia]. *Bulletin of Polotsk State University*. Humanities series. № 9. Pp. 44–49. (in Russian).
- Le Goff Zh. (2000). Simvolicheskij ritual vassaliteta [Symbolic ritual of vassalage]. In Drugoe Srednevekov'e: Vremya, trud i kul'tura Zapada [The Other Middle Ages: Time, Labor and Western Culture]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House,. Pp. 211–262. (in Russian).

- Magaramov Sh. A. (2019). Institut amanatstva vo vzaimootnosheniyah dagestanskih politicheskikh elit s rossijskoj vlast'yu [The institution of amanatism in the relationship of Dagestan political elites with the Russian authorities]. *Questions of history.*, № 12 (2). Pp. 163–170. (in Russian).
- Matuzova V. I., Nazarova V. I. *Krestonoscy i Rus'. Konec XII v. – 1270 g. Teksty, perevod, kommentarij* [Crusaders and Rus'. End of the XIIth century – 1270 Texts, translation, commentary]. Moscow: Publishing house «Indrik», 2002. 488 p. (in Russian).
- Moss M. (2011). *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: KDU. 413 p. (in Russian).
- Pashuto V. T. (1956). *Geroicheskaya bor'ba russkogo naroda za nezavisimost'* [The heroic struggle of the Russian people for independence]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 280 p. (in Russian).
- Podberyozkin F. D. (2022). «Yur'evskaya dan'» v russko-livonskikh otnosheniyah (XIII – seredina XVI veka) [“Yuriev tribute” in Russian-Livonian relations (XIII - mid-XVI century)]. Moscow: Kvadriga. 241 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej: T. 1 Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles: T. 1 Laurentian Chronicle]. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1926–1928. 379 p.
- Rier Ya. A. (2020). *Pravitel' i obshchestvo na belorusskikh zemlyah v XIII – pervoj treti XV v.: osnovnye mekhanizmy politogeneza, legitimizacii i sakralizacii vlasti* [Ruler and society in the Belarusian lands in the XIIIth – first third of the XVth century: the main mechanisms of politogenesis, legitimization and sacralization of power]. Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshova. 256 p. (in Russian).
- Rier Ya. A. (2022). *Yazycheskie ritualy vlasti pervykh pravitelej Litvy (seredina XIII – seredina XIV v.)* [Pagan rituals of power of the first rulers of Lithuania (mid-XIII - mid-XIV centuries)] In *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2022 god: Rol' religii v formirovanii sociokul'turnyh praktik i predstavlenij* [The most ancient states of Eastern Europe. 2022: The role of religion in the formation of sociocultural practices and ideas]. Moscow: GAUGN-Press. Pp. 187–201. (in Russian).
- Stefanovich P. S. (2006). *Klyatva po russko-vizantijskim dogovoram X v.* [Oath according to Russian-Byzantine treaties of the 10th century] In *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy: Materialy i issledovaniya. 2004 god: Politicheskie instituty Drevnej Rusi* [The most ancient states of Eastern Europe: Materials and research. 2004: Political institutions of Ancient Rus']. Moscow: Eastern Literature. Pp. 383–403. (in Russian).
- Tihomirov M. N. (1941). *Bor'ba russkogo naroda s nemeckimi interventami v XII–XV vv.* [The struggle of the Russian people against the German invaders in the XII–XV centuries]. Moscow: Gospolitizdat. 68 p. (in Russian).
- Fetisov A. A. (2002). *Ritual'noe sodержanie klyatvy oruzhiem v russko-vizantijskikh dogovorah* [Ritual content of the oath with weapons in Russian-Byzantine treaties] In *Slavyanskij al'manah 2001 g.* [Slavic almanac 2001]. Moscow. Pp. 36–45. (in Russian).
- Hrustal'ov D. G. (2019). *Severnye krestonoscy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v Vostochnoj Pribaltike XII–XIII vv.* [Northern Crusaders. Rus' in the struggle for spheres of influence in the Eastern Baltics in the XIIth–XIIIth centuries]. Saint Petersburg: Eurasia. 624 p. (in Russian).
- Shtyhov G. V. (1978). *Goroda Polockoj zemli (IX–XIII vv.)* [Cities of Polotsk land (IX–XIII centuries)]. Minsk.: Science and technology. 160 p. (in Russian).
- Yarcev S. V., Shushunova, E. V. (2019). *Osobennosti zaklyucheniya mira s gotami imperatorom Valentom v 369 g.* [Features of the conclusion of peace with the Goths by Emperor Valens in 369] In *Vizantijskoe sodruzhestvo: tradicii i smenapadigm: tez. dokl. XXII-j vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov RF, Ekaterinburg, 24–28 sentyabrya 2019 g.* [Byzantine Commonwealth: traditions and paradigm shifts: abstract. report XXII All-Russian Scientific Session of Byzantinists of the Russian Federation, Ekaterinburg, September 24–28, 2019]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2019. Pp. 180–182. (in Russian).

Для цитирования статьи:

Кежа Ю. Н. Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. (по данным «Хроники Ливонии»). *Caurus*. 2024. Т. 3. № 3. С. 14–33. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-14-33

For citation:

Kezha Yu. N. Social connections between political actors in the Baltic states at the end of the XIIth – beginning of the XIIIth century. (according to the Chronicle of Livonia). *Caurus*. 2024. Vol. 3(3). P. 14–33. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-14-33

А. С. Котов

«ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОФИЦИАЛОВ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА В XIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI В. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕТОДОВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ»

Постановка проблемы и историография. В последние десятилетие в социальных и исторических науках предпринимаются попытки использовать новые методы обработки данных, среди которых особое место занимает визуализация [Fung, Chou, 2016; Jänicke, Focht, Scheuermann, 2016; Wang, Liang, Shu, etc., 2022; Wu, Faris, Ma, 2013]. Она позволяет провести предварительный анализ собранных данных и сформировать гипотезу, особенно, в отношении большого массива сведений, охватить которые обычными методами вызывает некоторые трудности.

Немецкий орден – это духовно-рыцарская корпорация, основанная в конце XII в. в Палестине во время Третьего крестового похода. Она был создана по примеру двух других орденов с целью помощи христианам-пилигримам в Святой Земле. Первоначально, община ордена была небольшой. Со временем число ее членов росло, а вместе с числом братьев ордена и росла территория, которая принадлежала или контролировалась орденом. Рост территории и изменение задач ордена потребовали некоторых изменений в его структуре, некоторые из которых нашли свое отражение в статутах, другие же – нет.

Согласно статутам главой ордена был магистр (позднее верховный магистр), который – избирался на Генеральном капитуле, остальные должности занимались по назначению¹. Статуты упоминают и описывают пять должностей: маршалка, комтура, госпитальера, трапира и тресслера, однако их функции и положение в ордене определялось ситуациями. Например, комтур был подчинен маршалку только в тех вопросах, которые относились к компетенции последнего [Sterns, 1969, p. 160–164]. Число этих должностей в XIII–XIV вв. растет, как увеличиваются их функции. С появлением Немецкого ордена в Пруссии некоторые братья ордена становятся управляющим хозяйственно-территориальных единиц (пфлегерство, фогство, комтурство)².

¹ Согласно «Обычаям» на высшее должности братья назначались конвентом и магистром, т.е. предполагалась некоторая процедура выбора [см. Die Statuten, 1890, p. 97].

² В статутах, в разделе «Правила», очень мало подробностей о должностях. Наряду с «магистром» присутствуют такие обобщающие термины как: oberst, ambeht, ambehtlute (главы 6, 17, 19, 20 21, 29) [Die Statuten, 1890, p. 33, 44, 45–46, 51], кроме того, присутствуют специальные термины ландромтур (landkomtur, lantcommendures, commedure) [гл. 6, 7. Ibid. p. 32–33, 34]. Более подробная информация содержится в разделе «Законы». В параграфе 3 «Законов» упоминаются комтур и маршал (commedure, marschal) [Ibid. p. 64], в параграфе 4 – великий комтур (groze commendur) [Ibid. p. 65], в параграфе 6 говорится о больших и малых должностях (ambeht... cleine oder groz) [Ibid. p. 66]. В «Обычаях» также упоминаются казначей, маршал, великий комтур, трапир и госпитальер, а также уточняются их функции [Ibid. p. 97–98, 103–109].

С XIV в. вокруг верховного магистра складывался внутренний совет, состоявший из верховного комтура, великого маршала, верховного трапира, верховного госпитальера, тресслера (казначей), – они обладали большими полномочиями. Наряду с функциями ранее предписанными статутами они получали в управление большие территории и, как следствие, находились на иерархической лестнице выше остальных, из-за чего обозначались собирательным *Großgebietiger*. Тем не менее, ситуативный принцип подчинения мог сохраняться. В результате, вероятно, возникла более сложная структура, чем простая иерархическая лестница.

Другие официалы также имеют некоторые особенности, ограничивающие простое обобщение. Например, некоторые конвенты включали в себя ганзейские города, обладавшие широкими муниципальными правами и значительными финансами (как Данциг, Кульм, Эльбинг), в которых орден остро нуждался в XV в., а ряд германских баллеев обеспечивал пополнение казны самого верховного магистра, что, как можно ожидать, требовало определенных навыков от официалов. С другой стороны, некоторые подразделения ордена располагались на границах и чаще участвовали в военных конфликтах, что должно было влиять на требования к кандидату на должность комтура или фогта. Кроме того, некоторые замки в XIV в. становились местами премов европейской знати во время т.н. литовских рейзов [См. Paravicini, 1989–1995].

Между тем в историографии сложилось представление об иерархической лестнице орденских чиновников: *Pfleger-Vogt-Komtur-Großgebietiger-Hochmeister* [Boockmann, 1982, p. 188–190]. К тому же следует принять во внимание, что некоторые должности не были зафиксированы в статутах, что осложняет выстраивание взаимосвязи между всеми должностями в ордене. Одним из решений проблемы определения иерархической лестницы и может послужить отслеживание перемещений братьев ордена по должностям. Вектор перемещения позволяет выделить более престижные и менее престижные должности и предположить значение полученного ранее опыта в "карьере" брата ордена.

Предшествующие исследования либо а) концентрировались на реконструкции карьерных путей верховный магистров и гебитигеров [Milthaler, 1940], либо б) на отслеживании карьероофициалов в отдельно взятых административно-хозяйственных единицах [Arnold, 1991, p. 125–170; Jähnig, 2015, p. 319–330; Jähnig, 1987, p. 383–404; Militzer, 1999; Militzer, 2015, p. 26–44], либо в) на определении роли определенных факторов в «карьере» официала, например, региона происхождения брата-рыцаря [Militzer, 1999, p. 387–394]. Эти подходы углубили знания по конкретным областям, тем не менее их выводы трудно экстраполировать на весь орден.

а) Реконструкция карьеры тех, кто достиг высших должностей в ордене, несмотря на то, что их карьерный путь чаще всего представлен в источниках относительно полно, статистический не может верифицировать полученные результаты, так как она отражает очень малое число случаев, а также учитывает только «удачные» траектории, исключая из анализа тех, кто мог бы занять такую должность, если его к этому готовили [Jähnig, 2015, p. 328–329].

б) Отслеживание карьер в отдельных комтурствах представляется весьма перспективным путем, но требующим значительных усилий и методики генерализации полученных выводов для всего ордена. Кроме того, одинаковые по названию должности могут отличаться из-за местоположения. В таком случае переход на аналогичную должность (Комтур-Комтур или Фогт-Вогт), но в другом регионе, также может быть повышением. Тем не менее, данный подход не учитывает эту особенность и не дает оснований для сравнения с другими случаями из других регионов

в) Выявление причин и мотивов снятия и назначения на должности на основе сведений вне источников, т.е. на основе реконструкции некоторого контекста, – снижает эвристическую ценность исследования, хотя такие попытки расширяют некоторый набор гипотетических причин³.

Наиболее воспроизводимым и устойчивым паттерном в исследовании карьеры здесь является учет происхождения брата ордена и его знатность [Militzer, 1999, p. 387–469]. Интерес к происхождению братьев ордена подпитывался так называемым восстанием трех конвентов: Кёнигсберга, Бальги и Бранденбурга 1440 г. Этот конфликт интерпретировался как пример устоявшейся практики назначения на должности с учетом происхождения претендента [Boockmann, 1992, p. 203; Meyer, 1909, p. 363–417, 543–591]. Эта интерпретация конфликта определила и значение фактора происхождения для распределения по должностям в конvente и среди гебитигеров, закрепилось позаимствованное из источника разделение всех братьев ордена на так называемых «верхних» и «нижних» языков. Тем не менее М. Бёрли [Burleigh, 1984, p. 129], а также С. Хельмс [Helms, 2004, p. 24] обратили внимание на недостаточную обоснованность сделанных ранее выводов, а С. Хельмс пересмотрел причины и следствия восстания трех конвентов, предположив, что требование об учете происхождения братьев не отражает, во-первых, предшествующую практику, а, во-вторых, представляло собой попытку заручиться поддержкой других конвентов [Helms, 2004, p. 24]. Надо также отметить, что относительно сведений XIII в. о карьерных траекториях братьев ордена в связи с их происхождением высказывал сомнения и К. Милитцер, тем не менее он использовал этот критерий как базовый для исследования структуры конвентов⁴. Высказанные сомнения относительно значения происхождения актуализируют вопрос о принципах назначения на должности, чтобы на основании других методологических подходов провести исследование карьерной политики в ордене.

Поскольку структурные изменения в XIV и XV вв. не были представлены в статутах ордена, возникает вопрос о том, как изучать положения должностей в структуре ордена, чтобы определить важность или престиж, лежащие в основе иерархии. Кроме того, региональные различия в экономическом и социальном развитии орденских земель ставят еще и вопрос о причинах и целях назначения на должности и значении подготовки кадров [Jähniг, 2015, p. 328–329]. Скудость письменных источников не позволяет

³ К. Милитцер предполагал, что могут иметь значение для карьерного роста здоровье и успешность в боях [Militzer, 1999, p. 434].

⁴ К. Милицер сомневался относительно возможности исследования происхождения братьев ордена для периода 1230–1309 гг. [Militzer, 1999, p. 424–427].

ответить на эти вопросы и ставит вопрос о методах исследования устойчивых структур и практик назначения и перемещения [Militzer, 1999, p. 449]. Хотя структурные изменения не отражены в правовых документах ордена, именно практики назначения явно указывают на них.

Согласно статутам, ротация официалов должна была проходить ежегодно, кроме того, на Генеральном или провинциальном капитуле официалы должны были отчитываться и в случае, если их служба признавалась неудовлетворительной, то они могли быть смещены [Die Statuten, 1890, p. 96–97, 100–101 ("Обычаи" § 7–8, 14–15)]. Однако устав в этом вопросе расходился с реальной практикой. Часто официалы сохраняли должность по несколько лет. Так, например, в фогстве Новаямарка в среднем продолжительность пребывания в должности составляла 3 года и один месяц [Jähnig, 2015, p. 328]. Согласно поздним записям в сохранившейся «Большой книге должностей Немецкого ордена» [Ziesemer, 1968] отчет производился не каждый год, но только при смене в должности, поскольку следующий официал должен был ознакомиться с хозяйственно-финансовой документацией вручаемого округа.

Снятие с должности могло происходить и вне времени работы Генерального капитула – по решению верховного магистра, что отмечается в историческом нарративе [Ziesemer, 1968, s. 328; Jähnig, 2005, s. 222–226] и донесениях [см. GStA PK, XX. HA, OVA 14294; Amtsbücher, 2015, s. 13]. И именно он, по сути, назначал на высшие должности. Назначение внутри конвента могло проходить устно без фиксации самого факта. Известные грамоты о значении обычно отправлялись из канцелярии верховного магистра за пределы ордена – в Рим или германские баллеи и в документах отсутствовало упоминание обстоятельств назначения. При этом как причины снятия с должности, так и мотивы назначения в основном реконструируются исследователями, поскольку источники рисуют очень блёклую картину. Таким образом, скудные сведения в хрониках, донесениях, а также актовом материале не позволяют ответить на обозначенные ранее вопросы и актуализируют проблему применения методологии исследования устойчивых структур и практик.

Основные сведения по карьерной истории братьев рыцарей предоставляют просопографические исследования. Они проводились на основании анализа упоминаний имен и должностей в актовом материале, а также «Большой книги должностей Немецкого ордена». В результате накоплен богатый материал и за последние 30 лет он был хорошо систематизирован [Armgart, 1995; Dorna, 2012; Heckmann, 2020; Milthaler, 1940; Thielen, 1965; Voigt, 1843]. Просопография систематизировала сведения о именах братьев ордена, должностях, которые они занимали, а вместе с ними и местах нахождения, а также примерные хронологические рамки пребывания в должностях. Кроме того, просопография позволяет оценить численность братьев за многовековую историю ордена.

Именно эти данные позволяют при использовании соответствующих методологических подходов выявить карьерные перемещения в ордене, и визуализация позволит сделать предварительные выводы о наличии устойчивых путей перемещения.

Материалы и методы. На основе собранных просопографических исследований была подготовлена база данных, в которую внесены данные по великим гебитигерам, ландкомтурам, комтура, хаускомтурам, фогтам, пфлегерам и кумпанам Пруссии и германских баллеев за XIII – первую четверть XVI в.⁵

В результате собраны сведения о 1850 официалах ордена. Помимо этого, следует принять во внимание, что из 1850 человек только по 696 сохранились сведения о занятии более чем одной должности, в результате только сведения по 696 можно использовать для выявления карьерных траекторий. Однако, определить общее количество братьев сложнее, тем не менее, если использовать допустимую погрешность в 5%, с уровнем надежности 95%, то необходимы минимальный размер выборки – 385. Это меньше оценочного количества братьев ордена для XIII – начала XVI в.⁶

У исходных данных есть ряд особенностей, которые налагают ограничения на интерпретацию полученных связей и их визуализации. Во-первых, из-за отсутствия унификации в орфографии сохраняются сомнения относительно соответствия имен с разным написанием. В базу данных попали имена, признанные минимум двумя авторами-составителями. Во-вторых, в некоторых случаях авторы-составители указывали должности без ссылки на источник, что приводит к разночтениям в последовательности занятия должностей. В базе данных были учтены те случаи, которые имеют подтверждение по источникам и/или признаны минимум двумя авторами-составителями. В-третьих, согласно сохранившимся записям, брат ордена мог занимать одновременно несколько должностей. В таких случаях в основу определения последовательности положен хронологический принцип. Первой указывается та должность, на которую хронологически раньше вступил официал, а последней указывается та должность, которую он позже всех покинул. В тех случаях, когда не представляется возможным соблюсти хронологический принцип (нет точных данных или должности занимаются одновременно с точностью до дня) – эти пары должностей выделены как отдельные вершины (например, K von Thorn und Althausen – 3 случая, K von Schönsee und von Thorn – 1 случай), если такое повторяется часто, либо применен формальный подход, где конвенционально низкая должность указывается первой (например, Alohochus/Alfoch: K von Bozen, K von Lengmoos, Lk von Etsch)⁷. Доля таких случаев близка доверительному интервалу, а, следовательно, не учитывается.

Для достижения поставленной цели последовательности представлены в виде пары (X,Y) должностей, где X – это исходная должность, а Y – должность на которую произошел переход. На основе сведений о 696 последовательностей (карьер братьев) была создана ориентированная матрица смежности взвешенного графа (A_[V×V]), в которой вершинами (V) являются названия всех должностей, встречающихся в выбранных последовательностях. В результате получена матрица 236 на 236.

⁵ Данные для анализа представлены в хранилище по следующему адресу <https://github.com/Antnis81/Teutonicorder>

⁶ К. Милитцер для XIII – начала XIV в. дает 2 800 человек [Militzer, 1999, p. 424]. Бокман насчитывал перед Грюнвальдом 700 человек, в первой трети XV в. – 400 рыцарей, в середине XV в. – 300 рыцарей. [Boockmann, 1982, s. 154, 158].

⁷ Следует отметить, что Кордула А. Францке и Юрген Сарновски также отмечают сложность определения иерархического отношения должностей при одновременном занятии должностей [см. Amtsbücher, 2015, s. 12].

Матрица выражает последовательности в виде пары должностей $V_x \times V_y$, где в ячейке $\alpha_{x,y}$ указано количество переходов с V_x на V_y .

На основе полученной матрицы был построен граф $G(V,E)$ в программе Gephi (версия 0.10.1 202301172018) (Рис. 1). Граф состоит из 236 узла и 1266 ребер: диаметр графа 10, плотность графа 0,024, средневзвешенная степень 6,849, средний коэффициент кластеризации 0,137, средняя длина пути 3,566; укладка – ForceAtlas2. С учетом того, что генеральная совокупность последовательностей не определена, то и генеральная совокупность ребер также – не может быть определена, таким образом доверительный интервал для возможного количества ребер генеральной совокупности – 2,76. Таким образом, средняя длина пути больше доверительного интервала и результаты выше среднего могут быть признаны достоверными.

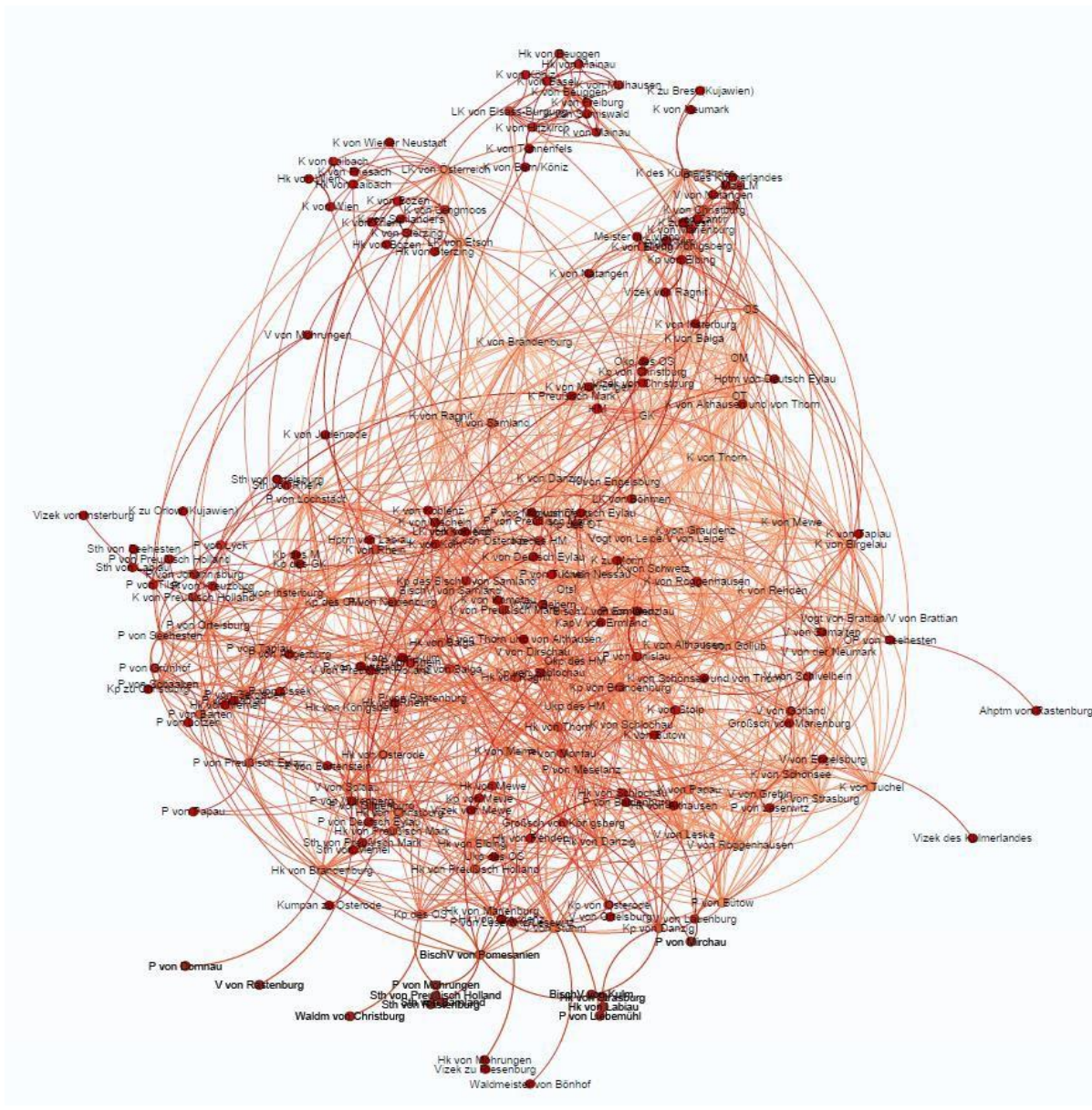

Рис. 1. Граф перемещения официалов Немецкого ордена.

Обсуждение. В графе обращает на себя внимание выраженная периферия с более высокой плотностью. В ней легко узнать германские баллеи Боцен, Австрия и

Эльза-Бургундия. Комтурства внутри баллеев связаны плотнее между собой, чем с Пруссией потому, что чаще всего перемещение официалов по службе проходило именно между ними. Вместе с тем баллеи полностью не оторваны благодаря ротации кадров и важности их для верховных магистров. Кроме того, в графе можно выделить еще несколько областей с выраженной плотностью, которые также представляют интерес для интерпретации, но в силу низкого показателя мощности узлов выводы ожидаемо будут недостаточно обоснованы. Тем не менее обращает на себя внимание область, где собраны почти все гебитигеры и верховный магистр за исключением казначея, который оказывается помещен в другую область.

Величина средней длины пути, т.е. частота повторяемости переходов с V_x на V_y , позволяет оценивать для данной выборки устойчивость перемещений официалов ордена. Применение этого индикатора также снимает вопрос об оценке, который ранее ставил К. Милитцер [Militzer, p. 424–427]. Все, что выше указанной величины, можно интерпретировать как устойчивые карьерные траектории. Таких пар выявлено 24 (см. таблицу 1). Если принять во внимание, что несколько должностей повторяются в этой таблице в разных парах, то внутри этой выборки можно выделить вероятные последовательности, отражающие карьерные траектории (Рис. 2):

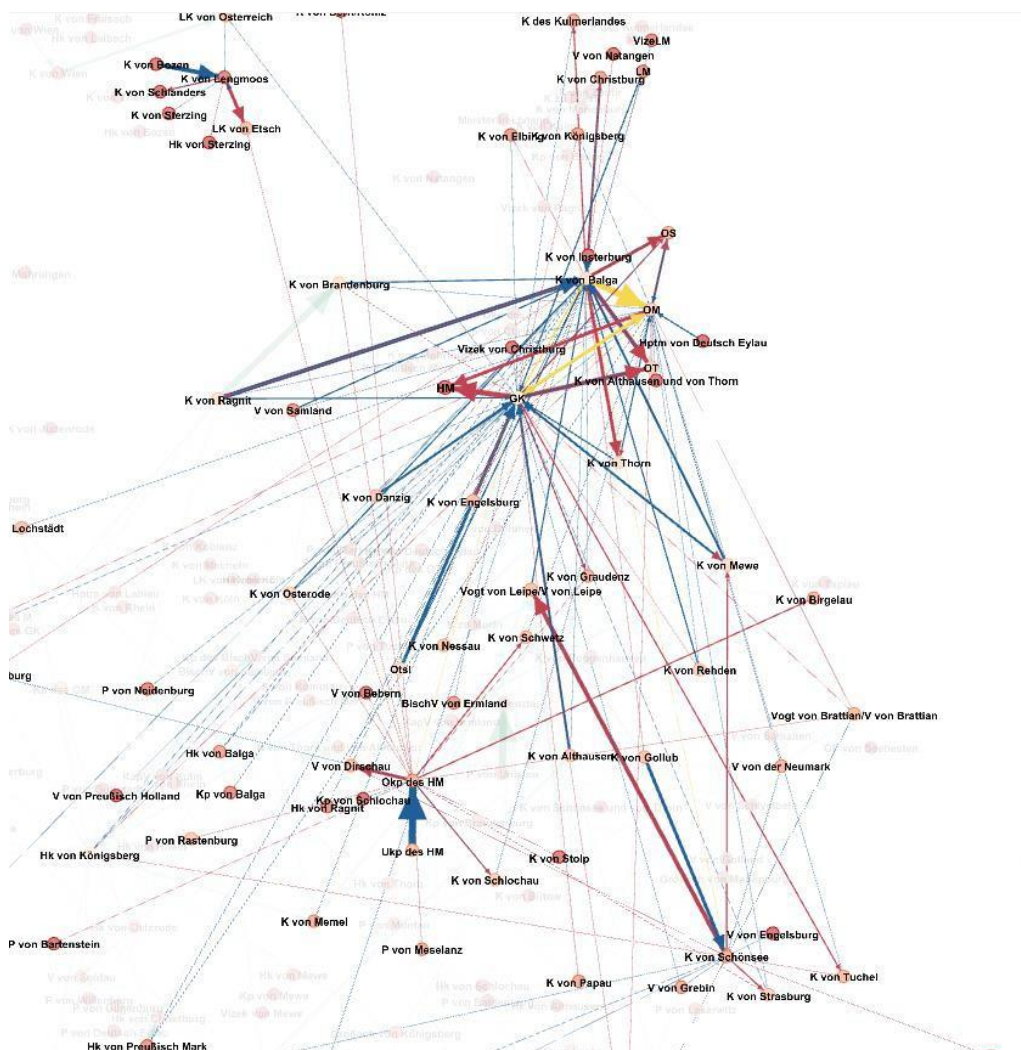

Рис. 2. Ребра ориентированного графа с весом выше среднего.

1. Ukp des HM → Okp des HM → V von Dirschau
2. K von Ragnit → K von Balga → OS
3. K von Ragnit → K von Balga → OM
4. K von Ragnit → K von Balga → OT
5. K von Balga → OM → HM
6. Otsl → GK → HM
7. K von Bozen → K von Lengmoos → Lk von Etsch
8. K von Gollub → K von Schönsee → V von Leipe
9. K von Ragnit → K von Balga → OM → HM

Проверка гипотетических траекторий показала существование реальных примеров, в карьерных траекториях которых присутствует такая последовательность:

Для траектории 1 Walther von Merheim начало XV в. (1411–1421)⁸.

Для траектории 2 Ortluf von Trier (1332–1371).

Для траектории 3 выявлено 4 примера:

- a) **Burggraf Dietrich von Altenburg (1323–1341),**
- b) Siegfried von Dahenfeld (1342–1360),
- c) Henning Schindekop (1350–170),
- d) Gottfried von Linden (1365–1379).

Для траектории 5. выявлено 2 примера:

- a) **Dietrich Burggraf von Altenburg (1323–1341),**
- b) Ulrich von Jungingen (1387–1410).

Для траектории 6 имеется один пример: Ludolf König (1328–1347).

Для траектории 7 обнаружен один пример – *Alfoch/Alohochus (1257)*.

Для траектории 8 обнаружен один пример Vinzenz von Wirsberg (1423–1438)

Для траектории 9 **Burggraf Dietrich von Altenburg (1323–1341)**.

Для гипотетической траектории 4 подтверждения не обнаружено. Траектория 7 не вполне обоснована, поскольку датировка, как уже было отмечено, совпадает.

При этом следует отметить существование таких последовательностей, в которых между указанными должностями присутствуют другие. Вероятность устойчивости и значения таких последовательностей требует отдельного изучения.

Тем не менее на основании представленного материала можно предполагать, что в XIV в. присутствовали устойчивые карьерные траектории, которые либо были обусловлены полученным опытом, либо негласными правилами, по крайней мере это верно для траектории K von Ragnit → K von Balga → OM, о чем свидетельствует не только число примеров, но и близкая по времени карьерная история всех четырех братьев ордена. Замок Раднит находился на пограничье орденских земель и Литвы, куда были направлены основные военные походы ордена в XIV в., а Балга в XIII в. была форпостом для завоевания Пруссии и сохраняла свой статус важной оборонительной крепости и в XIV в., таким образом, опыт участия в боевых действиях оказывался

⁸ Здесь и далее указан весь зафиксированный период службы в ордене.

востребован для занятия должности верховного маршала (ОМ). Как могут свидетельствовать данные из таблицы 1 сложно переоценить значимость Бальги в карьерной траектории, она чаще всего была точкой перехода на позицию гебитигеров – 16 случаев, по сравнению с 13 остальными наиболее частыми. В этой связи можно предположить, что позиция становилась ключевой в карьерной истории. На это также косвенно указывает тот факт, что из пяти великих городов Ганзы в Пруссии комтурами Торна становились четырежды выходцы из Бальги.

Наличие устойчивых пар в траектории перемещения официалов ордена позволяет проблематизировать формальную иерархию должностей, если устойчивые траектории содержат позицию гебитигера. Как уже было показано комтуры Рагнита чаще перемещаются на должность комтуров Бальги, которые, в свою очередь, попадают на позиции верховного госпитальера, верховного маршала и верховного трапира. Как следствие, комтур Бальги находится на более высокой позиции по отношению к Рагниту.

Внутри конвента помимо комтура, который был привязан к территории своего комтурства и соответственно к замку, находились также его помощник (кумпан) и хасукомтур, занимавшие, очевидно, более низкое положение. Однако, несмотря на полученный опыт в конvente и замке те, кто занимали позицию кумпана или хаускомтура, в своей карьерной лестнице обычно на следующем шаге не оставались в замке, а перемещались в другой конвент (см. таблицы 2, 3). Всего выявлено 221 случай перемещения с позиции хаускомтура, из которых только 15 раз на следующем шаге хаускомтуры оставались в прежнем конvente, что составляет 6,78%. При этом, если рассматривать саму возможность возвращения в тот же замок за всю историю карьеры, то для указанной выборки выявлено 8 случаев, что составляет 3,62%

При анализе пар, где первой является кумпан, выявлено 156 случаев. Однако, следует принять во внимание, что в это число также входят кумпаны верховного магистра, великого комтура, верховного маршала, верховного госпитальера, верховного трапира. Хотя после переноса резиденции верховного магистра в Мариенбург (1309 г.), у великого маршала появилась своя резиденция в Кёнигсберге, у трапира – в Христбурге, госпитальера – в Эльбинге и только лишь верховный комтур оставался в Мариенбург [Milthaler, 1940, s. 48–49, 59–61, 86, 91–93; Jähnig, 1981], перейти с позиции кумпана на позицию руководителя не представлялось возможным, поскольку они входили в узкий круг советников верховного магистра, в этой связи из выборки эти случаи исключены. В результате остается только 55 случаев, из которых в тринадцати официал оставался в том же замке, что составляет 23,63%. Из этой же выборки только у трех случаях зафиксировано возвращение в замок за время всей службы в ордене.

Выводы. Итак, статистическая обработка и визуализация сведений о перемещении официалов ордена позволили выделить индикатор для определения степени устойчивости назначений в карьерной лестнице, проблематизировать формальную иерархию должностей, выделить наиболее устойчивые карьерные траектории и была предложена интерпретация траекторий.

Таблица 1. Наиболее устойчивые перемещения.

	Исходная должность	Последующая должность	Количество пар
1	Ukp des HM	Okp des HM	8.0
2	P von Unislau	P von Wenzlau	8.0
3	K von Ragnit	K von Brandenburg	7.0
4	K von Balga	OM	7.0
5	GK	HM	6.0
6	K von Ragnit	K von Balga	5.0
7	K von Balga	OT	5.0
8	GK	OT	5.0
9	K von Schönsee	V von Leipe	5.0
10	K von Bozen	K von Lengmoos	5.0
11	Hk von Christburg	Hk von Preußisch Mark	4.0
12	K von Gollub	K von Schönsee	4.0
13	K von Balga	OS	4.0
14	K von Balga	K von Thorn	4.0
15	Otsl	GK	4.0
16	GK	OM	4.0
17	K von Papau	V von Leipe	4.0
18	OM	HM	4.0
19	Okp des HM	V von Dirschau	4.0
20	Kp des BischV von Samland	BischV von Samland	4.0
21	K von Lengmoos	LK von Etsch	4.0
22	K von Wien	LK von Österreich	4.0
23	V von Lauenburg	P von Bütow	4.0
24	K von Beuggen	LK von Elsass-Burgung	4.0

Таблица 2. Перемещение с должности «хаускомтура».

	Исходная должность	Последующая должность	Количество пар
1	Hk von Althausen	K von Papau	1.0
2	Hk von Balga	Hk von Königsberg	2.0
3	Hk von Balga	Hk von Elbing	2.0
4	Hk von Balga	V von Samland	1.0
5	Hk von Balga	K von Balga	1.0
6	Hk von Balga	GK	1.0
7	Hk von Balga	Vogt von Leipe/V von Leipe	1.0
8	Hk von Balga	Hk von Marienburg	1.0
9	Hk von Balga	P von Insterburg	1.0
10	Hk von Balga	BischV von Samland	1.0
11	Hk von Balga	P von Bütow	1.0
12	Hk von Balga	V von Bebern	1.0
13	Hk von Balga	K zu Orlow (Kujawien)	1.0
14	Hk von Beuggen	K von Beuggen	3.0
15	Hk von Beuggen	K von Köniz	1.0
16	Hk von Bozen	K von Sterzing	1.0
17	Hk von Brandenburg	Hk von Königsberg	2.0
18	Hk von Brandenburg	Hk von Marienburg	2.0
19	Hk von Brandenburg	P von Barten	2.0
20	Hk von Brandenburg	Hk von Preußisch Holland	1.0
21	Hk von Brandenburg	K von Ragnit	1.0
22	Hk von Brandenburg	P von Tapiau	1.0
23	Hk von Brandenburg	V von Roggenhausen	1.0

24	Hk von Brandenburg	K von Schönsee	1.0
25	Hk von Brandenburg	K von Nessau	1.0
26	Hk von Brandenburg	P von Ortelsburg	1.0
27	Hk von Brandenburg	BischV von Ermland	1.0
28	Hk von Brandenburg	Kp des OM	1.0
29	Hk von Brandenburg	BischV von Pomesanien	1.0
30	Hk von Brandenburg	P von Domnau	1.0
31	Hk von Christburg	Hk von Preußisch Mark	4.0
32	Hk von Christburg	Hk von Osterode	1.0
33	Hk von Christburg	K von Gollub	1.0
34	Hk von Christburg	K von Ragnit	1.0
35	Hk von Christburg	V von Roggenhausen	1.0
36	Hk von Christburg	K von Strasburg	1.0
37	Hk von Christburg	Vogt von Brattian/V von Brattian	1.0
38	Hk von Christburg	Kp des OT	1.0
39	Hk von Christburg	V von Dirschau	1.0
40	Hk von Christburg	K von Birgelau	1.0
41	Hk von Christburg	P von Liebemühl	1.0
42	Hk von Danzig	V von Roggenhausen	2.0
43	Hk von Danzig	Hk von Preußisch Holland	1.0
44	Hk von Danzig	P von Tapiau	1.0
45	Hk von Danzig	P von Rastenburg	1.0
46	Hk von Danzig	K von Danzig	1.0
47	Hk von Danzig	K von Nessau	1.0
48	Hk von Danzig	Großsch von Königsberg	1.0
49	Hk von Danzig	K von Althausen	1.0
50	Hk von Danzig	K von Thorn	1.0
51	Hk von Danzig	K von Schlochau	1.0
52	Hk von Danzig	Hk von Brandenburg	1.0
53	Hk von Danzig	V von Soldau	1.0
54	Hk von Danzig	P von Bütow	1.0
55	Hk von Danzig	P von Tuchel	1.0
56	Hk von Danzig	P von Unislau	1.0
57	Hk von Danzig	P von Montau	1.0
58	Hk von Elbing	K von Althausen	3.0
59	Hk von Elbing	Hk von Christburg	1.0
60	Hk von Elbing	Hk von Preußisch Holland	1.0
61	Hk von Elbing	Kp des OS	1.0
62	Hk von Elbing	V von Roggenhausen	1.0
63	Hk von Elbing	Otsl	1.0
64	Hk von Elbing	V von der Neumark	1.0
65	Hk von Elbing	Vogt von Brattian/V von Brattian	1.0
66	Hk von Elbing	Hk von Brandenburg	1.0
67	Hk von Elbing	P von Schaaken	1.0
68	Hk von Elbing	P von Insterburg	1.0
69	Hk von Elbing	LK von Etsch	1.0
70	Hk von Elbing	Hk von Schlochau	1.0
71	Hk von Graudenz	Hk von Marienburg	1.0
72	Hk von Graudenz	P von Leserwitz/Lesewitz	1.0
73	Hk von Köln	K von Osterode	1.0
74	Hk von Köln	LK von Koblenz	1.0
75	Hk von Königsberg	Otsl	3.0
76	Hk von Königsberg	K von Memel	3.0
77	Hk von Königsberg	Hk von Osterode	2.0
78	Hk von Königsberg	K von Ragnit	2.0

79	Hk von Königsberg	OT	2.0
80	Hk von Königsberg	K von Althausen	2.0
81	Hk von Königsberg	P von Gerdauen	2.0
82	Hk von Königsberg	BischV von Samland	2.0
83	Hk von Königsberg	Hk von Preußisch Mark	1.0
84	Hk von Königsberg	K von Balga	1.0
85	Hk von Königsberg	K von Danzig	1.0
86	Hk von Königsberg	GK	1.0
87	Hk von Königsberg	K von Schönsee	1.0
88	Hk von Königsberg	Großsch von Königsberg	1.0
89	Hk von Königsberg	K von Schwetz	1.0
90	Hk von Königsberg	V von Samaiten	1.0
91	Hk von Königsberg	P von Lochstädt	1.0
92	Hk von Königsberg	K von Thorn	1.0
93	Hk von Königsberg	Hk von Brandenburg	1.0
94	Hk von Königsberg	P von Ortelsburg	1.0
95	Hk von Königsberg	P von Schaaken	1.0
96	Hk von Königsberg	LK von Österreich	1.0
97	Hk von Königsberg	V von Dirschau	1.0
98	Hk von Königsberg	K des Kulmerlandes	1.0
99	Hk von Königsberg	Hk von Elbing	1.0
100	Hk von Königsberg	Hk von Thorn	1.0
101	Hk von Königsberg	K von Elbing	1.0
102	Hk von Königsberg	P von Bütow	1.0
103	Hk von Königsberg	K von Wiener Neustadt	1.0
104	Hk von Königsberg	K von Laibach	1.0
105	Hk von Labiau	P von Liebemühl	1.0
106	Hk von Labiau	Hk von Strasburg	1.0
107	Hk von Laibach	LK von Österreich	1.0
108	Hk von Laibach	K von Laibach	1.0
109	Hk von Mainau	K von Mülhausen	1.0
110	Hk von Mainau	K von Köniz	1.0
111	Hk von Mainau	K von Beuggen	1.0
112	Hk von Mainau	Hk von Beuggen	1.0
113	Hk von Marienburg	V von Stuhm	2.0
114	Hk von Marienburg	K von Balga	1.0
115	Hk von Marienburg	V von Grebin	1.0
116	Hk von Marienburg	Otsl	1.0
117	Hk von Marienburg	K von Papau	1.0
118	Hk von Marienburg	K von Schönsee	1.0
119	Hk von Marienburg	K von Brandenburg	1.0
120	Hk von Marienburg	P von Lochstädt	1.0
121	Hk von Marienburg	Hk von Brandenburg	1.0
122	Hk von Marienburg	LK von Etsch	1.0
123	Hk von Marienburg	K von Köln	1.0
124	Hk von Memel	P von Labiau	1.0
125	Hk von Mewe	Hk von Königsberg	1.0
126	Hk von Mewe	Otsl	1.0
127	Hk von Mewe	K von Memel	1.0
128	Hk von Mewe	BischV von Pomesanien	1.0
129	Hk von Mewe	Hk von Rehden	1.0
130	Hk von Mohrunen	Vizek zu Riesenburg	1.0
131	Hk von Osterode	Otsl	2.0
132	Hk von Osterode	K von Osterode	2.0
133	Hk von Osterode	V von Soldau	2.0

134	Hk von Osterode	V von Leske	1.0
135	Hk von Osterode	Hk von Königsberg	1.0
136	Hk von Osterode	P von Rastenburg	1.0
137	Hk von Osterode	P von Neidenburg	1.0
138	Hk von Osterode	Hk von Thorn	1.0
139	Hk von Osterode	P von Montau	1.0
140	Hk von Osterode	P von Gilgenburg	1.0
141	Hk von Preußisch Holland	Hk von Elbing	3.0
142	Hk von Preußisch Holland	Hk von Preußisch Mark	2.0
143	Hk von Preußisch Holland	K von Gollub	1.0
144	Hk von Preußisch Holland	Kp des OS	1.0
145	Hk von Preußisch Holland	Hk von Königsberg	1.0
146	Hk von Preußisch Holland	K von Engelsburg	1.0
147	Hk von Preußisch Holland	Ukp des OS	1.0
148	Hk von Preußisch Holland	Hk von Mohrungen	1.0
149	Hk von Preußisch Mark	Hk von Christburg	3.0
150	Hk von Preußisch Mark	Hk von Preußisch Holland	1.0
151	Hk von Preußisch Mark	Hk von Königsberg	1.0
152	Hk von Preußisch Mark	K von Balga	1.0
153	Hk von Preußisch Mark	OM	1.0
154	Hk von Preußisch Mark	Hk von Brandenburg	1.0
155	Hk von Preußisch Mark	P von Ortelsburg	1.0
156	Hk von Preußisch Mark	BischV von Samland	1.0
157	Hk von Preußisch Mark	Sth von Preußisch Mark	1.0
158	Hk von Ragnit	V von Grebin	1.0
159	Hk von Ragnit	GK	1.0
160	Hk von Ragnit	K von Papau	1.0
161	Hk von Ragnit	K von Brandenburg	1.0
162	Hk von Ragnit	P von Seehesten	1.0
163	Hk von Ragnit	P von Insterburg	1.0
164	Hk von Ragnit	P von Grünhof	1.0
165	Hk von Rehden	Hk von Preußisch Holland	1.0
166	Hk von Rehden	Hk von Althausen	1.0
167	Hk von Rhein	Hk von Königsberg	1.0
168	Hk von Rhein	P von Rastenburg	1.0
169	Hk von Schlochau	K von Schlochau	1.0
170	Hk von Schlochau	BischV von Samland	1.0
171	Hk von Schlochau	V von Lauenburg	1.0
172	Hk von Schlochau	P von Baldenburg	1.0
173	Hk von Sterzing	LK von Etsch	1.0
174	Hk von Strasburg	Kp von Danzig	1.0
175	Hk von Strasburg	BischV von Kulm	1.0
176	Hk von Thorn	K von Gollub	2.0
177	Hk von Thorn	Hk von Danzig	2.0
178	Hk von Thorn	Hk von Ragnit	1.0
179	Hk von Thorn	Kp von Danzig	1.0
180	Hk von Thorn	K von Nessau	1.0
181	Hk von Thorn	K von Thorn	1.0
182	Hk von Thorn	K von Osterode	1.0
183	Hk von Thorn	Hk von Marienburg	1.0
184	Hk von Thorn	P von Montau	1.0
185	Hk von Wien	K von Wien	3.0

Таблица 3. Перемещение с должности «кумпана».

	Исходная должность	Последующая должность	Количество пар
1	Kp des BischV von Samland	BischV von Samland	4.0
2	Kp des BischV von Samland	Otsl	1.0
3	Kp des BischV von Samland	K von Danzig	1.0
4	Kp des BischV von Samland	LK von Österreich	1.0
5	Kp des BischV von Samland	Kp des HM	1.0
6	Kp des BischV von Samland	V von Preußisch Mark	1.0
7	Kp von Balga	Hk von Balga	2.0
8	Kp von Balga	P von Rastenburg	2.0
9	Kp von Balga	Kp des OS	1.0
10	Kp von Balga	K von Engelsburg	1.0
11	Kp von Balga	K von Balga	1.0
12	Kp von Balga	Hk von Brandenburg	1.0
13	Kp von Balga	V von Dirschau	1.0
14	Kp von Balga	LK von Etsch	1.0
15	Kp von Brandenburg	Ukp des HM	1.0
16	Kp von Brandenburg	Otsl	1.0
17	Kp von Brandenburg	Kp von Balga	1.0
18	Kp von Brandenburg	K von Tuchel	1.0
19	Kp von Brandenburg	K von Brandenburg	1.0
20	Kp von Brandenburg	K von Althausen	1.0
21	Kp von Brandenburg	K von Schlochau	1.0
22	Kp von Brandenburg	V von Preußisch Mark	1.0
23	Kp von Christburg	OS	1.0
24	Kp von Christburg	Kp des GK	1.0
25	Kp von Christburg	Okp des OS	1.0
26	Kp von Danzig	V von Lauenburg	3.0
27	Kp von Danzig	Hk von Danzig	2.0
28	Kp von Danzig	K von Tuchel	1.0
29	Kp von Danzig	K von Rehden	1.0
30	Kp von Danzig	Kp von Brandenburg	1.0
31	Kp von Danzig	V von Soldau	1.0
32	Kp von Danzig	V von Schivelbein	1.0
33	Kp von Danzig	BischV von Kulm	1.0
34	Kp von Elbing	K von Königsberg	1.0
35	Kp von Elbing	Vizek von Ragnit	1.0
36	Kp von Mewe	Hk von Mewe	2.0
37	Kp von Mewe	Vizek von Mewe	1.0
38	Kp von Osterode	Ukp des HM	1.0
39	Kp von Osterode	V von Leske	1.0
40	Kp von Osterode	Kp von Danzig	1.0
41	Kp von Osterode	Kp von Brandenburg	1.0
42	Kp von Osterode	V von Stuhm	1.0
43	Kp von Osterode	V von Ortelsburg	1.0
44	Kp von Schlochau	Hk von Ragnit	1.0
45	Kp von Schlochau	Okp des HM	1.0
46	Kp zu Christburg	P von Schaaken	1.0

Информация о статье

Автор: Котов Антон Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент; Томский государственный университет, Томск, Россия; e-mail: askotov@mail.tsu.ru

Заголовок: «Перемещение официалов Немецкого ордена в XIII – первой четверти XVI в. через призму методов визуализации»

Аннотация: Статья посвящена отслеживанию перемещению официалов по должностям в Немецком ордене XIII - начала XVI вв. Автор проблематизирует институциональный подход к описанию иерархической лестницы для официалов в духовно-рыцарской общине и поднимает вопрос о выявления устойчивых перемещений, которые могут показать иерархию должностей в ордене. Исследование основано на визуализации в Gephi матрицы смежности направленного взвешенного графа, описывающая продвижение с одной должности на другую и построенной на основе вторичных источников - просопографических таблиц. В работе представлены устойчивые пути перемещения, предложена интерпретация сложившихся путей перемещения.

Ключевые слова: Немецкий орден, карьера, методы визуализации, сетевой анализ

Библиографический список / References

- Amtsbücher des Deutschen Ordens um 1450.* (2015): Pfliegeramt zu Seehesten und Vogtei zu Leipe. Amtsbücher des Deutschen Ordens um 1450: Pfliegeramt zu Seehesten und Vogtei zu Leipe. Hrsg. von Cordula A. Franzke und Jürgen Sarnowsky. Göttingen: V&R Unipress, 406 S.
- Armgarth M. (1995). *Die Handfesten des preußischen Oberlandes bis 1410 und ihre Aussteller: Diplomatische und prosopographische Untersuchungen zur Kanzleigeschichte des Deutschen Ordens in Preußen.* Köln, Weimar, Wien: Böhlau. 531 S.
- Arnold U. (1991). Die Ballei und das Land. Mittelalter. *Der Deutsche Orden in Tirol.* Hrsg. v. H. Noflatscher (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens 43), Bozen, Marburg. S. 125–170.
- Boockmann H. (1982). *Der Deutsche Orden. Zwölf Kapitel aus seiner Geschichte.* München: Beck. 319 S.
- Boockmann H. (1992). *Ostpreußen und Westpreußen.* Berlin. 479 S.
- Burleigh M. (1984). *Prussian Society and the German Order: An Aristocratic Corporation in Crisis,* c. 1410–1466. 1410–1466. Cambridge; New York; Melbourne. 207 p.
- Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften. (1890). Hrsg. von M. Perlbach. Halle, 354 S.
- Dorna M. (2012). *Die Brüder des Deutschen Ordens in Preußen 1228–1309.* Eine prosopographische Studie. Wien, Köln, Weimar. 473 S.
- Fung T.L., Chou J.K., Ma K.L. (2016). A design study of personal bibliographic data visualization. *Proc. IEEE Pacific Vis. Symp.* P. 244–248.
- Gramsch R. (2016). Zerstörte oder verblasste Muster? Anwendungsfelder mediävistischer Netzwerkforschung und das Quellenproblem. *Handbuch Historische Netzwerkforschung.* 2016. S. 85–99.
- Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin) XX, HA, Ordensbriefarchiv (GStA PK, XX. HA, OBA).
- Heckmann D. (2020). Amtsträger des Deutschen Ordens in Preußen und in den Kammerballeien des Reiches. *Toruń.* 615 S.
- Helms S. (2004). Der Aufstand der Deutschordenskonvente Königsberg, Balga und Brandenburg (1440), ein landsmannschaftlich motivierter Konflikt? *Mragowskie Studia Humanistyczne* 4–5 ([2002/2003]). S.14–28.
- Jähnig B. (1987). Die Osteroder Komture des Deutschen Ordens und ihre Laufbahnen. *Zeitschrift für Ostforschung.* Bd. 36. S. 383–404.
- Jähnig B. (2005). Innenpolitik und Verwaltung des Deutschen Ordens in Johann von Posilges Chronik des Landes Preußen. *Vom vielfachen Schriftsinn im Mittelalter.* Festschrift für Dietrich Schmidtke. Hamburg, 2005. S. 222–226.
- Jähnig B. (2015). Die Vögte des Deutschen Ordens in der Neumark und ihr Verhältnis zu Preußen. *Landesherr, Adel und Städte in der mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Neumark.* 2015. S. 319–330.
- Jähnig B. (1981). Zur Stellung des Komturs von Thorn unter den Deutschordensgebietigern in Preußen *Beiträge zur Geschichte Westpreußens,* 1981, No. 7. P. 99–144.
- Jänicke S., Focht J., Scheuermann G. (2016). Interactive visual profiling of musicians. *IEEE Trans. Vis. Comput. Graph.,* Vol. 22. No. 1. 2016. S. 200–209.
- Meyer S. (1909). Paul von Rusdorf und die Konvente von Königsberg, Balga und Brandenburg. *Altpreußische Monatsschrift,* 46 (1909). S. 363–417, 543–591.
- Militzer K. (2015). Bozen, Koblenz, Österreich und Elsass. Die Entstehung der hochmeisterlichen Kammerbaileien des Deutschen Ordens. *Gesammelte Beiträge zur Geschichte des Deutschen Ordens in Preussen, Livland und im Deutschen Reich aus den Jahren 1968 bis 2008.* Weimar, 2015. S. 26–44.

- Militzer K. (1999.). Von Akkon zur Marienburg. Verfassung, Verwaltung und Sozialstruktur des Deutsche Ordens 1190–1309. Marburg, 547 S.
- Milthaler F. (1940). Die Großgebietiger des Deutschen Ritterordens bis 1440 Ihre Stellung und Befugnisse. Königsberg, Berlin. 113 S.
- Paravicini W. *Die Preußenreisen des europäischen Adels*. 2 Bände. Thorbecke, Sigmaringen 1989–1995. Teil 1. 396 S. Teil 2. 346 S.
- Sterns I. (1969). *The Statutes of the Teutonic Knights: A Study of Religious Chivalry*. Michigan. 329 p.
- Thielen P. G. (1965). *Die Verwaltung des Ordensstaates Preussen vornehmlich im 15. Jahrhundert*. Köln, Graz. 196 S.
- Voigt J. (1843). *Namen-Codex des Deutschen Ordens Beamten*. Königsberg. 138 S.
- Wang Y., Liang H., Shu X., Wang J., Xu K., Deng Z., Campbell C., Chen B., Wu Y., Qu H. (2022). Interactive Visual Exploration of Longitudinal Historical Career Mobility Data. *IEEE Transactions on visualization and computer graphics*, Vol. 28, No. 10, October 2022. P. 3441–3455.
- Wu M.Q.Y., Faris R., Ma K.L. (2013) Visual exploration of academic career paths. *Proc.IEEE/ACMInt.Conf.Adv.Social Netw. Anal. Mining*, 2013. P. 779–786.
- Ziesemer W. (1968). *Das grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens: Mit Unterstützung des Vereins für die Herstellung und Ausschmückung der Marienburg Wiesbaden*: Martin Sändig. 991 S.

Information about the article

Author: Anton S. Kotov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Tomsk State University, Tomsk, Russia; e-mail: askotov@mail.tsu.ru

Title: Officials' promotions in the Teutonic Order in XIII – early XVI c.: visualization approach applying

Abstract: The article is devoted to tracking career in the Teutonic Order in the 13th to early 16th centuries. The author problematizes the institutional approach to describing the hierarchical ladder of officials in medieval commune and raises the question of the identification of sustainable promotion that may define the hierarchical ladder in the Order. The study is based on network analysis. A directed weighted graph adjacency matrix describing promotions from one position to another is designed using secondary sources—prosopography charts, and then a directed graph is visualized by Gephi. The paper proposes sustainable promotions paths and the author suggests an interpretation for the promotion reasons.

Keywords: Teutonic Order, Network analysis, Career promotion, Visualization

Для цитирования статьи:

Котов А. С. «Перемещение официалов Немецкого ордена в XIII – первой четверти XVI в. через призму методов визуализации». *Caurus*. 2024. Т. 3. № 3. С. 34–49. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-34-49

For citation:

Kotov A. S. Officials' promotions in the Teutonic Order in XIII – early XVI c.: visualization approach applying. *Caurus*. 2024. Vol. 3(3). P. 34–49. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-34-49

Ф. Д. Подберёзкин

ЗАЧЕМ ДИТРИХ ФОН ЛАНДСБЕРГ ПОЕХАЛ В ПРУССИЮ?

Введение. В канун своего тридцатилетия маркграф Дитрих фон Ландсберг (1242–1285), сын мейсенского маркграфа Генриха Светлейшего (1215–1288), собрал *множество*¹ вассалов и отправился в Пруссию – на помощь *народу Божию* [Hirsch, Törpen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 116]. Региональные хроники и актовые материалы Мейсена и Тюрингии ничего не сообщают о временном «исходе» младшего Веттина и его ленников. Если бы не прусская историография XIII–XIV вв., историки бы так и не узнали, куда и зачем уехал Дитрих фон Ландсберг в 1272 г.

Подобную ситуацию «скудости» местных источников можно наблюдать почти повсеместно на территории Священной Римской империи. *Рейзы*² выходили за рамки местного интереса: в «лучшем» случае хронист кратко отмечал, что пилигрим³ добыл славу и рыцарство (*militia*) в Пруссии, сражаясь с *сарацинами*⁴. Находясь в среде братьев Немецкого ордена, «гость» попадал в поле зрения орденского хрониста, для которого прошлое пилигрима не имело значения. Таким образом, один и тот же человек со своей «личной историей» оказывался на стыке двух «больших» историографий – региональной и орденской. Поэтому весьма непросто выяснить, что послужило предысторией *рейзы* конкретного пилигрима и как он использовал «пруссский задел» у себя на родине.

Третий том из серии исследований немецкого историка Вернера Паравичини «Die Preußenreisen des europäischen Adels» («Прусские рейзы европейской знати») представляет собой попытку ответить на этот вопрос на основе богатого фактического материала, собранного автором за многие годы исследований [Paravicini, 1989; Paravicini, 1995; Paravicini, 2020; Paravicini, 2023]. Паравичини представил весьма разнообразный спектр крестоносных мотиваций⁵, которые не «укладываются» в схему толкования, единую для всех пилигримов от Гибралтара до Вислы. Это не удивительно, ведь каждый прусский «гость» ориентировался в первую очередь на опыт своих родственников и соседей и уже потом – на «общие» идеалы, зафиксированные в рыцарском эпосе и крестоносных проповедях.

¹ Здесь и далее: курсивом выделены цитаты из источников.

² Термин *reusa* обозначаются походы европейской знати и братьев Немецкого ордена против язычников в прусских источниках. В историографической традиции он известен прежде всего по работам немецкого исследователя Вернера Паравичини («Reise»).

³ Термин «пилигрим» в источниках синонимичен понятию «крестоносец».

⁴ Например, Энгельберт, граф Марка, в 1381 г. [Arnold, 1968; Мартынюк, 2023] и Фридрих Воинственный, маркграф мейсенский [Menckenius (ed.), 1728, p. 334].

⁵ Тем не менее, исследователь попытался привести все мотивации к «общему знаменателю», позаимствовав у Эриха Машке идею рыцарской «игры» [Paravicini, 2020, s. 662].

Цель данной статьи – выяснить мотивы, содержание и последствия прусской *рейзы* конкретного пилигрима – маркграфа Дитриха фон Ландсберга – в рамках крестоносных обычаев его династии (Веттинов) и его региона (Мейсенского маркграфства). На наш взгляд, избранный «кейс» представляет собой типичный пример семейной традиции *рейз*. Дедушка Дитриха, маркграф мейсенский Дитрих Угнетённый (ок. 1162–1221) участвовал в создании Немецкого ордена в Палестине [Hirsch, Töppen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 27, 224, 309]. Отец Дитриха, маркграф мейсенский Генрих Светлейший поехал в Пруссию в 1237 г. [Ibidem, s. 59]. Брат Дитриха, Альбрехт Тюрингский находился там же в 1266 [Tittmann, 1846, s. 243]. Сын отправился *по следам отца* в 1272 г. [Hirsch, Töppen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 116] Прапраправнуки Генриха Светлейшего, Фридрих Воинственный (1370–1428) и Вильгельм Богатый (1371–1425) поехали в *рейзу* в 1391 г. [Hirsch, Töppen, Strehlke (hrsg.), 1863, s. 644; Hirsch, Töppen, Strehlke (hrsg.), 1866, s. 171; Menckenius (ed.), 1728, p. 334]. С одной стороны, каждый из перечисленных представителей Веттинов находился в своей, уникальной ситуации – до и после исполнения крестоносного обета. С другой стороны, каждый из обетов (за исключением первого) опирался на уже сложившуюся семейную и региональную практику поездок в Пруссию. Представляется, что, учитывая местную традицию и личные обстоятельства пилигрима, мы сможем понять, зачем Дитрих фон Ландсберг поехал в Пруссию – и что он там нашёл.

Обстановка накануне *рейзы*. Попытаемся зафиксировать обстановку, в которой маркграф Дитрих принёс обет поехать в Пруссию (1271/1272). Важнейшими событиями, которые определяли контекст будущей *рейзы*, были наделение Дитриха титулом маркграфа Ландсберга (1263) и церковный интердикт Дитриха со стороны епископа Мерзебурга Фридриха фон Торгау (1270). Младший сын Генриха Светлейшего с молодых лет был вынужден активно доказывать свою состоятельность для своих ленников, Церкви и собственного отца.

Законность титула и территориального состава маркграфства Ландсберга к началу 1270-х ещё не была очевидной для подданных Дитриха. Пользуясь возможностями периода бескоролья, в начале 1260-х Генрих Светлейший выделил из своих владений маркграфство Ландсберг и наделил им Дитриха; с 1263 г. последний уже именовался «маркграфом Ландсберга» в официальных актах [Giese, 1918, s. 38, 40]. Подобная практика противоречила имперскому праву – ведь такие действия могли осуществляться только с санкции императора [Helbig, 1980, s. 31–32]. Поэтому для некоторой части знати Империи Дитрих долгое время оставался узурпатором – по крайней мере, до соответствующего решения будущего избранного императора.

Внутрисемейные отношения омрачались недоверием, которое Генрих Светлейший питал к младшему сыну. 30 апреля 1270 г. Генрих вынудил своего старшего сына, ландграфа Тюрингии Альбрехта, дать письменное обещание под страхом лишения наследственных владений не вступать с Дитрихом ни в какие союзы, которые могли бы нанести ущерб их отцу [Menckenius (ed.), 1728, p. 914].

Отношения с соседом, епископом Мерзебурга Фридрихом фон Торгау, характеризовались серией пограничных конфликтов, а также притеснениями

клириков со стороны Дитриха. 10 ноября 1270 г. епископ назвал маркграфа Ландсберга нечестивым *фараоном* и наложил на его земли интердикт – за грабежи, мародёрство и насилие по отношению к поданным и Церкви [Kehr (bearb.), 1899, s. 296]. Отлучение от причастия давало повод в очередной раз усомниться в легитимности Дитриха – в «зоне риска» оказывались, прежде всего, собственные ленники маркграфа.

Итак, накануне *рейзы* (1272) Дитрих фон Ландсберг уже имел репутацию узурпатора, гонителя Церкви и «блудного сына». Негативный «символический капитал» и внутренняя нестабильность во владениях маркграфа, казалось бы, не располагали к участию в рискованном мероприятии на дальних рубежах христианского мира. Однако в Пруссии, как и в Святой Земле, вооруженный пилигрим попадал в иную социальную реальность. Там можно было «переписать» историю взаимоотношений с семьей, Церковью и Богом.

Кто подсказал? Зачастую решение отправиться в *рейзу* принималось не только в связи с «тесными» обстоятельствами, но и под влиянием конкретных людей, чьё мнение имело вес в глазах пилигрима. Так, граф Альбрехт фон Орламюнде перед поездкой в Ливонию (1217) обсуждал план похода с папой Гонорием III [Bunge (hrsg.), 1853, s. 44–45], а герцог Саксонии Альбрехт, вероятно, принял решение по совету римского короля Фридриха II (1219) [Steudener, 1895, s. 15]. Мейсенский маркграф Генрих Светлейший получил предложение поучаствовать в прусской *рейзе* на рейхстаге в Майнце (1235), в присутствии верховного магистра Немецкого ордена Германа фон Зальца [Lutz, 1977, s. 166]⁶.

Неожиданным «триггером» прусской *рейзы* Дитриха фон Ландсберга мог стать его недавний враг – епископ Мерзебурга Фридрих фон Торгау. По-видимому, после епископского интердикта (1270) внутренние дела маркграфа Ландсберга стали ухудшаться. На основании двух епископских актов 1271 – начала 1272 г. складывается впечатление, что Дитрих решил отправиться в Пруссию после конфликта с Церковью⁷. Так, весной следующего года Дитрих подписал примирительный договор с епископом (21 мая 1271), где подтвердил некоторые территориальные уступки в пользу диоцеза [Kehr (bearb.), 1899, s. 305]. Далее, в канун *рейзы* (1272⁸) от имени епископа вышло повеление *всем прелатам, плебанам и вице-плебанам* предостеречь тех, кто дал обет похода в Пруссию (*crucesignatus*) и не мог оный выполнить, от попытки *откупиться* от своей клятвы [Seraphim (bearb.), (1909, s. 211)]⁹.

⁶ Благодарю коллегу Алексея Мартынюка (Минск) за копию этой книги.

⁷ В этой связи примечателен документ из женского монастыря Зитценрода (Sitzenroda), на который впервые указали комментаторы издания *Торуньских анналов* [Hirsch, Törpen, Strehlke (hrsg.), 1866, s. 61]. Некий священник *Зигфрид Прусский* (*Sifridus dictus de Prussia*) в 1270 г. выступил в роли свидетеля договора купли-продажи владений монастыря в пределах Мейсена [Gersdorf (hrsg.), 1864, s. 171]. Если Зигфрид действительно был священником Ордена/миссионером в Пруссии, то, можно полагать, он мог являться одним из пропагаторов новой *рейзы* мейсенской знати, случившейся в 1272 г. Деятельность «возвращенцев» из Пруссии в немецких землях – как священников, так и вооруженных пилигримов – требует специального исследования.

⁸ Вероятно, к моменту выхода документа Дитрих уже находился в Пруссии. Дискуссия насчёт датировки послания Фридриха фон Торгау: [Kehr (bearb.), 1899, s. 314–315; Seraphim (bearb.) (1909, s. 211; Dobenecker (bearb. und hrsg.), 1939, s. 126].

⁹ От обета похода в Пруссию мог освободить только Папа [Paravicini, 2020, s. 529].

Последний документ подтверждает, что епископ Фридрих: а) участвовал в подготовке крестового похода в Пруссию; б) стремился увеличить крестоносное воинство Дитриха.

Полагаем, документы 1271 и 1272 гг. непосредственно связаны между собой: обет участия в прусском походе был следствием примирения Дитриха фон Ландсберга и Фридриха фон Торгау. *Рейза* решала сразу две проблемы. Во-первых, Дитрих искупал свой «грех» перед церковью – из *фараона*-гонителя он превращался в защитника *народа Божия* в Пруссии. Во-вторых, совместное участие в походе позволяло собрать вокруг личности маркграфа мейсенскую знать, что имело немалое политическое значение. Из прусских источников мы знаем, что Дитрих прибыл в Пруссию с *множеством* рыцарей [Hirsch, Törpen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 116, 456]. После окончания похода Дитрих посвятил в Немецкий орден 24 вассала [Ibidem, s. 117]. Таким образом, участие в *рейзе* привело к ожидаемому результату – интеграции ленников и союзников ради внешней цели – помощи Немецкому ордену в деле прусской миссии.

Новый титул или ошибка хрониста? В небольшом разделе о походе *господина Дитриха, маркграфа Мейсенского* в область пруссов Натангию [Ibidem, s. 116] Пётр из Дусбурга называет Дитриха *marchio Misnensis* – титулом, которым Дитрих в действительности никогда не обладал¹⁰. Подлинным маркграфом Мейсенским вплоть до смерти Дитриха (1285) был его отец Генрих Светлейший (ум. 1288). Была ли это ошибка хрониста? Либо Дитрих так называл себя в Пруссии?

Можно было бы предположить, что Пётр из Дусбурга попросту не знал о существовании маркграфства фон Ландсберг – ведь в 1291 г. оно уже перешло во владение бранденбургских Асканиев [Krabbo (bearb.), 1922, s. 405]. Однако во вступительной части хроники (*De primordiis ordinis Theutonici narratio*) среди учредителей Немецкого ордена в Палестине (начало 90-х гг. XII в.) упоминается Конрад, маркграф Ландсберга (*Conradus marchio de Landsbergk*) [Hirsch, Törpen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 27]. По всей вероятности, сам хронист прибыл в Пруссию из Германии в 1289 г. [Pollakówna, 1968, s. 165] – т.е., за два года до конца существования Ландсбергской марки (1291). Кроме того, между 1291 и *terminus ante quem* написания *Хроники земли Прусской* (1326) прошло относительно немного времени. Следовательно, священник Петр имел представление о политических изменениях, которые происходили во владениях Генриха Светлейшего во второй половине XIII в. Примечательно, что в параллельных сообщениях за 1272 г. из корпуса т.н. *Древнейших прусских анналов (Annales Prussiae antiquissimi)*¹¹ маркграф Дитрих также называется *Мейсенским: marchio Misnensis, dictus Thure* в *Торуньских анналах* и *marcgreue von Mizzen* в *Пельплинских анналах*.

¹⁰ В *Хронике земли Прусской* Николая фон Ерошина (XIV в.) – рифмованном средневерхненемецком переводе *Хроники* Петра из Дусбурга – Дитрих фон Ландсберг также именуется *маркграфом Мейсена: Dâvon vûgete er iz sô, daz marcgreue Diterich von Missin, ein helt lobelîch, zu strite quam in Prûzinlant* [Hirsch, Törpen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 456].

¹¹ Обзор дискуссии о взаимосвязи «Хроники земли Прусской» с прусской анналистикой: [Пётр из Дусбурга, 1997, с. 231–240].

Таким образом, «новый титул» Дитриха вряд ли следует относить к неточностям Петра из Дусбурга – ведь титул маркграфа Мейсена упоминается в независимых друг от друга источниках. Остаётся предположить, что Дитрих фон Ландсберг сам именовал себя *маркграфом Мейсена*, имитируя прусскую *рейзу* своего отца.

Зачем Дитриху могло понадобиться «повышение» титула? Есть основания полагать, что некоторая часть братьев и гостей Немецкого ордена в XIII в. связывали свою идентичность с Мейсенской землей (*Misna / Missin / Misnia / Mizzen*)¹². Так, магистр Ордена в Пруссии Поппо фон Остерна прибыл в Пруссию в 1244 г. с несколькими *сильными братьями из Мейсена* [Hirsch, Töppen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 76, 409]. Братья и гости из Мейсена упомянуты в чудесных историях и житиях у Петра из Дусбурга и в рифмованной хронике Николая Ерошина (*крестоносец из Мейсена, Таммо мейсенец*) [Ibidem, s. 80, 185, 599]. *Бароны, воины и нобили из Мейсена* участвовали в прусском походе чешского короля и австрийского герцога Пржемысла II Отакара (1254) [Ibidem, s. 91, 417, 685]. Таким образом, называясь *маркграфом Мейсена*, Дитрих отождествлял себя как с мейсенской партией среди братьев Ордена, так и с теми пилигримами, которые по личной инициативе ездили в Пруссию и называли себя *мейсенцами*. При этом Дитрих фон Ландсберг продолжал дело своего отца Генриха Светлейшего, названного *мейсенским маркграфом* в прусских источниках. Поэтому прусскую *рейзу* 1272 г. можно считать шагом семейного примирения. В конечном итоге, именно мейсенская идентичность помогла объединить крестоносцев Мейсена и Тюрингии вокруг личности Дитриха фон Ландсберга.

Что нужно было сделать? Пётр из Дусбурга не сообщает о сути крестоносных планов Дитриха фон Ландсберга накануне похода в Пруссию в 1272. О их содержании можно судить лишь по косвенным данным: в контексте предшествующего похода Генриха Светлейшего (1237¹³) и деяний самого Дитриха. Хронист проводит прямую аналогию между действиями сына и отца с помощью метафоры «священного следа». Так, в *рейзе* 1237 г. маркграф мейсенский действует как *неудержимый лев*, а его сын в 1272 г., следует *по святым следам своего отца, как бесстрашный лев* [Ibidem, s. 60, 116]. *Святые следы* действительно могли означать «реальное» подобие действий отца и сына – даже принимая во внимание метафорический стиль изложения нашего хрониста. В целом, любая пилигримация крупных господ и их ленников в Пруссию подразумевала совершение ряда похожих действий [Paravicini, 1989, s. 265–334]. Однако каждое из этих «традиционных» действий было наполнено и личным содержанием.

¹² В первые 80 лет существования Немецкого ордена в Пруссии одним из главных регионов рекрутирования крестоносцев для него являлись земли Веттинов [Dorna, 2012, s. 45–46].

¹³ *Хроника земли Прусской и Старшая оливская хроника* называют дату 1234 г.; в историографии эта дата признана ошибочной, годом пилигримации Генриха принято считать 1237 г. Мейсенские источники «красноречиво замалчивают» эту дату. Как пишет Вольф Лутц: «вне сомнения, маркграф Генрих предпринял свой поход в Пруссию в 1237 г., хотя источники и замалчивают конкретную дату. В актах марки от имени Генриха существует перерыв с 1 февраля 1236 до 21 апреля 1238» [Lutz, 1977, s. 167].

Хронист упоминает *клятву пилигрима (peregrinacionis sue voto)* Генриха Светлейшего уже после описания деталей его похода в Помезанскую землю – в разделе *О некоторых военных кораблях и отъезде маркграфа* [Hirsch, Töppen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 60]. Т.е., обет Генриха был связан не только с общей формулой *уничтожения неверных и расширения христианских границ* [Ibidem, s. 59], он подразумевал и оригинальный «подарок» в дело Христа: последующее обеспечение логистики прусских крестоносцев с помощью кораблей с характерными названиями *Pilgerim (Пилигрим)* и *Vridelant (Земля мира)*. Остальные действия Генриха стали программными для следующих пилигримов прусских *рейз*: 1) приезд маркграфа и его людей (*adventum*)¹⁴; 2) разрушение замка язычников и разорение окрестной территории (*destructio/devastatio infidelium*); 3) покорение язычников вере и заключение договоров христиан и неопитов при посредничестве маркграфа (*pacta neofitorum*); 4) оставление вооруженных рыцарей из среды свиты маркграфа в помощь Ордену (*subsidium militium*); 5) отплытие маркграфа домой (*reversio*).

Перечисленные этапы и есть те самые *святые следы*, по которым пошёл Дитрих фон Ландсберг спустя 35 лет. Он также приехал в Пруссию *со множеством воинов (adventum)*. Затем он (при помощи братьев Немецкого ордена) разрушил укрепление язычников в Наттангии и *обошёл провинцию с огнем и мечом (destructio/devastatio infidelium)*. В результате пруссы подчинились Ордену на следующий год и заключили соглашение, выгодное братьям (*pacta neofitorum*). Перед отъездом 24 вассала Дитриха (*de familia sua*) вступили в Немецкий орден (*subsidium militium*). Устроив всё, маркграф вернулся в свои владения (*reversio*).

Из вышеописанного порядка действий может сложиться впечатление, что ранние *рейзы* в Пруссию XIII в. отличались от периода классических *рейз* XIV в. своим аскетизмом: ведь, согласно прусским хроникам, ни Дитрих фон Ландсберг, ни его отец, ни их *familia* не участвовали в рыцарских пирах, турнирах, охоте и азартных играх. Данное обстоятельство, на наш взгляд, связано со спецификой источника. *Хроника земли Прусской*, как и более ранняя *Хроника Ливонии* Генриха Латвийского написана священником с выраженными эсхатологическими переживаниями [Arbusow, Bauer (hrsg.), 1955, s. 1–2; Hirsch, Töppen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 21–23] – для такого жанра было более естественным описывать чудесные явления, пророчества и аскетические подвиги, нежели рыцарский фольклор с его «земными» радостями. Аналогичный случай истории похода Альбрехта Саксонского в Ливонию (1219) описан у Генриха, священника Ливонской церкви. Альбрехт *приехал со знатными пилигримами* и сразу же встал на защиту дома Господня [Arbusow, Bauer (hrsg.), 1955, s. 154]. Однако независимый автор «рыцарской» *Старшей ливонской рифмованной хроники* пишет, что герцога предварительно угостили *хорошим вином, пивом и мясом* [Meуer (hrsg.), 1876, s. 22, 23]. Вряд ли с маркграфом Дитрихом обошлись как-то иначе.

¹⁴ Неясно, были ли *viri nobiles/bellatores strenui*, приехавшие с Генрихом его вассалами (*familia*) – вероятно, знатные мужи здесь собирательный термин, подразумевающий как зависимую знать, так и представителей мелкой и средней знати, отправившейся в поход, возглавляемый одним из самых влиятельных владык в Империи.

Библейский (кон)текст. Балтийские крестоносцы уподобляли себя великим воинам Ветхого завета. Это подтверждается и тем обстоятельством, что библейское «оформление» христианского насилия присутствует не только в источниках, написанных священниками, но и в рыцарской поэзии [Paravicini, 2020, s. 234]¹⁵. Российская исследовательница Вера Матузова дала всестороннюю оценку «теологическому и провиденциалистскому подходу» в описании «исторических фактов» у Петра из Дусбурга [Матузова, 1984]. *Хроника земли Прусской* интересна ещё и тем, что, помимо общей эсхатологической концепции, свойственной любой из средневековых хроник, каждое частное событие – будь то приезд «большого» владыки с вассалами или возвращение пешего пилигрима домой¹⁶ – заключало в себе концептуальное наполнение. Пример этому мы видим в интересующем нас отрывке *De vastacione terre Nattangie per dominum Theodoricum marchionem Misnensem*.

Священник Пётр сразу же «оформляет» рассказ о походе Дитриха библейскими коннотациями. Все начинается с того, что *Господь увидел страдания народа Своего в Пруссии* (ср. Исх. 3:7). Далее, *приходит полнота времени* и Он посылает Дитриха для спасения *Своих людей* точно также, как с *приходом полноты времени* был послан *Сын Единородный* для искупления подзаконных (ср. Гал. 4:4). Здесь используется игра слов и смыслов: аллюзия на слова апостола Павла о посланном Сыне Божиим сменяется утверждением того, что Дитрих (*marchio Misnensis*) посылается как *сын светлейшего господина Генриха (filius illustris domini Henrici)* для вспоможения братьям *земли Прусской*. Ниже следует уже известная нам метафора *бесстрашного льва*, который *не посторонится ни перед кем* и идёт по *святым следам отца* [Hirsch, Törpen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 116]. Метафора *льва* является здесь не только библейской формой, заимствованной из книги Притчей Соломоновых. Чёрный лев на золотом поле – это геральдический символ семейства Веттинов. Как и в тексте Петра, образ бесстрашного льва в атакующей позе – в виде миниатюры, посвящённой Генриху Светлейшему – изображён в кодексе Манессе, немецком поэтическом сборнике начала XIV в.¹⁷

Таким образом, светские атрибуты представителей Мейсена впервые обретают «библейское прочтение» именно в Пруссии. Чёрный лев, родовой символ Генриха и Дитриха, становится *бесстрашным львом* Ветхого завета. Дитрих-сын уподобляется *Сыну Единородному*. Выполняя клятву, пилигрим идёт по *святым следам*. «Брутальная» рыцарская традиция становится сакральной, христианской. В полном согласии с программой «нового рыцарства» св. Бернара Клервосского Дитрих фон Ландсберг *явился смиренней ягнёнка и бесстрашнее льва*¹⁸.

¹⁵ О библейских аллюзиях ливонских пилигримов: [Подберёзкин, 2016].

¹⁶ Как, например, в истории одного из «земляков» Дитриха, безымянного крестоносца из Мейсена [Hirsch, Törpen, Strehlke (hrsg.), 1861, s. 80]. Последний поднялся из могилы и поведал сыну, что при жизни незаконно отнял поле у соседа. Однако за выполнение крестоносного обета Христос превратил его вечное наказание во временное.

¹⁷ *Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse) – Cod. Pal. germ. 848* [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.11588/diglit.2222#0024> (дата обращения: 26 декабря 2023 года).

¹⁸ S. Bernardus Claraevallensis liber ad milites Templi de laude novae militia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/bernardclairvaux.shtml> (дата обращения: 27 декабря 2023 года).

Последствия. Источники Мейсена, Тюрингии и Саксонии эксплицитно не свидетельствуют о влиянии опыта *рейз* на дальнейшие действия их участников. Поэтому необходимо признать, что попытка связать действия пилигрима по возвращении из похода с этим опытом будет в некоторой степени гипотетичной. В случае маркграфа фон Ландсберга мы попытаемся проследить за его действиями после похода в Пруссию по актам, изданных от имени Дитриха. Такой подход позволяет вписать прусский опыт в общий контекст жизненных коллизий маркграфа после совершения обета.

Почти все документы Дитриха фон Ландсберга, выпущенные за период 1272–1273 гг., связаны с датированием церкви. С 5 января 1272 г. по 3 июля 1273 г. бенефициарами Дитриха стали Мейсенское епископство [Dobenecker (bearb.), 1939, s. 105], женский цистерцианский монастырь св. Георга возле Халле [Ibidem, s. 107], монастырь Босау [Ibidem, s. 114], женский цистерцианский монастырь Бойдитц (Beuditz) [Ibidem, s. 115], женский монастырь в Айзенберге [Ibidem, s. 118, 129], монастырь Пфорта [Ibidem, s. 123], монастырь Грюнхаин (Grünhain) [Ibidem, s. 140]. Аналогичный сюжет мы уже наблюдали в связи с графом Альбрехтом фон Орламюнде, который участвовал в ливонском походе в 1217–1222 гг. Серия donations графа началась незадолго до похода в Ливонию; значительное количество приходится на время непосредственно перед походом (после благословения крестоносного обета папой), время совершения обета (вероятно, конфидентами от имени графа) и время непосредственно после завершения обета [Подберёзкин, 2022, с. 80–81]. Donations графа делались *для памяти у святых во славе* [Reitzenstein (verf.), 1871, s. 73], во искупление личных грехов и спасение семьи [Leverkus (hrsg.), 1856, s. 45–46]. Крестоносные donations Дитриха и его отца Генриха Светлейшего, делались с аналогичными целями – во искупление себя и своей семьи [Dobenecker (bearb. und hrsg.), 1939, s. 112, 127]. Таким образом, сам факт увеличения donations Дитриха в период до и после прусской *рейзы* вряд ли является совпадением, т.к. такую же тенденцию можно проследить и на примерах других пилигримов – в частности, графа Альбрехта фон Орламюнде. По всей видимости, между церковными пожалованиями «на помин души» и крестоносным подвигом существовала прямая связь. Сообразно представлениям времени, следовало не только рискнуть жизнью за друзей своих (Ин. 15:13) в борьбе с пруссами, но и позаботиться об искуплении грехов путем церковных пожалований.

После возвращения из Пруссии (1272) и до самой смерти (1285) источники не засвидетельствовали каких-либо серьёзных конфликтов или проявлений открытого недоверия между Дитрихом фон Ландсбергом и его отцом, Генрихом Светлейшим. Отец и сын проявляют единство – по крайней мере, в совместных документах. Знаковым является их совместное пожалование лесных угодий братьям Немецкого ордена (28.11.1273) [Ibidem, s. 140]. Когда Дитрих умер (1285), его тело (с вдова отца) упокоилось в монастыре Зойслиц (Seußlitz), фундатором которого был Генрих Светлейший [Tittmann, 1846, s. 276]. На наш взгляд, эти факты свидетельствуют о примирении отца и сына, которое наступило после выполнения крестоносного обета.

«Затишье» после возвращения из *рейзы* можно наблюдать и в отношениях Дитриха фон Ландсберга и Фридриха фон Торгау, епископа Мерзебурга. Вероятно, положительную роль для укрепления отношений двух владельцев сыграло вышеупомянутое повеление Фридриха (1272), которое обеспечило приток большого числа крестоносцев воинству Дитриха в Пруссии. В целом, отношения Дитриха и Церкви явно улучшились – о чём дополнительно свидетельствует примирительный договор маркграфа и епископа Наумбурга (1276), который улаживал земельные споры контрагентов [Ibidem, s. 260].

Важные перемены коснулись «нелегального» положения Дитриха в Империи как маркграфа Ландсберга. В конфирмации епископству Мерзебургскому (1285) немецкий король Рудольф I Габсбург назвал Дитриха *princeps imperii*, постфактум признавая положение последнего как законного имперского князя [Helbig, 1980, s. 30]¹⁹.

Таким образом, после возвращения из Пруссии положение Дитриха в семье, в отношениях с церковью и среди имперских сословий кардинально изменилось.

Заключение: поход ради мира? Генрих Светлейший, его сыновья Альбрехт и Дитрих решили поехать в Пруссию задолго до периода классических *рейз*, который стал феноменом XIV в. Мейсенские Веттины XIII в. ещё не ориентировались на традицию *рейз*, а поездки для освобождения Гроба Господня были пока предпочтительнее «охоты» на прусских язычников [Мартынюк, 2019, с. 366–369]. Значит, путешествие Дитриха не было «данью моде». В Пруссии маркграф решал те задачи, которые не удавалось разрешить в полной мере в своих собственных владениях. Это не «политические проблемы» в современном смысле слова; речь шла о долголетних конфликтах с родственниками и соседями, где личное не отделялось от «политического». Вариант сменить географию собственного «шпильраума» оказался удачным решением.

Маркграф помирился с Церковью. Поход в Пруссию стал логическим завершением конфликта Дитриха фон Ландсберга с Церковью. Средневековая епископия не была организацией пацифистов, но *мир* был одной из её важнейших целей. Вот почему епископ Мерзебурга Фридрих фон Торгау в результате повеления прелатам (1272) перенаправил конфликтный потенциал местной знати (и самого Дитриха) для участия в походе на прусских язычников. Сам поход, на наш взгляд, разумелся как залог личного примирения Фридриха и Дитриха – после осуществления обета и до самой смерти маркграфа (1285) два владельца мирно сосуществовали.

Маркграф помирился с вассалами и императором. Участие в *рейзе* позволило Дитриху объединить вокруг знамени «чёрного льва» многочисленных представителей мейсенской знати. В этом смысле титул *маркграфа мейсенского*, которым Дитрих никогда не обладал на родине, был знаковым как для рыцарей крестоносного воинства, так и для Немецкого ордена. Для первых *маркграф мейсенский* делал Дитриха легитимным предводителем, а для вторых – последователем славных дел Генриха Светлейшего, отправившегося в *рейзу* несколько десятилетий назад. Все те, кто ехал в Пруссию под знаменем Веттинов вне зависимости от конкретного региона

¹⁹ Кроме того, Дитрих был конфидентом Рудольфа I [Tittmann, 1846, s. 270].

(Тюрингии, Ландсберга, Мейсена и др.) именовались *мейсенцами*. На наш взгляд символические завоевания Дитриха – прежде всего, укрепление его авторитета для собственных вассалов и церковных владык (епископов Мерзебурга и Наумбурга) – поспособствовали тому, что прежде нелегальный маркграф был в конце концов признан Рудольфом Габсбургом как *princeps imperii*.

Маркграф создавал традицию классических рейз XIV в. Походы немецкой знати восточных марок (Саксонии, Тюрингии, Мейсена, Бранденбурга) в Пруссию и Ливонию в XIII в. создавали традицию классических прусских *рейз* XIV в., описанных в рыцарской поэзии. На примере Дитриха фон Ландсберга и его отца Генриха Светлейшего можно наблюдать следующий порядок исполнения крестоносного обета, ставший «базовым» для *рейз* XIV в.: 1) *adventum* (приезд); 2) *destructio/devastatio infidelium* (разрушение/опустошение неверных); 3) *pacta neofitorum* (соглашение с неофитами); 4) *subsidium militum* (помощь Ордену); 5) *reversio* (возвращение).

Маркграф стал «добрым христианином». До похода его знали как *фараона*, гонителя церкви после онога – как *бесстрашного льва*, который пошёл по *святым следам* своего отца. Если и можно проследить личностные изменения пилигрима после похода, то наиболее убедительным аргументом может быть поведение пилигрима как донатора монастырей. На наш взгляд, серию донаций маркграфа в пользу монастырей в 1272 г. и в последующее время можно рассматривать как «оформление» крестоносного «делания». Таким образом, светское рыцарское знамя «чёрного льва» отныне «вписывалось» в христианскую эсхатологию. Тем самым умножался символический капитал и самого маркграфа, и семейства Веттинов в целом. Таким образом, приобретённый престиж следовало поддерживать – прежде всего, донациями.

Маркграф помирился с отцом. Здесь тот случай, когда «молчание» источников является «говорящим»: нам не удалось найти упоминаний вражды и недоверия между отцом и сыном, которые характеризовали их отношения до 1272 г. Наоборот, Генрих и Дитрих действуют совместно, когда совершают совместные донации и поддерживают братьев Ордена в своих немецких владениях. *Рейза* 1272 г. символически повторяла *рейзу* 1237 г.: Дитрих показывал ещё живущему отцу, что он «пошел по его стопам». Как видим, такой шаг оказался более эффективным и надёжным, чем формальные заверения в дружбе и доверии (*amicitia et familiaritas*), обычные для латинского примирительного официоза того времени²⁰. В этом смысле *рейзу* маркграфа можно рассматривать как реакцию на «кризис доверия», наступивший между отцом и сыном накануне похода.

Так зачем же Дитрих фон Ландсберг поехал в Пруссию? Если попытаться вместить наш ответ в одно слово, то наиболее подходящим кажется **примирение**. Однако, как это часто бывало в истории крестовых походов, новый опыт оказался не менее релевантным, чем запланированный результат.

²⁰ См. сюжет Генриха Латвийского о посольстве епископа рижского Альберта в Полоцк 1206 г. [Arbusow, Bauer, (hrsg.), 1955, s. 44].

Информация о статье

Работа подготовлена в рамках проекта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X–XIII в.)», договор № Г23ИП-005.

Автор: Филипп Дмитриевич Подберёзкин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь; ORCID: 0000-0001-7471-8793; e-mail: padbiarozkin@gmail.com

Заголовок: Зачем Дитрих фон Ландсберг поехал в Пруссию?

Аннотация: Цель статьи – выяснить мотивы, содержание и последствия прусской *рейзы* маркграфа Дитриха фон Ландсберга в рамках крестоносных обычаев династии Веттинов и Мейсенского маркграфства. Накануне похода (1272) Дитрих находился в конфликте со своим отцом, маркграфом Генрихом Светлейшим, а также с епископом Мерзебурга Фридрихом фон Торгау. Маркграф испытывал трудности с политической легитимностью – ведь образование маркграфства Ландсберг в 1263 г. противоречило имперскому праву. На взгляд автора, именно участие в прусской *рейзе* оказалось удачным решением неурядиц Дитриха. Во-первых, поход в Пруссию стал залогом примирения маркграфа и епископа Мерзебурга. Во-вторых, легитимность Дитриха была признана его собственными ленниками и немецким королём Рудольфом Габсбургом. В-третьих, маркграф сменил репутацию «гонителя Церкви» на репутацию «доброго христианина». В-четвертых, Дитрих помирился с собственным отцом. Таким образом, успешное участие в прусской *рейзе* для Дитриха фон Ландсберга оказалось тем символическим капиталом, который позволил переписать историю его взаимоотношений с семьёй и Церковью.

Ключевые слова: Дитрих фон Ландсберг, Генрих Светлейший, Пруссия, Веттины, Мейсенское маркграфство, рейзы

Библиографический список

- Arbusow L., Bauer A. (hrsg.). (1955). *Heinrichs Livländische Chronik*. Hannover: Hahnsche Buchhandlung. 255 S.
- Arnold U. (1968). Engelbert III. Graf von der Mark, seine Kreuzfahrten ins Heilige Land, nach Livland und nach Preußen. *Beiträge zur Geschichte Dortmunds und der Grafschaft Mark*. Bd. 64. S. 77–95.
- Bunge F. G. von (hrsg.). (1853). *Liv-, Esth-, und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*. Bd. 1 (1093–1300). Reval: in Commission bei Kluge und Ströhm. 649 S.
- Dobenecker O. (bearb. und hrsg.). (1939). *Regesta diplomatica necnon epistolaria Historiae Thuringiae*. Bd. 4 (1267–1288). Jena: Gustav Fischer. 510 S.
- Dorna M. (2012). Die Brüder des Deutschen Ordens in Preußen 1228–1309. Eine prosopographische Studie. Wien, Köln, Weimar: Böhlau. 473 S.
- Gersdorf E. G. (hrsg.). (1864). *Codex diplomaticus Saxoniae Regiae. Urkundenbuch des Hochstifts Meissen*. Bd. 1. Leipzig: Giesecke & Devrient. 491 S.
- Giese W. (1918). Die Mark Landsberg bis zu ihrem Übergang an die Brandenburgischen Askanier im Jahre 1291. *Thüringisch-Sächsische Zeitschrift für Geschichte und Kunst*. Bd. 8. S. 1–54.
- Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse) – Cod. Pal. germ. 848*. URL: <https://doi.org/10.11588/diglit.2222#0024> (дата обращения: 26 декабря 2023 года).
- Helbig H. (1980). *Der wettinische Ständestaat: Untersuchungen zur Geschichte des Ständewesens und der landständischen Verfassung in Mitteleuropa bis 1485*. Köln, Wien: Böhlau-Verlag. 502 S.
- Hirsch T., Töppen M., Strehlke E. (hrsg.). (1861). *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. Bd. 1. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. 818 S.
- Hirsch T., Töppen M., Strehlke E. (hrsg.). (1863). *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. Bd. 2. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. 882 S.
- Hirsch T., Töppen M., Strehlke E. (hrsg.). (1866). *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. Bd. 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. 730 S.
- Kehr P. (bearb.). (1899). *Urkundenbuch des Hochstifts Merseburg*. Th. 1 (962–1357). Halle: Verlag von Otto Hendel. 1399 S.
- Krabbo H. (bearb.). (1922). *Regesten der Markgrafen von Brandenburg aus askanischem Hause*. Sechste Lieferung. München, Berlin: Verlag von R. Oldenbourg. 476 S.
- Leverkus W. (hrsg.). (1856). *Lübeckisches Urkundenbuch. 2 Abt. Urkundenbuch des Bisthums Lübeck*. Oldenburg: Gerhard Stalling. 901 S.
- Lutz W.R. (1977). *Heinrich der Erlauchte (1218–1288), Markgraf von Meißen und der Ostmark (1221–1288), Landgraf von Thüringen und Pfalzgraf von Sachsen (1247–1263)*. Erlangen: Verlag Palm & Enke. 493 S.

- Menckenius B. (ed.). (1728). *Scriptores rerum Germanicarum praecipue Saxonicarum...* T. 2. Lipsiae: Impensis Ioannis Christiani Martini. 1129 S.
- Meyer L. (hrsg.). (1876). *Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichniss und Glossar*. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 416 S.
- Paravicini W. (1989). *Die Preußenreisen des europäischen Adels*. Teil 1. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag. 397 S.
- Paravicini W. (1995). *Die Preußenreisen des europäischen Adels*. Teil 2. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag. 346 S.
- Paravicini W. (2020). *Adlig leben im 14. Jahrhundert. Weshalb sie fuhren: Die Preußenreisen des europäischen Adels*. Teil. 3. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlage. 805 S.
- Paravicini W. (2023). *Verlust und Dauer. Weshalb sie nicht mehr fuhren und was an die Stelle trat: Die Preußenreisen des europäischen Adels*. Teil 4. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlage. 596 S.
- Pollakówna M. (1968). *Kronika Piotra z Dusburga*. Wrocław, Warszawa, Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk. 229 S.
- Reitzenstein C. von (verf.). (1871). *Regesten der Grafen von Orlamünde aus Babenberger und Askanischem Stamm mit Stammtafeln, Siegelbildern, Monumenten und Wappen*. Beyreuth: Th. Burger. 375 S.
- S. Bernardus Claraevallensis liber ad milites Templi de laude novae militia. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/bernardclairvaux.shtml>
- Seraphim A. (bearb.). (1909). *Preußisches Urkundenbuch*. Politische (allgemeine) Abteilung. Bd. 1. Zweite Hälfte. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei. 724 S.
- Stuedener H. (1895). Albrecht I., Herzog von Sachsen (1212–1260). *Zeitschrift des Harz-Vereins für Geschichte und Altertumskunde*. 28 Jahrgang, 1 Heft. S. 1–116.
- Tittmann F.W. (1846). *Geschichte Heinrichs des Erlauchten, Markgrafen zu Meißen und im Osterlande, und Darstellung der Zustände in seinen Landen*. Bd. 2. Dresden und Leipzig: Arndoldische Buchhandlung. 313 S.
- Мартынюк А. В. (2019). *До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII–начало XVI века)*. Москва: Квадрига. 576 с.
- Мартынюк А. В. (2023). Немецкие крестоносцы в битве за Полоцк в 1381 г. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. № 2. С. 36–43. DOI: 10.52928/2070-1608-2023-67-2-36-43.
- Матузова В. И. (1984). Идейно-теологическая основа «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга. *Древнейшие государства на территории СССР, 1982 / ответственный редактор В.Т. Пашуто*. Т.6. Москва: Наука. С. 152–169.
- Пётр из Дусбурга (1997). *Хроника земли Прусской / перевод, статьи, комментарии В. И. Матузовой*. Москва: Ладомир. 384 с.
- Подберёзкин Ф. Д. (2016). Братья-ефремляне: Русь начала XIII века глазами ливонских пилигримов. *Rus' and countries of the Latin culture (10th–16th c.) / ed. V. Nagirnyu*. Krakow: Jagiellonian University. Pp. 131–137.
- Подберёзкин Ф. Д. (2022). «Ливонский эпизод» из жизни двух Альбрехтов. *Studia Historica Europae Orientalis=Исследования по истории Восточной Европы*. Вып. 15. С. 73–87.

Information about the article

This article was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (BRFFR) within the project “Political communication in the territory of Eastern Europe (the end of the 10th–13th century)” agreement No. G23IP-005.

Author: Philip D. Podberezkin – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus. Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus; ORCID 0000-0001-7471-8793; e-mail: padbiarozkin@gmail.com

Title: Why did Dietrich von Landsberg go to Prussia?

Abstract: The purpose of the article is to clarify the motives, content and consequences of the Prussian raid of Margrave Dietrich von Landsberg within the framework of the crusader customs of the Wettin dynasty and the Meissen Margraviate. On the eve of the campaign (1272) Dietrich was in conflict with his father, Margrave Henry the Illustrious, as well as with the bishop of Merseburg, Friedrich von Torgau. The margrave had difficulties with political legitimacy, for the formation of the Margraviate of Landsberg in 1263 was contrary to imperial law. In the author’s opinion, it was participation in the Prussian raid that proved to be a successful solution to Dietrich’s troubles. Firstly, the march to Prussia became a pledge of reconciliation between the margrave and the bishop of Merseburg. Secondly, Dietrich’s legitimacy was recognized by his own vassals and the German king Rudolf Habsburg. Third, the Margrave changed his reputation as a “persecutor of the Church” to that of a “good Christian”. Fourth, Dietrich reconciled with his own father. Therefore, Dietrich von Landsberg’s successful participation in the Prussian raid proved to be the symbolic capital that allowed him to rewrite the history of his relationship with his family and the Church.

Keywords: Dietrich von Landsberg, Henry the Illustrious, Prussia, Wettins, Meissen Margraviate, raids

References

- Arbusow L., Bauer A. (ed.). (1955). *Heinrichs Livländische Chronik* [Livonian Chronicle of Henry]. Hannover: Hahnsche Buchhandlung Publ. 255 p. (In German).
- Arnold U. (1968). Engelbert III. Graf von der Mark, seine Kreuzfahrten ins Heilige Land, nach Livland und nach Preußen [Engelbert III, Count of the Mark, his crusades to the Holy Land, Livonia and Prussia]. *Beiträge zur Geschichte Dortmunds und der Grafschaft Mark* [Contributions to the history of Dortmund and the county of Mark]. Vol. 64. Pp. 77–95. (In German).
- Bunge F. G. von (ed.). (1853). *Liv-, Esth-, und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten* [Liv-, Esth-, and Curland document book with records]. Vol. 1 (1093– 1300). Reval: in Commission bei Kluge und Ströhm Publ. 649 p. (In German).
- Dobenecker O. (ed.). (1939). *Regesta diplomatica necnon epistolaria Historiae Thuringiae* [Register of the documents to the history of Thuringia]. Vol. 4 (1267–1288). Jena: Gustav Fischer Publ. 510 p. (In German).
- Dorna M. (2012). *Die Brüder des Deutschen Ordens in Preußen 1228–1309. Eine prosopographische Studie* [The Brethren of the Teutonic Order in Prussia 1228-1309: a prosopographical study]. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Publ. 473 p. (In German).
- Gersdorf E. G. (ed.). (1864). *Codex diplomaticus Saxoniae Regiae. Urkundenbuch des Hochstifts Meissen* [The diplomatic Codex of the Kingdom of Saxony. The document book of the Meissen Bishopric]. Vol. 1. Leipzig: Giesecke & Devrient Publ. 491 p. (In German).
- Giese W. (1918). Die Mark Landsberg bis zu ihrem Übergang an die Brandenburgischen Askanier im Jahre 1291 [The Margraviate of Landsberg until its transfer to the Brandenburg Ascanians in 1291]. *Thüringisch-Sächsische Zeitschrift für Geschichte und Kunst*. Vol. 8. Pp. 1–54. (In German).
- Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse)* [The Great Heidelberg Song Manuscript (Codex Manesse)] – *Cod. Pal. germ. 848* [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.11588/diglit.2222#0024> (In German).
- Helbig H. (1980). *Der wettinische Ständestaat: Untersuchungen zur Geschichte des Ständewesens und der landständischen Verfassung in Mitteldeutschland bis 1485* [The Wettin Estates State: Studies on the History of the Estates and the Structure of the Estates in Central Germany up to 1485]. Köln, Wien: Böhlau-Verlag Publ. 502 p. (In German).
- Hirsch T., Töppen M., Strehlke E. (ed.). (1861). *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* [The historical sources of Prussian prehistory up to the fall of the Order's rule]. Vol. 1. Leipzig: Verlag von S. Hirzel Publ. 818 p. (In German).
- Hirsch T., Töppen M., Strehlke E. (ed.). (1863). *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* [The historical sources of Prussian prehistory up to the fall of the Order's rule]. Vol. 2. Leipzig: Verlag von S. Hirzel Publ. 882 p. (In German).
- Hirsch T., Töppen M., Strehlke E. (ed.). (1866). *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* [The historical sources of Prussian prehistory up to the fall of the Order's rule]. Vol. 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel Publ. 730 p. (In German).
- Kehr P. (ed.). (1899). *Urkundenbuch des Hochstifts Merseburg* [The document book of the Archbishopric of Merseburg]. Part 1 (962–1357). Halle: Verlag von Otto Hendel Publ. 1399 p. (In German).
- Krabbo H. (ed.). (1922). *Regesten der Markgrafen von Brandenburg aus askanischem Hause* [Register of the Margraves of Brandenburg from the Ascanian house]. Part 6. München, Berlin: Verlag von R. Oldenbourg Publ. 476 p. (In German).
- Leverkus W. (ed.). (1856). *Lübeckisches Urkundenbuch. 2 Abt. Urkundenbuch des Bisthums Lübeck* [The document book of Lübeck. Part 2. The document book of the Bishopric of Lübeck]. Oldenburg: Gerhard Stalling Publ. 901 p. (In German).
- Lutz W. R. (1977). *Heinrich der Erlauchte (1218–1288), Markgraf von Meißen und der Ostmark (1221–1288), Landgraf von Thüringen und Pfalzgraf von Sachsen (1247–1263)* [Henry the Illustrious (1218– 1288), Margrave of Meissen and the Ostmark (1221–1288), Landgrave of Thuringia and Count Palatine of Saxony (1247–1263)]. Erlangen: Verlag Palm & Enke Publ. 493 p. (In German).
- Menckenius B. (ed.). (1728). *Scriptores rerum Germanicarum praecipue Saxoniarum...* [Writers of the German history, especially about Saxony] Vol. 2. Lipsiae: Impensis Ioannis Christiani Martini Publ. 1129 p. (In Latin).
- Meyer L. (ed.). (1876). *Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichniss und Glossar* [The Livonian Rhymed Chronicle with annotations, index of names and glossary] Paderborn: Ferdinand Schöningh Publ. 416 p. (In German).
- Paravicini W. (1989). *Die Preußenreisen des europäischen Adels* [The Prussian Journeys of the European Nobility]. Part 1. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag Publ. 397 p. (In German).
- Paravicini W. (1995). *Die Preußenreisen des europäischen Adels* [The Prussian Journeys of the European Nobility]. Part 2. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag Publ. 346 p. (In German).

- Paravicini W. (2020). *Adlig leben im 14. Jahrhundert. Weshalb sie fuhren: Die Preußenreisen des europäischen Adels* [The Prussian Journeys of the European Nobility]. Part. 3. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlage Publ. 805 p. (In German).
- Paravicini W. (2023). *Verlust und Dauer. Weshalb sie nicht mehr fuhren und was an die Stelle trat: Die Preußenreisen des europäischen Adels* [Loss and duration. Why they no longer traveled and what took their place: the Prussian journeys of the European Nobility]. Part 4. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlage Publ. 596 p. (In German).
- Pollakówna M. (1968). *Kronika Piotra z Dusburga* [The Chronicle of Peter of Dusburg]. Wrocław, Warszawa, Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk Publ. 229 p. (In Polish).
- Reitzenstein C. von (ed.). (1871). *Regesten der Grafen von Orlamünde aus Babenberger und Askanischem Stamm mit Stammtafeln, Siegelbildern, Monumenten und Wappen* [Register of the Counts of Orlamünde from the Babenberg and Ascanian house with genealogical tables, seals, monuments and coats of arms]. Beyreuth: Th. Burger Publ. 375 p. (In German).
- S. Bernardus Claraevallensis liber ad milites Templi de laude novae militia [Book to the Knights of the Temple, in praise of the new knighthood] Available at: <https://www.thelatinlibrary.com/bernardclairvaux.shtml>
- Seraphim A. (ed.). (1909). *Preußisches Urkundenbuch. Politische (allgemeine) Abteilung* [The Prussian document book. The Political (general) part]. Vol. 1. Part 2. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei Publ. 724 p. (In German).
- Steudener H. (1895). Albrecht I., Herzog von Sachsen (1212–1260) [Albrecht I, Duke of Saxony (1212-1260)]. *Zeitschrift des Harz-Vereins für Geschichte und Altertumskunde = Journal of the Harz Association for History and Antiquity*. 28 year, 1 Part. Pp. 1–116. (In German).
- Tittmann F.W. (1846). *Geschichte Heinrichs des Erlauchten, Markgrafen zu Meißen und im Osterlande, und Darstellung der Zustände in seinen Landen* [History of Henry the Illustrious, Margrave of Meissen and the Easter Lands, and an account of the conditions in his lands]. Vol. 2. Dresden und Leipzig: Arndoldische Buchhandlung Publ. 313 p. (In German).
- Martyniuk A.W. (2019). *Do Gerbershteyna: Avstriya i Vostochnaya Evropa v sisteme personal'nykh svyazey i kul'turnykh kontaktov (XIII–nachalo XVI veka)* [Before Herberstein: Austria and Eastern Europe in the system of personal ties and cultural contacts (13th – early 16th century)]. Moscow: Kvadriga Publ. 576 p. (In Russian).
- Martyniuk A. W. (2023). Nemetskie krestonostsy v bitve za Polotsk v 1381 g. [German crusaders at the Battle of Polotsk in 1381]. *Proceedings of the Polotsk state university. Series A. Humanities*. Vol. 2. Pp. 36–43. (In Russian). DOI: 10.52928/2070-1608-2023-67-2-36-43. (In Russian).
- Matuzova V. I. (1984). Ideyno-teologicheskaya osnova «Khroniki zemli Prusskoy» Petra iz Dusburga [Ideological and theological basis of the Chronicle of the Land of Prussia by Peter of Dusburg]. Ancient states on the territory of USSR / ed. by V.T. Pashuto. Vol. 6. Moscow: Nauka Publ. Pp. 152–169. (In Russian).
- Peter of Dusburg (1997). *Khronika zemli Prusskoy* [Chronicle of the Land of Prussia] / translation, articles, comments by V. I. Matuzova. Moscow: Lodomir Publ. 384 p. (In Russian).
- Podberezkin Ph. D. (2016). Brat'ya-efremlyane: Rus' nachala XIII veka glazami livonskikh piligrimov [Brothers of Ephraim: Early 13th century Russia through the eyes of Livonian pilgrims]. *Rus' and countries of the Latin culture (10th–16th c.)* / ed. V. Nagirnyy. Krakow: Jagiellonian University. Pp. 131–137. (In Russian).
- Podberezkin Ph.D. (2022). “Livonskiy epizod” iz zhizni dvukh Al'brekhtov [“Livonian episode” from the lives of the two Albrechts]. *Studia Historica Europae Orientalis = Studies on the history of the Eastern Europe*. Vol. 15. Pp. 73–87. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Подберёзкин Ф. Д. Зачем Дитрих фон Ландсберг поехал в Пруссию? *Caurus*. 2024. Т. 3. № 3. С. 50–63. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-50-63

For citation:

Podberezkin Ph. D. Why did Dietrich von Landsberg go to Prussia? *Caurus*. 2024. Vol. 3(3). P. 50–63. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-50-63

М. Б. Бессуднова, В. А. Якунина

НАРВА В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА

К постановке проблемы. Средневековая Нарва, расположенная на ливонской стороне пограничной реки Наровы, представляла собой интересное явление в средневековой торговле и коммерческой политике [Kivimäe, 2004, s. 17–27]. Будучи «дочерним» поселением ганзейского Ревеля (Таллинна), Нарва занимала ключевое положение на пересечении русско-ганзейских торговых путей, являлась важным перевалочным пунктом русской экспортной продукции, предназначенной для отправки на европейский Запад, впрочем, не удостоенным членства в Ганзейском союзе и даже лишенным права «стапеля», обязательного для мест санкционированного Ганзой товарообмена. Повышению статуса и увеличению торгового потенциала Нарвы препятствовала политика Ревеля, претендовавшего на исключительность своего места в торговле с Россией в качестве «новгородского стапеля» [Kivimäe, 1990, s. 20].

Другая сторона истории Нарвы была связана с ее принадлежностью ливонскому орденскому государству. В 1347 году, спустя год после перехода Северной Эстонии под власть Тевтонского ордена, Нарва стала центром гебита, территориально-административного округа во владениях его ливонского подразделения [Jähnig, 2011, s. 121]. Власть ордена-государя (ландсгерра) в Нарве представляли фогты (*advocates, vogte*), которые назначались краевыми магистрами и вместе с прочими высшими орденскими чинами (гебитигерами) образовывали главный элемент управленческой структуры орденского государства. В пределах ливонского орденского государства, возникшего в XIII веке в результате обретения орденом значительной части завоеванной провинции, а также пожалования папами и императорами ряда властных полномочий [Hellmann, 1985, s. 105–116.], прерогативы государя-ландсгерра принадлежали всей духовно-рыцарской корпорации, на которую также возлагались связанные с этим званием обязанности, включая защиту границ от внешних посягательств, сохранение внутреннего спокойствия и правопорядка, обеспечение жизнеспособности подвластного населения. Решение этих задач находились в ведении гебитигеров, которые решали их, как правило, за счет ресурсов подконтрольных им округов, главным образом, принадлежавших к ним домениальных владений ордена, доходы от которых шли не только на внутреннее потребление, но частично и на нужды ордена в целом [Jähnig, 2011, s. 57–58]. Хозяйственно-экономическая сторона деятельности ордена мало освещена в отечественной историографии. Основной акцент в ней до сих пор делается на военно-политической деятельности Ливонского ордена, который воспринимается как

носитель угрозы для северо-западных русских земель [Казакова, 1975, с. 77; Вебер, Филюшкин, 2018], тогда как современные исследования неоспоримо доказывают, что рыцарское братство отделений Тевтонского ордена в Ливонии и Пруссии с XIV века начало менять свою «крестоносную», военную, сущность на административно-хозяйственную, что соответствовало потребностям орденового государства [Бессуднова, 2015, с. 80–105].

Характер развития Нарвы в XIV – первой половине XVI века, т. е. в «орденскую эпоху», следует рассматривать не только в контексте ее весьма впечатляющих торговых успехов и весьма неоднозначных общений с Ганзой, но также сквозь призму ее общения с фогтами, ответственными за функционирование административного механизма в пределах вверенного их заботам гебита. В современной исторической науке характер взаимоотношений ганзейских городов с их государями и феодальными сеньорами исследуется довольно активно [Neitman, 1993, s. 59–93], что, к сожалению, нельзя сказать относительно изученности взаимоотношений городской общины Нарвы с орденовой администрацией в военно-политической и хозяйственно-административной сферах. Отдельные реплики на эту тему можно обнаружить в работах Ю. Кивимяэ [Kivimäe, 1990; Kivimäe, 2004], Ю. Крема [Kreem, 2002; Kreem, 2003], А. Селарта [Selart, 2019, s. 23–42], М.Б. Бессудновой [Бессуднова, 2021], тогда как фундаментальные исследования отсутствуют. Даже в монографии Б. Йенига, посвященной правовым и управленческим структурам ливонского орденового государства [Jähnig, 2011], Нарва упоминается крайне редко. Вместе с тем неоспоримые успехи торгово-предпринимательского развития Нарвы на рубеже Средневековья и Нового времени, как и значимость ее роли для русско-ганзейской и русско-ливонской торговли, позволяют задаться вопросом о характере влияния на экономическую жизнь города не только его магистрата, но и орденовой администрации. Решение проблемы требует не только выявления форм предпринимательской деятельности нарвских фогтов с учетом их мотивированности, но и связи этих сугубо локальных моментов с характером и динамикой развития русской торговли Нарвы в рамках экономической и политической стратегии Тевтонского ордена в Ливонии, который мы, следуя российской историографической традиции, в целях экономии печатного пространства будем именовать Ливонским орденом.

Роль фогтов Нарвы в развитии ее внешней торговли следует изучать с учетом функций ливонских гебитигеров, обязанных обеспечивать защиту гебита от внешних угроз, поддерживать правопорядок и гарантировать подданным орденового государства материальное благополучие. Нарва XV века являлась сравнительно небольшим городом с населением не более 600–800 человек [Mühlen, 1985, s. 3; Kivimäe, 2019, s. 61], но в силу своего приграничного положения всегда пребывала в фокусе внимания орденового руководства, заинтересованного в усилении ее фортификационных возможностей [Kivimäe, 2004, p. 20]. Существование Нарвы в качестве узла обороны на крайне беспокойной русско-ливонской границе [Клейненберг, 1960, с. 140–151] напрямую зависело от бесперебойности ее снабжения продовольствием и вооружением, что, однако, затруднялось рядом обстоятельств, в частности, статусом «пригорода» или «дочернего» поселения Ревеля, скрывавшего

предпринимательство нарвских бюргеров [Kivimäe, 2019, s. 57–74], верховенством ревельских судебно-правовых инстанций в судопроизводстве Нарвы [Kämpf, 2013, s. 53–58], постоянным оттоком ее населения в Ревель [Süvalep, 1936, lk. 293–295], а также отсутствием у Нарвы развитого хинтерланда (*marca civitas, hinterland*), т. е. территории поставок городу экспортной продукции, продовольственных и сырьевых товаров [Jahnke, 2019, s. 226–252]. В нарвском гебите в силу его ландшафта (обилие водоемов, каменистая почва и др.) и отсутствия полезных ископаемых не было условий для массового зернового производства и развития городского ремесленного производства, что вынуждало орденских фогтов, ответственных за обеспечение замка и города, использовать его удобное, привлекательное для купцов географическое положение и проявлять повышенную активность в области торгового предпринимательств.

Хозяйственная деятельность фогтов Нарвы в XV веке. Хотя Ливонский орден вел активную торговую политику в отношении Северо-Западной Руси с XIII века [Бессуднова, Кун, 2013, с. 212–229], историография этого аспекта его деятельности крайне незначительна. Отдельные вопросы, связанные с развитием орденского домениального хозяйства и его участием в торговле, затронуты в монографиях В. Ниитемаа [Niitemaa, 1952], Б. Йенига [Jähmig, 2011] и ряде других публикаций отечественных [Дорошенко, 1963, с. 122–140; 1964, с. 100–115; Бессуднова, 2021, с. 264–295] и зарубежных исследователей [Kreem, 2003], но специальных исследований торгового предпринимательства орденской администрации в гебитах и малых городах орденского подчинения фактически не производилось по причине, в первую очередь, разобщенности и фрагментарности источниковой базы. Если экономическая политика Тевтонского ордена в Пруссии довольно широко освещена в его неплохо сохранившихся хозяйственных книгах и документах¹, то в отношении ливонских гебитов источников такого рода почти не существует². С другой стороны, по сравнению с другими малыми городами Ливонии орденского подчинения Нарва благодаря своей высокой торговой активности обеспечена гораздо бóльшим количеством документальных свидетельств хозяйственного функционирования администрации ее замка, которые можно почерпнуть в официальной ливонской документации и в ганзейской корреспонденции, прежде всего, в посланиях Ревеля. Однако, прежде чем перейти к анализу торгово-предпринимательской деятельности фогтов Нарвы необходимо выяснить наличие у средневековой Нарвы собственных хозяйственных ресурсов и определить степень их достаточности для самообеспечения города и гебита.

Жители Нарвы и ее округа занимались пашенным земледелием, но из-за высокого уровня заболоченности почвы и, наоборот, скалистых участков его продуктивность в целом была довольно низкой [Süvalep, 1936, lk. 294–296], хотя

¹ Основными источниками для изучения хозяйственной деятельности Тевтонского ордена в Пруссии являются книги гротсшеферов Кенигсберга и Мариенбурга с записями о деловых сделках, торговых и кредитных соглашениях, информацией о транзакциях, платежах, кредитах, товарах и деньгах [Czaja, 2018, p. 64].

² Архив Ливонского ордена большей частью пропал в годы Ливонской войны и только отдельные его фонды, большей частью XVI века, хранятся в архивах Стокгольма и Копенгагена [Fenske, Militzer, 1993, s. 834–836; Бессуднова, 2015, с. 44–45].

временами нарвцам удавалось производить зерно не только для собственных нужд, но и на продажу. Известно, например, что нарвские купцы продавали небольшие партии зерна от ½ до 1 ласта (ласт = ок. 1866 кг) [Якунина, 2022, № 142]. Также имеются свидетельства того, что фогты Нарвы с конца XIV века продавали рожь из домениальных поместий своего гебита в Ревель [Якунина, 2022, № 62], а также обменивали ее на «другие товары для нужд и необходимостей замка и гебита» (*tho nuth und behoeff slottes und gebeydes*) [Arbusov, 1900, № 254; Якунина, 2022, № 66]. Личный характер обращений фогтов в Ревель в случаях подобных сделок можно считать свидетельством эпизодичности таких сделок, так как при регулярном товарообмене в Ревеле нарвские фогты обычно пользовались услугами своих торговых представителей, виртов (*wirten*). Небольшие объемы экспортируемого Нарвой зерна особо заметны на фоне аналогичных возможностей Риги и Ревеля, что подтверждает Инвентарь ревизии («визитации») 1451 года, согласно которому в орденских замках Риги и Ревеля хранилось соответственно 80 и 60 ластов зерна, а в нарвском замке всего 19 [Benninghoven, 1976, ss. 585, 589].

Стоит отметить, что в Нарве в разное время существовали две мельницы – одна в городе, работающая с использованием лошадиной силы, а вторая, водяная, на одном из островов Наровы; первая принадлежала ордену, а вторая частному лицу [Süvaler, 1936, lk. 292]. О вывозе орденом муки сведений нет, что позволяет считать использование им мельницы исключительно для внутренних потребностей. С большой долей уверенности можно говорить об организации орденом в Нарве собственного пивоваренного производства. Как и в других средневековых городах, пиво там при отсутствии чистой воды являлось самым популярным напитком [Henn, 1996, s. 37–40], а потому, в частности, входило в довольствие наемных каменщиков³. Слабое пиво (*dunenbeer*) даже предоставлялось заключенным в тюрьме [Bunge, 1867, № 2424; Якунина, 2022, № 44]. Из-за ограниченности источников сложно с точностью рассчитать объемы производимой в Нарве пивоваренной продукции. Имеются сведения за 1496 год о продаже захватившим Ивангород шведам пива общей стоимостью в 51 марку и объемом в 3 ластва без двух бочек [Arbusov, 1900, № 723–724], что, однако, не позволяет сделать вывод о происхождении проданного напитка, который мог быть и произведенным в Нарве, и закупленным в других местах в связи с необходимостью. При этом можно предположить, что пивоварение в Нарве курировалось орденскими властями, поскольку в документах неоднократно встречаются упоминания о закупке фогтом хмеля для нужд замка и гебита⁴, которые, кстати, совершенно отсутствуют в деловой корреспонденции нарвского магистрата.

³ «...давать каменщикам в содержание пиво, хлеб и жилье, как это всегда делалось» (*den murmeisteren gar kost bier unde broet unde herberge don solde, als it al gedan hebbe*). Письмо магистрата Нарвы в Ревель в связи с делом Андреаса Виттена против Винольта Войеллпута. 14 сентября 1487 года [Якунина, 2022, № 117].

⁴ «очень хотел бы за это [получить] соль, хмель и другие товары для нужд и необходимостей моего замка и гебита» (*ick gerne vorbuten wolde solt, hoppe und ander tuygh tho nuth und behoeff mynes slottes und gebeydes*). [Arbusov, 1900, № 254; Якунина, 2022, № 66]; «...я узнал, что вы задерживаете мою соль и мой хмель и не хотите мне позволить их вывезти, чем вы создаете мне серьезные потребности в нуждах замка и населения округа» (*ik wal vornomen hebbe, wu gy myn salt unde mynen hoppen besperen unde willen my des nicht ghunnende wesen uttovorende, des my doch thomale grot bedarff doet tho des slots behoff unde mynes landtvolx*). Письмо фогта Нарвы

Также в Нарве и ее окрестностях имелось в наличии и другое мелкое производство, находившееся в ведении орденского начальства. Например, ордену принадлежали известняковые печи и печи для обжига кирпича⁵, продукция которых, скорее всего, шла на нужды местного строительства. Сведения о сбыте орденской гончарной продукцией в источниках полностью отсутствуют, что позволяет предположить использование печей исключительно в строительных целях, прежде всего, для благоустройства нарвского замка, который часто перестраивался и модернизировался, а также нуждался в ремонте и укреплении [Коченовский, 1991, с. 11–16]. 1380 годом датируется известие о существовании в ведении фогта обувной мастерской (*schowerke*), для нужд которой он обеспечивал поставки из Ревеля сырья, в частности льна, скорее всего, парусины [Bunge, 1857, № 1161; Якунина, 2022, № 3]. Однако при всем этом говорить о высоком уровне развития ремесленного производства в Нарве не приходится, так как для осуществления любого вида масштабных работ туда обычно приглашали мастеров из Ревеля [Süvalep, 1936, l. 293]. К тому же нарвские ремесленники не образовывали собственных ремесленных гильдий, а входили в состав цехов и гильдий Ревеля. Между тем ремесленников в городе в отношении общей численности его населения было довольно много, что было обусловлено, прежде всего, потребностями торговли, поскольку приезжавшие купцы и путешественники нуждались в ремонте транспортных средств – телег и саней, которые из-за плохих дорог постоянно ломались, в обновлении одежды и обуви, которые изнашивали в дороге, а также в удовлетворении других своих материальных потребностей [Süvalep, 1936, l. 293]. О поставках нарвского ремесла на внешний рынок продукции в источниках не речь при этом не ведется.

Невысокий уровень развития земледелия в рамках орденского хозяйства Нарвы, как и относительно слаборазвитое ремесло, делало востребованным развитие в орденских владениях рыболовного промысла, для которого обилие водоемов создавало благоприятные условия⁶. Благодаря этому обстоятельству промысловое рыболовство занимало важную роль в жизни и торговле Нарвы⁷, что, в свою очередь, обусловило его пребывание в зоне пристального внимания орденской администрации и наличие четкой регламентации в отношении него со стороны фогтов. В связи с этим следует отметить, что в Нарве это был единственный промысел, в отношении которого на основании сначала датских, а затем орденских привилегий была выработана солидная правовая база [Süvalep, 1936, l. 297], в соответствие с которой устанавливалось расположение рыбацких деревень, рыболовных угодий, закрепленных за определенными населенными пунктами, обозначались места торговли рыбой, вводились правила ее продажи и вывоза за пределы гебита [Bunge, 1855, № 834; Bunge, 1857, № 1097]. В частности, в рыбацких поселках, специально

в совет Ревеля по поводу задержанных товаров, которые были куплены для нужд замка Николаем Пруссом. 8 августа 1430 года [Hildebrand, 1884, № 284; Якунина, 2022, № 41].

⁵ Одно из ранних упоминаний известковой печи (*kalkoven*) в источниках: [Hildebrand, 1884, № 597; Якунина, 2022, № 42].

⁶ Подробнее о значении рыболовного промысла в Эстонии см.: [Põltsam-Jürjo, 2018, lk. 3–23].

⁷ В XV веке Нарва успешно вела торговлю свежей и засоленной рыбой. Нарвские угри в бочках были известным товаром даже в Любеке [Stein, 1907, № 1022]. Особую важность рыбного промысла подтверждает герб Нарвы, на котором с древнейших времен было изображение рыбы [Ахметова, 2016, с. 28–31].

возведенных в устье Наровы для просушки сетей и лески, всякая рыбная торговля запрещалась [Arbusov, 1905, № 469], надо думать, из фискальных соображений. Жители и купцы шведского Выборга торговали с ливонцами на рыбацкой стоянке Пилькемюнде (Pilkemünde) недалеко от Нарвы [Arbusov, 1900, № 544]; обмениваться солью и рыбой с русскими купцами позволялось в местах рыбных промыслов на Чудском озере [Arbusov, 1905, № 625]. Ливонские купцы, желавшие купить русскую рыбу в устье Наровы или на русской территории, должны были получить на то разрешение фогта в орденском замке Нейшлосса (Васкарнарвы), который подчинялся Нарве, заплатить таможенную пошлину в 2 шиллинга и вернуться по установленному им маршруту [Niitemaa, 1952, s. 335]. Нарвские купцы и жители, как и обитатели окрестных земель и деревень, которые направлялись за рыбой на русскую сторону, тоже находились под контролем нарвского фогта и также должны были перемещаться по оговоренному маршруту, который в обязательном порядке пролегал через Нарву [Niitemaa, 1952, s. 335]. Русским же купцам из соображений безопасности орденского государства не разрешалось произвольно выезжать за пределы тех пунктов, где им следовало торговать с жителями Ливонии [Arbusov, 1910, № 136 § 31].

Предусмотренный порядок, однако, постоянно нарушался. Так, например, весной 1504 года фогт Нейшлосса обратился к магистрату Ревеля по поводу претензий со стороны ревельцев в отношении его служащих, которые незаконно останавливали обозы с рыбой (*vyssche, siede and perde*) [Arbusov, 1905, № 625]. В ответ на то фогт сообщил о свидетелях, которые неоднократно наблюдали, как ревельские купцы тайно на Нарове и Чудском озере торгуют с русскими рыбой и другими товарами, что, соответственно, и стало причиной задержания ревельских обозов, так как согласно обычаю и праву (*olde tholatinge unde recht*) никому не полагалось торговать в обход замков Нейшлосса и Нарвы (*nymen vorby dasseme unszes ordens slaethe unde de Narwe vorby trecken offte varen*) [Arbusov, 1905, № 625].

Более серьезные противоречия на протяжении первой четверти XV века возникали между ливонской и русской сторонами из-за распределения мест рыбной ловли, что, в частности, нашло отражение в договоре Великого Новгорода с Ливонским орденом о мире и разрешении спорных дел 1421 года. В нем орденские и новгородские владения вдоль течения Наровы были разделены «по стержню» реки⁸, т. е. по линии разделения зон русла в соответствии с наибольшей поверхностной скоростью течения, которые, в основном, совпадали с разметкой максимальной глубины (тальвегом) [Клейненберг, 1960, с. 145]. Таким образом, стержень делил фарватер на две части и позволял осуществлять судоходство вдоль обоих речных берегов. Такое размежевание было прогрессивным для своего времени и довольно удобным, но оно не устраняло традиционных русско-ливонских споров относительно рыболовства, и потому в связи с окончанием новгородско-орденской войны 1443–1448 годов вопрос о разделе русла Наровы вновь был поднят в ходе мирных переговоров. Каждая из сторон стремилась закрепить за собой полное владение Наровой и ее островами [Клейненберг, 1960, с. 149–150], но в итоге договор 1448 года подтвердил

⁸ «Земли и водъ старый рубежь, норовъ рькъ стержнь от Чюцкого озера стержнемъ и до моря по старымъ грамотамъ по княжимъ» [Валк, 1949, № 60].

разграничение по стержню, как это было в договоре 1421 года⁹. В проекте русско-ливонского договора 1481 года мы также наблюдаем разграничение сфер рыбной ловли для ливонцев и русских, но уже не в отношении Наровы, а для Чудского озера: «... на Великом [Чудском] озере псковичи должны ловить рыбу у своего берега, и через Великое озеро псковичи не должны ездить ловить рыбу на немецкую сторону, разве что кто попадет туда случайно и непреднамеренно, если ветер занесет псковских рыбаков на немецкую сторону и нельзя будет отвернуть. Точно так же немцы на Великом озере должны рыбачить у своего берега и через Великое озеро немцы не должны ездить ловить рыбу на псковскую сторону» [Бессуднова, 2019, № 82]. При этом стоит понимать, что наличие договоров само по себе не обеспечивало их соблюдения – договоренности постоянно нарушались обеими сторонами, а нарушителей жестоко преследовала как ливонская, так и русская сторона [Бессуднова, 2015, с. 271]. С начала XVI века орден стал ограничивать промысловое рыболовство своих крестьян с тем, чтобы они могли заниматься им только для домашних нужд, используя небольшие сети, но не ради продажи рыбы [Niitemaa, 1952, s. 219], что косвенно указывает на закрепление промыслового рыболовства за орденскими структурами.

В контексте экономического развития Нарвы важно учитывать заинтересованность ордена в укреплении этого стратегически важного форпоста на восточной границе Ливонии [Kivimäe, 2004, p. 20]. Вдоль русско-ливонской границы располагался еще ряд орденских замков – Розитен (Резекне), Мариенбург (Алуксне), Нейшлосс, Лудзен (Лудза), однако именно Нарва в силу своей торговой активности являлась для ордена одним из важнейших поставщиков стратегической информации о положении дел в России [Бессуднова, 2016, с. 249]. Фогты Нарвы получали ее как от лазутчиков на службе ордена (*vorspeer, kundschafter*), так и от купцов и шкиперов, прибывших из Новгорода, Пскова и других русских городов [Arbusov, 1900, № 544], и потому увеличение количества русских купцов, прибывавших в Нарву по торговым делам, соответствовало потребностям ордена, отвечавших за безопасность не только орденского государства в Ливонии, но и прочих государств Ливонской конфедерации. Фогты Нарвы получали информацию не только военно-политического, но и торгово-экономического характера, касавшуюся положения дел на торговых путях и в русских городах, которую они потом передавали не только магистру, но и магистратам ливонских городов [Bunge, 1859, № 1641; Якунина, 2022, № 11; Schubert, 2002, s. 35–51].

Заинтересованность ордена в экономическом развитии Нарвы диктовалась также потребностями ее военного обеспечения. В случае угрозы вооруженного нападения на нарвском участке русско-ливонской границы, согласно привилегии ордена Ревелю от 1348 года, городским властям надлежало отправлять наемников для обороны Нарвы [Kreem, 2002, p. 90]. Так, весной 1444 года ливонский магистр Генрих Финке фон Оверберг (1438–1450) лично обращался к магистрату Ревеля, с распоряжением о подготовке вооруженного отряда [Schwartz, 1896, № 30], а позже

⁹ «Земле и воде Великого Новгорода рубеж с князем магистром рижским Гейденриком Финке от Чудского озера стержнем Наровы реки прямо в Соленое море, по старым крестным грамотам и по грамотам князя магистра Зиверда, и по крестному целованию» [Валк, 1949, № 73].

благодарил город за помощь в обороне Нарвы [Schwartz, 1896, № 32]. К тому же Ревель нередко давал деньги Нарве на строительство укреплений, возвращая их, предположительно, посредством специальных пошлин с торговых кораблей, отправляющихся в Нарву, как о том свидетельствуют, к примеру, данные Ревельской счетной книги за 1437 год. В них говорится, что Ревель вернул себе деньги, предоставленные для строительства нарвских портовых сооружений, путем взимания платы с кораблей, отвозивших товары в Нарву [Hildebrand, 1889, № 302].

Источники последней четверти XV века позволяют говорить, что снабжение Нарвы оружием и наемниками в Ревеле энтузиазма не вызывало. 15 сентября 1473 года в связи с очередным ухудшением русско-ливонских отношений фогт Нарвы Хейденрейх фон Вальгартен написал магистрату Ревеля, что в ожидании предполагавшегося нападения русских он напомнил ревельским купцам, имеющим товары в Нарве, что без помощи с их стороны он не сумеет их защитить, и попросил отправить в помощь Нарве 50–60 наемников (*weraftigher manne*) или просить магистра выделить в помощь Нарве отряд из состава ополчения, направленного ему Ревелем; в противном случае предполагалось, что Нарва самостоятельно наймет солдат и расплатится с ними ревельскими товарами [Mahling, Neitmann, Thumser, 2018, № 169; Якунина, 2022, № 53]. При таком положении дел Ревель счел для себя лучшим выполнить просьбу нарвцев, о чем свидетельствует отчет его городского совета с указанием выплаты 171 марок на содержание наемников в Нарве [Kreem, 2002, p. 91].

Фогты и магистрат Нарвы и в дальнейшем неоднократно обращались в Ревель за военной поддержкой и присылкой оружия [Mahling, Neitmann, Thumser, 2018, № 336; Якунина, 2022, № 83], боеприпасов [Hildebrand, 1889, № 1003; Якунина, 2023, с. 21; Mahling, Neitmann, Thumser, 2019, № 162; Бессуднова, 2019, № 44] и людей [Stein, 1907, № 240; Mahling, Neitmann, Thumser, 2018, № 168; Mahling, Neitmann, Thumser, 2019, № 104; Якунина, 2022, № 82], однако далеко не всегда успешно. Так, например, в конце декабря 1479 года, в канун русско-ливонской войны 1480–1481 годов, магистрат Нарвы сетовал, что ревельские купцы, хранящие в Нарве товары на несколько тысяч марок, прислали для их защиты всего лишь одного солдата [Mahling, Neitmann, Thumser, 2018, № 818; Schäfer, 1881, № 271], из-за чего он вновь собирался использовать их товары при рекрутировании наемников. Идею возмещения военных расходов Нарвы за счет ревельских купцов поддерживали не только ее фогты, но и магистры Ливонского ордена. В августе 1480 года магистр Берндт фон дем Борх предписал всем торговавшим в Ливонии ганзейским купцам принять участие в походе вселивонского ополчения (малёвы) на Псков, а купцам, лично не участвовавшим в защите своих товаров в Нарве, выставить за свой счет наемников [Mahling, Neitmann, Thumser, 2019, № 161]. В случае несоблюдения этого указания фогты Нарвы силой удерживали их товары для возмещения своих расходов на оборону, как это случилось в сентябре 1480 года: «Новое задержание товаров, недавно случившееся здесь, задумал наш господин фогт, чтобы в счет этих товаров набрать наемников согласно желанию нашего милостивого господина магистра» [Mahling, Neitmann, Thumser, 2019, № 193].

Когда в 1496 году шведы захватили Ивангород и над Нарвой нависла угроза вооруженного нападения [Бессуднова, 2015, с. 302], Ревель вновь продемонстрировал

малую степень готовности в оказании Нарве поддержки. В ответ на просьбу магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535) отправить в Нарву по старинному обычаю (*na deme olden*) 60–80 солдат с оружием, порохом и хорошими командирами для охраны ревельских товаров [Arbusov, 1900, № 410] Ревель заявил, что городские привилегии не предполагают предоставление войск Нарве [Arbusov, 1900, № 421], и в дальнейшем, несмотря на все уговоры, не изменил своей позиции [Arbusov, 1900, №№ 487, 550, 555].

До конца XV века расходы на содержание наемников в Нарве ложились только на купцов Ревеля, а не на город в целом, что для него было приемлемо, однако напряженность русско-ливонских отношений рубежа XV–XVI веков привела к сокращению количества ревельских купцов в Нарве, из-за чего возраставшие военные расходы возлагались на городскую казну, что не устраивало магистрат Ревеля. Помимо прочего следует учитывать, что к концу XV века доходы Ревеля от внешней торговли, как показали современные исследования, существенно сократились. В 1496 году он экспортировал товаров в 6 раз меньше, чем в 1495 году [Vogtherr, 2001, s. 205], что является показателем тяжелого финансового положения города, которое и могло послужить причиной отказа в военной помощи Нарве. Прямая зависимость Нарвы от Ревеля в деле военного обеспечения доставляло много проблем руководству ордена, неоднократно сталкивавшемуся с необязательностью ревельского руководства в отправках на нарвский участок границы оружия и людей. Поэтому магистры Ливонского ордена делали ставку на усиление экономического потенциала самого города, нередко поддерживая Нарву в ее спорах с Ревелем [Бессуднова, 2016, с. 238–239].

Таким образом, задача обеспечения потребностей Нарвы и ее гебита силами ее ландсгерра, в роли которого выступал Ливонский орден, осложнялась комплексом проблем. Особым значением обладали низкая производительность сельского хозяйства в пределах нарвского гебита и слабость городского ремесла, неспособного производить конкурентоспособную экспортную продукцию, следствием чего стало отсутствие у Нарвы условий для развития собственного торгового хинтерланда, наличие которого обеспечивало жизнеспособность портовых городов. Пограничное положение Нарвы и эскалация напряженности в русско-ливонских отношениях, наблюдавшаяся с конца Средневековья, усиливало ее фортификационное значение, а, значит, и внимание к ней со стороны руководства Ливонского ордена. Малая надежда на помощь со стороны Ревеля, не заинтересованного в укреплении экономического потенциала Нарвы, вынуждала ее фогтов делать ставку на внутренние ресурсы. В силу объективных причин одним из главных направлений хозяйственно-промысловой сферы орденового хозяйства в нарвском гебите стало рыболовство, которое находилось под постоянным контролем и охраной со стороны орденовой администрации, как и ряд других производственных отраслей (пивоварение, производство обуви и строительных материалов и др.), рассчитанных на местный рынок. Вместе с тем внутренний производственный ресурс Нарвы был явно недостаточен для полноценного снабжения города всем необходимым для повышения его обороноспособности, и потому единственным перспективным

решением проблемы явилась поддержка орденом торгового предпринимательства Нарвы и наращивания ее потенциала в качестве центра русско-ливонской торговли.

Роль орденой администрации в развитии торговли Нарвы. В XV веке ливонское орденовое государство являлось крупным производителем товарной сельхозпродукции, прежде всего, зерновых культур, что позволяло ему выступать в роли важного фигуранта балтийской торговли, заинтересованного в расширении собственных рынков сбыта и в выгодном партнерстве с другими ее участниками, включая города Ганзейского союза [Kreem, 2003]. Основным принадлежавшим ордену портом являлся Пернау (Пярну) на побережье Балтийского моря, который, однако, был довольно невелик и к началу XVI века уже не справлялся возрастающими объемами производимой орденом товарной продукции¹⁰. По этой причине ливонские магистры, следуя примеру верховных магистров Тевтонского ордена в Пруссии, стремились разными способами расширить экспортные возможности ордена за счет зависевших от них крупных ливонских городов и через них усилить свое влияние на Ганзу¹¹. Стремление обрести свободный доступ к портам Риги и Ревеля, не желавших признавать за орденом-ландсгерром подобной прерогативы, на протяжении всего XV века давал им повод к конфронтации, особенно ожесточенной в случае с Ригой¹². В таких условиях руководство Ливонского ордена, которое не упускало случая использовать конкурентную борьбу крупных ливонских городов себе во благо [Vogelsang, 1993, s. 42], искало поддержки малых ливонских городов, в первую очередь, Нарвы, удобно расположенной на границе с Россией и обладавшей значительным потенциалом в плане международного товарообмена.

Важность развития нарвской торговли для Ливонского ордена доказывают не только торговые привилегии, пожалованные им городу, и их признание (конфирмация) в последующие времена¹³, но и ряд распоряжений его руководства,

¹⁰ Ливонская торговля составляла 44,6% от общего оборота любекской балтийской торговли в конце XV века. Из них приходится на Ревель 31,7%, Ригу около 11,9% и Пярну всего 1%. Если принять за 100% всю ливонскую торговлю Любека в эти годы, то на Ревель приходится 71%, на Ригу – 26,7% и на Пярну – 2,3%. [Vogtherr, 2001, s. 204–205; Pöltam-Jürjo, 2012, s. 151–170].

¹¹ Со времени образования Ганзы между ней и Тевтонским орденом существовала тесная связь [Sarnowsky, 2020, s. 21]. В историографии характер их взаимоотношений обсуждается с начала XIX века [Sattler, 1882, s. 67–84; Rundstedt, 1937; Samsonowicz, 1980, s. 317–338; Arnold, 1990, s. 79–95]. Некоторые авторы придерживаются мнения, что верховный магистр Тевтонского ордена являлся единственным государем, имевшим членство в Ганзе [Dollinger, 2012, s. 144–148]. Другие исследователи отрицают такую возможность и предлагают при определении отношений между орденом и Ганзейским союзом использовать понятие «ассоциация» [Hepp, 1989, s. 18]. При этом неоспоримо то, что верховный магистр считался «защитником Ганзы», что позволяло ордену пользоваться ганзейскими привилегиями [Sarnowsky, 2013, S. 34].

¹² На ландтаге 1526 года ливонские города признали ливонского магистра Вольтера фон Плеттенберга «защитником городов» (*beschutter der stede*) [Schäfer, Techen, 1913, № 305, § 2].

¹³ Орденовыми властями Нарве за период с 1374 года до 1552 года даровано 10 привилегий и конфирмаций: Привилегия орденового магистра Вильгельма фон Фриммерсхайма. 31 октября 1374 года [Bunge, 1857, № 1097]; Привилегия орденового магистра Веннемара фон Брюнгеня от 20 октября 1399 года [Dieckhoff, 1930, s. 101]; Конфирмация орденового магистра Дитриха Торка. 25 февраля 1415 года [Bunge, 1867, № 1996]; Привилегия великого магистра Михаеля Кухмейстера. 12 января 1418 года [Bunge, 1867, № 2194]; Привилегия орденового магистра Циссе фон Рутенберга. 24 августа 1425 года [Hildebrand, 1881, № 337]; Привилегия орденового магистра Циссе фон Рутенберга от 17 января 1426 года [Hildebrand, 1881, № 406]; Привилегия орденового магистра Йохана фон Менгеде от 11 сентября 1457 года [Schwarz, 1905, № 693]; Привилегия орденового магистра Вольтера фон

обеспечившие Нарве статус торгового центра с гарантией безопасности [Bunge, 1867, № 2711; Якунина, 2022, № 29] и защиты интересов нарвского купечества [Bunge, 1867, №№ 2153, 2378; Якунина, 2022, №№ 22, 26]. В своей диссертации Ю. Ю. Кивимяэ, крупный специалист по истории средневековой Нарвы, отмечал, что значительное число ее торговых привилегий появлялось вследствие желания магистров обеспечить себе право контролировать внешнюю торговлю Нарвы и участвовать в получении прибылей [Кивимяэ, 1981, с. 47]. К таким пожалованиям относится, в первую очередь, привилегия ливонского магистра Вильгельма фон Фриммерсхайма (1364–1385) от 1374 года, которая даровала нарвским бюргерам свободу торговать за наличный расчет или в обмен на пиво [Bunge, 1857, № 1097], а также «свободное поселение» (*vri leger*) на реке Хакейеке (*Hackejেকে*)¹⁴. В этой же привилегии имелась оговорка, согласно которой дерптские и другие «чужие гости» (*van Darpte und anderen vromeden gesten*) не смели наносить там ущерб нарвским купцам. Примечательно, что позднейшее распоряжению магистра [Bunge, 1857, № 1161; Якунина, 2022, № 3] запрещало ганзейским кораблям, следовавшим из Ревеля в Нарву с товарами для России, предварительно доставлять их в «Русскую деревню», место поселения в Ревеле русских купцов¹⁵. Купцам следовало ехать прямо в Нарву, что определенно свидетельствует о стремлении магистра направить туда поток русско-ганзейских товаров.

В 1418 году привилегия верховного магистра Тевтонского ордена Михаеля Кухмейстера (1414–1422) закрепила за Нарвой право свободно торговать в прусских городах, прибывая туда по суше или по морю¹⁶. В том же документе верховный магистр дал распоряжение своему «ливонскому гебитигеру» (*der gebietiger zu Liffland*), т. е. главе ливонского подразделения, построить укрепление (*bolwerk*) в устье Наровы, позаботиться об изготовлении печати для клеймения воска (*wachschezegen*), какие были в других городах, и хранить имевшиеся у города привилегии. Привилегии ливонского магистра Циссе фон Рутенберга (1424–1433) от 1425 [Hildebrand, 1881, № 337] и 1426 годов [Hildebrand, 1881, № 406] свидетельствуют, что поручения его предшественника были выполнены и даже расширены. Нарве предоставлялось право установить весы для взвешивания транзитных товаров, взимать пошлину за взвешивание («весчее») и пользоваться новой печатью для клеймения воска. По мнению Ю. Ю. Кивимяэ, право клеймить воск, полученное Нарвой от Ливонского

Плеттенберга от 21 марта 1503 года [Arbusov, 1905, № 469]; Привилегия орденского магистра Вольтера фон Плеттенберга от 7 марта 1532 года [Arbusov, 1910, № 305]; Привилегия орденского магистра Хинриха фон Галена от 19 июля 1552 года [TLA. 230. V.h 62. Fol. 299–300].

¹⁴ А. Сювалеп соотносит реку Хакейеке с притоком Луги – Мертвицей (Куллакюла) на том основании, что корень *hake* в ее названии по-немецки означает «крюк» и трактуется как «мертвый рукав» [Süvalep, 1936, L. 21], что не соотносится с мнением М. Б. Бессудновой, которая считает название реки не немецким, а финно-угорским (эст. *jõgi*, «река»). Помимо этого, не дает признать идентичность Хакейеке и Куллакюлы тот факт, что Мертвица протекала в землях Великого Новгорода, где не могли распространяться привилегии ливонского магистра [Бессуднова, 2024 (в печати)]

¹⁵ Вероятно, имеется в виду село Наровское на слиянии рек Нарова и Росонь [Андряшев, 1914, с. 446].

¹⁶ «...бюргеры и жители города Нарва в Ливонии, что любой из них, по воде и по суше [может] в наших землях и городах Пруссии с их имуществом, товарами и купеческими запасами покупать [и] продавать» (*burgern und inwonern der stat Narwe in Liffland, das irer itzlicher, zu wasser und zu lande, unsere land und stete zu Prussen mit irem gute, ware und kouffenschatz besuchen mogen, derinn zu verkouffen, zu koufen*) [Bunge, 1867, № 2194].

ордена, в плане вощаной торговли фактически сравнивало ее в правовом отношении с Ревелем, поскольку благодаря этому обстоятельству город не только повысил размер своих доходов, но также увеличил свой авторитет в кругу ганзейских городов, вынужденных признавать его печать [Кивимяэ, 1981, с. 48–49].

Надо отметить, что Нарва, хоть и обладала городским правом и собственным самоуправлением, находилась в подчинении ордену. На орденскую администрацию города возлагалась вся полнота ответственности ландсгерра за безопасность и благополучие вверенного ее заботам населения. Фогты в обеспечение правопорядка должны были сотрудничать с магистратом, который, отметим, был малочисленен и к тому же ослаблен внутренними распрями [Süvalep, 1936, l. 76]. В сферу юрисдикции фогтов входил ряд важных дел, связанных, помимо прочего, и с городской торговлей, в развитии которой, как уже говорилось, орден был напрямую заинтересован. Чтобы предотвратить возможные негативные последствия распрей внутри магистрата, ливонский магистр Иоганн фон Менгеде (1450–1469) в сентябре 1457 года указал бюргерам Нарвы в зоне орденской юрисдикции соблюдать постановления магистрата только при его дееспособности; в случае его внутренней слабости или неспособности выполнять административные функции, фогтам следовало брать их на себя [Schwarz, 1905, № 693]. Из этого следует, что позиции магистрата Нарвы в управленческих сферах не была столь сильна, как в крупных ливонских городах-«коммунах», в силу чего у городских властей не было шанса на успех в случае открытого противостояния орденским властям. Положение спасало то, что административно-правовая деятельность орденских чинов, стремившихся развивать городское хозяйство и торговлю, осуществлялась в согласии с городскими структурами, что устраняло поводы к конфронтации.

Заинтересованность орденских властей Нарвы в развитии ее торговли диктовалась не только экономическими интересами города, но и соображениями их собственной выгоды. Фогты Нарвы являлись непосредственными участниками торгового предпринимательства, как это было характерно для ливонских ландсгерров в целом и ордена в частности – в последнем случае уместно, например, обратиться к наблюдениям Ю. Крема относительно тесной взаимосвязи делового партнерства и конкуренции в отношениях ордена и Ревеля на протяжении XV века [Kreem, 2003, s. 101]. В силу своего неганзейского статуса Нарва вряд ли могла конкурировать с Ригой, Ревелем и Дерптом – на ее граждан не распространялись ганзейские привилегии, им запрещалось создавать торговые компании с ганзейскими купцами¹⁷, посещать Немецкое подворье в Новгороде [Kivimäe, 2004, p. 24] т. п., что понижало торговые возможности Нарвы, за которой, таким образом, закреплялась роль торгового посредника между ганзейскими городами Ливонии во главе с Ревелем и Новгородом. Не в пользу Нарвы было и то, что Ревель с 1346 года обладал стапельным (складочным) правом [Küng, 2005, l. 54], согласно которому товары с ганзейских кораблей, предназначенные для торговли с Россией, следовало выгружать и продавать в Ревеле, в силу этого получившем статус «новгородского стапеля» [Kivimäe, 2023, l.

¹⁷ В 1516 году магистрат Нарвы обращался через Ригу к ландтагу в Вольмаре с просьбой о позволении создавать торговые объединения с «тремя ливонскими городами (Ригой, Ревелем и Дерптом) (*se mogen selschop holden mit dussen dren bynnenlendeschen steden und nicht buten*) [Schäfer, 1883, № 706], что, однако, не было одобрено.

120]. Купцы из числа неганзейцев могли приобрести их лишь при посредничестве местных бюргеров, чтобы затем везти в Нарву на небольших суднах, «шутах» (*schute*) (нем.: баржа, плоскодонное судно) [Kivimäe, 2004, p. 23].

Орденские фогты не упускали случая пользоваться правом контроля за городской торговлей, чтобы пользоваться ею в целях повышения доходов своего гебита за счет товарообмена с русской стороной [Якунина, 2021, с. 183–189], что иногда совершалось даже в обход запретов ливонского магистрата [Бессуднова, 2016]. В качестве непосредственных исполнителей своих торговых сделок фогты чаще всего использовали лиц, находившихся на службе ордена (*dener*) и сведущих в делах торговли [Bunge, 1857, № 1161; Hildebrand, 1881, № 482]. Прибыль от торговых сделок частично шла на нужды нарвского замка, частично лично фогту. Нередко закупались большие объемы товаров для последующей перепродажи¹⁸. Имеются сведения о закупках соли в объеме 28 ластов [Hildebrand, 1881, № 321; Якунина, 2022, № 31] и о подготовке сделки по продаже фогтом более 50 ластов соли¹⁹. Случалось, что фогты так преуспевали в торговых делах, то смогли повысить уровень своего личного достатка. В хронике ливонского хрониста Бальтазара Рюссова, например, сказано, что в середине XV века один из комтуров Феллина (Вильянди) обладал состоянием в 30 000 марок золота, не говоря уже о серебре и утвари [Рюссов, 1879, с. 272]. Можно предположить, что это был Госвин фон Подем, который до 1406 года, заметим, находился на должности фогта Нарвы [Bunge, 1859, №№ 1957, 1964], поддерживал торговые связи с русскими городами, а затем успешно продолжил их использовать в своих интересах во главе феллинского гебита [Bunge, 1867, № 2588].

Интерес к участию орденской администрации в совершении торговых операций разного вида, включая не вполне легальные, хорошо демонстрирует пример Нарвы, где для фогтов нарушение ганзейских торговых правил ради повышения прибылей являлось обычным делом [Hildebrand, 1881, № 288; Якунина, 2022, № 30]. В отличие от городского магистрата, члены которого на протяжении XV и первой половины XVI века стремились сделать Нарву членом Ганзейского союза и получить доступ к его привилегиям [Kivimäe, 2019, s. 57–74], ее гебитигеры явно отдавали предпочтение сохранению ею неганзейского статуса [Hildebrand, 1881, № 364; Якунина, 2022, № 32]. Значение Ганзы для Ливонского ордена было велико, причем не только в свете реализации его экспортных возможностей, но также закупки оружия и стратегического сырья, обмена информацией, вербовки наемников и др. [Kreem, 2019, s. 97–110]. Руководство Ливонского ордена никогда не имело желания ссориться с Ганзой в открытую, и отсутствие у Нарвы ганзейского статуса давало ордену возможность время от времени действовать в обход ганзейских санкций себе во благо. В этих случаях риторика орденской корреспонденции насыщалась пассажами на тему неганзейского

¹⁸ О том, что соль закупали не только для личных нужд замка и города говорят не только большие объемы, но и источники, содержащие сведения о ее перепродаже [Schwarz, 1896, № 69].

¹⁹ «...как вы в своем письме написали, он предполагает в ближайшее время у нас купить 10 ластов соли, а потом, когда придут корабли, 50 ластов, которые мы должны вместе с ним оплатить и оплаченную соль снова доставить ему в город» (*als gi in sinem breve bescreven vinden, hee wil uns kopen indt eirste X leste soltes, dar na, wan de schippe in komen, L leste, dar wi en weder mede betalen schollen, und em dat betalde solt wedder up de stedde levereren sollen*). [Bunge, 1867, № 2378; Якунина, 2022, № 26].

статуса города и его праве продолжать торговлю с русскими в условиях русско-ганзейских конфликтов [Sepp, 1937, lk. 109–152]. Столь «пронарвская» политика встречала сопротивление со стороны ганзейских городов Ливонии, вынужденным следовать ганзейским запретам, которым активизация товарооборотов Нарвы удовольствия не доставляла²⁰. Возможность обходить ганзейские запреты и установления при содействии орденской администрации уже в XV веке превратили Нарву в один из главных центров неформальной, не связанной ганзейскими традициями или «обычаями» русско-ганзейской «необычной» торговли (*ungewonlike sor*), как это было, например, в случае с вывозом в Россию такого ходового товара как соль [Хорошкевич, 1963, с. 232–235].

Очередное русско-ганзейское «размирье» 1468 года вынудило ганзейских купцов оставить Немецкое подворье в Новгороде [Ropp, 1890, № 144. § 4], в результате чего Нарва на протяжении ряда лет оставалась центром русско-ганзейского товарообмена, невзирая на протесты Ревеля; в этой ситуации орден в лице своего нарвского фогта, в свою очередь, продолжал успешно вести торговлю с русской стороной в обход запретов ганзейских городов [Kenkmaa, 1937, s. 286], превратив Нарву в еще один морской порт для своей «дальней торговли» (*Fernhandel*) наряду с Пернау [Rebas, 2001, s. 178]. В период действовали ганзейские запреты, провоз товаров осуществлялась через Выборг [Rebas, 2001, s. 197].

Показательным в этой связи является приме фогта Нарвы Хайденрайха фон Вальгартена, который имел непосредственное отношение к серьезному внутрививонскому кризису 1475–1476 годов, связанному с мятежом (файдой) Эрнста и Фридриха фон Херзе против руководства Ливонского ордена [Якунина, 2019]. Торговля Нарвы в этот период претерпела серьезный урон из-за ганзейских санкций, и нарвский фогт, будучи активным ее участником, использовал свое лидерство в антиорденской оппозиции для защиты права бюргеров Нарвы и ее гебита на свободную торговлю в пределах всей Ливонии [Бессуднова, 2016]. После урегулирования конфликта Вальгартен оставался на посту нарвского фогта до 1482 года, а позднее стал комтуром Пернау, которым оставался в течение шести лет, и после почетной отставки проживал там вплоть до своей смерти в 1493 году [Fenske, Militzer, 1993, s. 695–696].

Забота о торговых интересах Нарвы со стороны орденских фогтов отразилась в их отношении к судебным разбирательствам, касающимся притеснений русских купцов. Обычно фогты лично разбирали такого рода тяжбы [Bunge, 1867, № 2376; Якунина, 2022, № 27] и принимали меры с целью не допустить ухудшения русской торговли. Так, например, в 1472 году упомянутый выше Хайденрейх фон Вальгартен обратился к магистрату Ревеля по поводу жалобы от жителя русского Ямгорода (Нишлота) Якова на ревельского бюргера Генриха Кемпе, задолжавшего ему крупную сумму денег [Mahling, Neitmann, Thumser, 2018, № 46; Якунина, 2022, № 52]. Фогт отнесся к делу со своей серьезностью и обещал в случае, если русский купец ек получит законного удовлетворения, поднять этот вопрос среди прочих аналогичных жалоб на заседании ливонского представительного собрания, ландтага. Во избежание этого

²⁰ В последней трети XV века ливонские города обращались в Любек и Данциг с просьбой сначала запретить торговлю с Нарвой [Mahling, Neitmann, Thumser, 2018, №№ 10, 11], а затем и всю торговлю русских купцов «с теми, кто не в Ганзе» (*myt den van buten der henze*) [Ropp, 1890, № 583].

Ревель, как судил фогт, должен был переслать ему деньги для Якоба, который в скором времени обещал прибыть в Нарву за ответом. Схожая ситуация имела место в 1496 году в связи с обращением фогта Корда (Конрада) фон Штрика в магистрату Ревеля в связи с делом о тяжбе между ревельцем Генрихом Фегезаком и несколькими русскими купцами, с которыми тот состоял в «сотовариществе» (*medemasschoppe*) и своими злокозненными действиями (получил в Нарве русские товары и уехал, не расплатившись) причинил им материальный ущерб. Фогт потребовал от ревельских ратманов рассмотреть это дело и вернуть русским их товары и деньги, забранные не по праву, чтобы «орден и город [Нарва] из-за этого не остались обремененными» (*orde und dei stadt dan umbelastet van blyve*) [Arbusov, 1900, № 442; Якунина, 2022, № 69], или, иными словами, чтобы конфликт между купцами не ухудшил состояние русско-ливонской торговли, и без того напряженной по причине закрытия в 1494 году Немецкого подворья в Новгороде и взятием шведами Ивангорода в 1496 году [Бессуднова, 2016, с. 207–222, 291–294].

Заключение. Подводя итоги сказанному, следует отметить, что среди факторов, предопределивших успешное развитие торгового посредничества Нарвы на рубеже Средневековья и Нового времени, далеко не последнее место занимало непосредственное и активное участие в том орденской администрации. Подобно прочим гебитигерам ливонского орденского государства, фогты Нарвы несли личную ответственность за обеспечение потребностей орденского замка и жизнедеятельности населения города и гебита. С учетом их приграничного положения и напряженных отношений с русской стороной эта задача воспринималась как первостепенная, однако решить ее надлежащим образом за счет ресурсов одного только орденского домениального хозяйства в силу объективных причин не представлялось возможным. Фогты Нарвы, как предписывала их должность, старались использовать разные возможности для развития производственного сектора своего гебита с учетом его специфики, в частности, отдавая предпочтение промысловому рыболовству, что, впрочем, не покрывало всех потребностей обеспечения Нарвы. При низких производительных мощностях местного сельского хозяйства и городского ремесла представителям власти ордена-ландсгерра оставалось делать основную ставку на активизацию ее посредничества в русско-ганзейской торговле, которое обеспечивало ей положение «пригорода» в системе внешнеэкономических контактов Ревеля.

Маломощность собственного производства, незначительность хинтерлянда, отсутствие доступа к ганзейским привилегиям, сдержанность в поддержке со стороны Ревеля и других городов Ливонии грозили существенно снизить конкурентоспособность Нарвы в сфере русско-ганзейского товарообмена, однако экономическая стратегия ливонских магистров, намеревавшихся в интересах ордена повышать торговый потенциал Нарвы, в частности, путем пожалования ей торговых привилегий, отчасти компенсировавших отсутствие у той ганзейского статуса, равно как и повседневная деятельность нарвских фогтов, следовавших заданным курсом как во благо ордена, так и в личных целях, в конечном итоге помогли склонить чашу весов на сторону Нарвы. В руках фогтов были сосредоточены ключевые рычаги управления русской торговлей в пределах города и гебита, обеспечивавшие им неплохие дивиденды, и потому в отличие от магистрата Нарвы у них не было нужды упорно

добиваться ее вступления в Ганзу. Наоборот, в периоды обострения русско-ливонских отношений они использовали ее неганзейский статус для обоснования нарушений ганзейских запретов на торговлю с русскими, тем самым содействовав превращению Нарвы в оплот русско-ливонской неформальной или «необычной» торговли. Успех функционирования подобной системы отношений во многом зависел от привлекательности Нарвы для русских купцов, поставлявших туда экспортные товары в обход Ревеля, и потому орденовые фогты считали своим долгом гарантировать нерушимость купеческих сделок как на местном уровне, так и на уровне ревельского городского совета. Кроме того, реальная помощь развитию торговли Нарвы со стороны орденовых властей находила одобрение у членов ее магистрата, что способствовало укреплению общности интересов представителей обеих администраций и их продуктивному сотрудничеству, которое, со своей стороны, положительно сказалось на включении неганзейской Нарвы в «клуб» лидеров торговли Запада с Россией.

Информация о статье

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00166 «Русско-ганзейская «необычная торговля» в условиях балтийских конфликтов конца XV–XVI века», <https://rscf.ru/project/23-18-00166/>

Авторы: Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра НовГУ; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0003-0207-1948; Web of Science Researcher ID: A-9259-2016; Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: Marina.Bessudnova@novsu.ru

Якунина Валентина Андреевна – старший преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений, научный сотрудник научно-исследовательского центра НовГУ; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-9461-0437; Web of Science Researcher ID: AAG-3435-2019; SPIN-код: 3649-4171; e-mail: valentina.yakunina@novsu.ru

Заголовок: Нарва в хозяйственной системе Ливонского орденового государства

Аннотация: Статья посвящена роли Ливонского ордена в развитии торгового предпринимательства Нарвы как города орденового подчинения на рубеже Средневековья и Нового времени. Внимание фогтов Нарвы к ее экономическому состоянию предопределялось их личной ответственностью за обеспечение потребностей орденового замка и города, которое ввиду их приграничного положения имело стратегическое значение. Этим цели служили разные формы предпринимательства во главе с промысловым рыболовством, однако ограниченность внутренних ресурсов орденового домениального хозяйства Нарвы ввиду незначительности ее хинтерлянда и ограниченности поддержки со стороны Ревеля и других ливонских городов вынуждали руководство Ливонского ордена и представлявших его интересы фогтов сосредотачивать внимание на внешнем товарообмене Нарвы, в частности, на ее русской торговле. Пожалование орденом торговых привилегий, которое дополнялось положительным влиянием на торговлю города со стороны фогтов, отчасти компенсировало отсутствие у него ганзейского статуса и обеспечивало тесное сотрудничество орденовых и муниципальных властей. В периоды обострения русско-ливонских отношений обе администрации использовали неганзейский статус Нарвы для нарушений ганзейских запретов на торговлю с русскими, тем самым содействовав превращению Нарвы в оплот русско-ливонской «необычной» торговли. Чтобы гарантировать бесперебойность поставок в Нарву русских экспортных товаров в обход Ревеля и Ганзы, фогты использовали свой административный ресурс для обеспечения нерушимости купеческих сделок на местном уровне и на уровне ревельского магистрата.

Ключевые слова: Нарва, Ливонский орден, нарвские фогты, Ревель, русско-ганзейская торговля

Библиографический список

- Андрияшев А. М. (1914). *Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг.* М.: Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. 552 с.
- Ахметова М. В. (2016). Какая рыба изображена на гербе Нарвы. *Живая старина*. № 4 (96). С. 28–31.
- Бессуднова М. Б. (2015). *Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта*. М.: Квадрига. 448 с.
- Бессуднова М. Б. (2016). «Файда» фогта Вальгартена и торговые интересы Нарвы. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 7. Выпуск 6 (50). С. 1–25.
- Бессуднова М. Б. (2016). *Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века*. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. 464 с.
- Бессуднова М. Б. (2021). *Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века*. СПб.: Евразия. 480 с.
- Бессуднова М. Б. «Немецкая Нарва» и «Мертвая Нарова»: на новом витке полемики // Петербургские славянские и балканские исследования (в печати).
- Бессуднова М., Кун Е. (2013). Торговая политика Ливонского ордена на начальной стадии развития торговли Великого Новгорода с западом. *Ледовое побоище в зеркале эпохи*. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет. С. 212–229.
- Бессуднова М. Б. (2019). *Первая Ливонская война. 1480–1481 годы. Документы*. СПб.: Евразия. 320 с.
- Валк С. Н. (сост.). (1949). *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР. 407 с.
- Вебер Д. И., Филюшкин А. И. (2018). *От ордена осталось только имя... Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике*. СПб.: Наука. 247 с.
- Дорошенко В. В. (1963). Мызно-барщинное хозяйство в южной (латышской) части Лифляндии в XVI в. *Средние века*. М.: Изд-ва Академии наук СССР. Вып. 21. С. 122–140; 1964. Вып. 22. С. 100–115.
- Казакова Н. А. (1975). *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV–начало XVI веков*. Л.: Наука. 360 с.
- Кивимяэ Ю. Ю. (1981). *Нарвский вопрос в 1494-1558 гг.: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02*. Таллин. 203 с.
- Клейненберг И. Э. (1960). Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV веке. *Научные доклады высшей школы. Исторические науки*. № 2. С. 140–151.
- Коченовский О. (1991). Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн: Валгус. 304 с.
- Рюссов Б. (1879). Ливонская хроника. *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края*. Т. 2. С. 157–404.
- Хорошкевич А. Л. *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV вв.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 232–235.
- Якунина В. А. (2019). К вопросу феномена позднесредневековой фойды (на примере конфликта Ливонского ордена и семейства Вальдхаус фон Херзе). *Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура*. Ижевск. С. 141–148.
- Якунина В. А. (2021). Специфика отношения фогтов Нарвы к альтернативным формам торговли на русско-ливонской границе в конце XIV–XV вв. *Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге: сборник материалов Международного научно-просветительского форума (Псков, 16–17 сентября 2021 г.)* / отв. ред. Фролов В. В. Псков: Конкорд. С. 183–189.
- Якунина В. А. (2022). *Нарва XV века в документах и материалах*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. 329 с.
- Якунина В. А. (2023). Опыт применения методов дескриптивной статистики на малом массиве данных (на примере анализа писем магистрата Нарвы XV века из Таллиннского городского архива). *Caurus*. Том 2. № 4. С. 12–30. DOI: 10.34680/Caurus-2023-2(2)-12-30
- Arbusov L. (bearb.) (1910). *Akten und Rezesse der livländischen Standentage mit Unterstützung der baltischen Ritterschaften und Städte*. Bd. 3. Riga: Deubner. 1001 s.
- Arbusov L. (hg.) (1900). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 2. Bd. 1. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 900 s.
- Arbusov L. (hg.) (1905). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 2. Bd. 2. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 760 s.
- Arnold U. (1990). Die Hanse und Preußen. *Die Hanse und der Deutsche Osten*. Lüneburg. S. 79–95.
- Benninghoven F. (1976). Die Burgen als Grundpfeiler des spätmittelalterlichen Wehrwesens im preußisch-livländischen Deutschordensstaat. *Die Burgen im deutschen Sprachraum*. Т. 1. Sigmaringen: Thorbecke. S. 565–601.

- Biskup M. (1993). Der Deutsche Orden und die Freiheiten der großen Städte in Preußen vom 13. bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. *Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich*. Marburg. S. 112–128.
- Bunge F. G. v. (hg.) (1855). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 2. Reval: Druck von H. Laakmann. 830 s.
- Bunge F. G. v. (hg.) (1857). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 3. Reval: H. Laakmann. 800 s.
- Bunge F. G. v. (hg.) (1859). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 4. Reval: Druck von H. Laakmann, 1859. 948 s.
- Bunge F. G. v. (hg.) (1867). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 5. Riga: Verlage von N. Kymmell. 1071 s.
- Czaja R. (2000). Preußische Hansestädte und der Deutsche Orden. Ein Beitrag zu den Bezeichnungen zwischen Stadt- und Landesherrschaft im späten Mittelalter. *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 118. S. 67–76.
- Czaja R. (2018). Economic, social and political aspects of the trade of the Teutonic Order in Prussia. *Communicating the Middle Ages: Essays in Honour of Sophia Menache*. London and New York: Routledge. P. 64–75.
- Dieckhoff E. (1930). Das Narvasche Stadtarchiv. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1928*. Dorpat. S. 96–115.
- Dollinger P. (2012). *Die Hanse*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag. 656 s.
- Fenske L., Militzer K. (hg.) (1993). *Ritterbrüder im Livländischen Zweig des Deutschen Ordens*. Köln u. a.: Böhlau. 956 s.
- Hansen M. K. (2008). Die Rolle des Deutschen Ordens im Ostseeraum, 1360–1370: Versuch einer Neuinterpretation. *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 126. S. 187–220.
- Hellmann M. (1985). Der Deutsche Orden in Livland. *Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur*. Torun. S. 105–116.
- Henn V. (1989). Was war die Hanse? *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos. Ausstellungskatalog*. Bd. 1. Hamburg. S. 15–21.
- Henn V. (1996). Der hansische Handel mit Nahrungsmitteln. *Nahrung und Tischkultur im Hanseraum* / hg. v. G. Wiegelmann. Münster, S. 23–48.
- Hildebrand H. (hg.) (1881). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch* / hrsg. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1881. Abt. 1. Bd. 7. – 608 s.
- Hildebrand H. (hg.) (1884). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 8. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 687 s.
- Hildebrand H. (hg.) (1889). *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 9. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 722 s.
- Jähnig B. (2011). *Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seine Herrschaft in Livland*. Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf. 333 s.
- Jahnke C. (2019). Lübeck: Early Economic Development and the Urban Hinterland. *A Companion to Medieval Lübeck*. Boston. S. 226–252.
- Kämpf T. (2013). *Das Revaler Ratsurteilbuch. Grundsätze und Regeln des Prozessverfahrens in der frühneuzeitlichen Hansestadt*. Köln u. a.: Böhlau. 253 s.
- Kenkmaa R. (1937). Linnad ja kaubandus XV ja XVI sajandil. *Eesti ajalugu*. Kd. 2. Tartu. 286 s.
- Kivimäe J. (1990). Narva und Ivangorod. Handel und Politik an der Schwelle zur Frühneuzeit. *Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart* / hg. v. I. Fleischhauer. Baden-Baden. S. 17–27.
- Kivimäe J. (2004). Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West / J. Kivimäe. *Narva und die Ostseeregion. Narva and the Baltic Sea Region. Beiträge der II. Internationalen Konferenz über die politischen und kulturellen Beziehungen zwischen Russland und der Ostseeregion (Narva, 1.-3. Mai 2003). Papers presented at the II International Conference on Political and Cultural Relations between Russia and the Baltic Region States (Narva, 1-3. May 2003)* / ed. K. Brüggemann. Narva. S. 17–27.
- Kivimäe J. (2019). Zwischen Reval und Lübeck. Die Narva-Frage in der Handelspolitik der späten Hansezeit. *“Hansisch” oder “nicht hansisch”. Das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse* / hg. v. J. Kreem. Wismar. S. 57–74.
- Kivimäe J. (2023). Meresõit ja hansakaubandus keskajal ning varasemal ajal. *Eesti merenduse ajalugu I*. Tallinn. Lk. 118–151.
- Kreem J. (2002). *The Town and Its Lord: Reval and the Teutonic Order (in the Fifteenth Century)*. Tallinn: Ilo. 213 p.
- Kreem J. (2003). Stadt und Landesherr als Geschäftspartner: Die Handelsangelegenheiten in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und der Stadt Reval. *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar* / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg. S. 93–112.
- Kreem J. (2019). Die Lübecker in der Kommunikation des Deutschen Ordens im 16. Jahrhundert. *“Hansisch” oder “nicht-hansisch”. Das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse* / hg. v. J. Kreem. Wismar. S. 97–110.
- Küng E. (2005). Narva linnaõigusest kesk- ja varausajal. *Narva Muuseumi Toimetised*. T. 5. Lk. 51–63.

- Mahling M., Neitmann K., Thumser M. (bearb.) (2018). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 13. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag. 840 s.
- Mahling M., Neitmann K., Thumser M. (bearb.) (2019). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 14. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag. 987 s.
- Mühlen H v. zur. (1985). *Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Gestalten und Generationen eines Ratsgeschlechts*. Köln, Wien: Böhlau. 432 s.
- Neitman K. (1993). Riga und Wenden als Residenzen des livländischen Landmeisters im 15. Jahrhundert. *Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich*. Marburg: Elwert. S. 59–93.
- Niitemaa V. (1952). *Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter*. Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia. 379 s.
- Pöhltsam-Jürjo I. (2012). Neu-Pernau und sein ländliches Hinterland am Anfang der Frühen Neuzeit. *Das Leben auf dem Lande im Baltikum*. Lüneburg: Carl Schirren Gesellschaft. S. 151–170.
- Pöhltsam-Jürjo I. (2018). Kala tähtsusest kaubanduses, majanduses ja toidumenüüs 13.–16. sajandi eestis. *Acta Historica Tallinnensia*. Vol. 24. L. 3–23.
- Rebas, H. (2001). Die Axelsöhne (Tott) und der Narvahandel 1468-1478. *Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen (Schriften der Baltischen Historischen Kommission, 11)* / hg. N. Angermann, P. Kaegbein. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk. S. 177–199.
- Ropp G. v. d. (bearb.) (1890). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 2. Bd. 6. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 634 s.
- Rundstedt v. H.-G. (1937). *Die Hanse und der Deutsche Orden in Preussen bis zur Schlacht bei Tannenberg (1410)*. Weimar: Verlag Hermann Böhlau Nachfolger. 127 s.
- Samsonowicz H. (1980). Der Deutsche Orden und die Hanse. *Die geistlichen Ritterorden Europas*. Sigmaringen: Thorbecke Verlag. S. 317–338.
- Sarnowsky J. (2013). Die Hanse und der Deutsche Orden. Eine ertragreiche Beziehung. *Die deutsche Hanse. Eine heimliche Supermacht* / hrsg. G. Graichen, R. Hammel-Kiesow. Hamburg: Rowohlt Digitalbuch. S. 163–181.
- Sattler C. (1882). Die Hanse und der Deutsche Orden in Preussen bis zu dessen Verfall. *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 11. S. 67–84.
- Schäfer D, Techen F. (bearb.) (1913). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 3. Bd. 9. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 998 s.
- Schäfer D. (bearb.) (1881). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 3. Bd. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1881. 687 s.
- Schäfer D. (bearb.) (1883). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 3. Bd. 6. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 863 s.
- Schubert B. (2002). Der Novgoroder Seehandel und der «freie Weg auf dem Meer». *Beiträge zur Geschichte des Ostseeraumes*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač. S. 35–51.
- Schwartz P. (hg.) (1896). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 10. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 576 s.
- Schwartz P. (hg.) (1905). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 11. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 783 s.
- Selart A. (2019). Die kleinen Städte Livlands und ihre Rolle in der oder für die Hanse. *“Hansisch” oder “nicht-hansisch”. Das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse* / hrsg. J. Kreem, J. Sarnowsky. Wismar: callidus. S. 23–42.
- Sepp H. (1937). *Eesti kaubandus ja linnad keskajal*. Tartu: Akadeemiline Kooperatiiv. Lk. 109–152.
- Stein W. (bearb.) (1907). *Hansisches Urkundenbuch*. Bd. 10. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 796 s.
- Süvalep A. (1936). *Narva ajalugu I. Taani- ja orduaeg* / toim. A. Soom. Narva; Postimees. 338 L. Tallinna Linnaarhiiv. 230. B.h 62. Fol. 299–300.
- Vogelsang R (1993). Reval und der Deutsche Orden: Zwischen städtischer Autonomie und landesherrlicher Gewalt / R. Vogelsang. *Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich* / hrsg. U. Arnold. Marburg: Lahn. S. 32–58.
- Vogtherr H. (2001). Livlandhandel und Livlandverkehr Lübecks am Ende des 15. Jahrhunderts. *Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission, 11)* / hrsg. N. Angermann; P. Kaegbein. Hamburg: Nordostdeutsches Kulturwerk. S. 201–237.

Information about the article

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00166 "The Russian-Hanseatic "unusual trade" in the conditions of the Baltic conflicts of the late 15th-16th centuries", <https://rscf.ru/en/project/23-18-00166/>

Authors: Marina B. Bessudnova – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0003-0207-1948; Web of Science Researcher ID: A-9259-2016; Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: Marina.Bessudnova@novsu.ru

Valentina A. Yakunina – head teacher at the Department of World History and International Relations; research assistant at the NovSU Research Center; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0002-9461-0437; Web of Science Researcher ID: AAG-3435-2019; SPIN-code: 3649-4171; e-mail: valentina.yakunina@novsu.ru

Title: Narva in the Economic System of the Livonian Order State

Abstract: The article discusses the role of the Livonian Order in the development of commercial business in Narva as a town under the jurisdiction of the Order at the turn of the medieval and modern periods. The attention of Narva's vogts towards its economic situation was marked by their personal responsibility for ensuring the needs of the castle and the town of the Order, which, due to its border location, was of strategic significance. Various forms of business activity, led by commercial fishing, served this purpose. However, the limited internal resources of Narva's domain economy due to the small size of its hinterland and the limited support from other Livonian towns, forced the leadership of the Livonian Order and vogts acting on its behalf to focus on Narva's external trade, particularly with Russia. The Order granting trading privileges, which was supported by the vogts' positive impact on the town's commerce, partially compensated for its absence of Hanseatic status and ensured close collaboration between the Order and local authorities. During periods of increased tension in Livonian-Russian relations, both governments have used Narva's non-Hanseatic status to violate Hanseatic restrictions on trade with Russia, contributing to Narva's transformation into a hub for "unusual" trade between Russia and Livonia. In order to ensure the uninterrupted flow of Russian export goods to Narva, bypassing posts of Reval and the Hanseatic League, vogts used their administrative resources to guarantee the inviolability of merchant transactions at both the local level and the level of the Reval town council.

Keywords: Narva, Livonian Order, Narva's vogts, Reval, Hanseatic-Russian trade

References

- Akhmetova M. V. (2016). Kakaya ryba izobrazhena na gerbe Narvy [What kind of fish is depicted on the coat of arms of Narva]. *Zhivaya starina*. No. 4 (96). P. 28–31.
- Andriyashov A. M. (1914). *Materialy po istoricheskoi geografii Novgorodskoi zemli. Shelonskaya pyatina po pistsovyim knigam 1498-1576 gg.* [Materials on the historical geography of the Novgorod land. Shelonskaya pyatina according to the scribal books of 1498-1576.] Moscow: Publication of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. 552 p.
- Arbusov L. (bearb.) (1910). *Akten und Rezesse der livlandischen Standentage mit Unterstützung der baltischen Ritterschaften und Städte*. Bd. 3. Riga: Deubner. 1001 s.
- Arbusov L. (hg.) (1900). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 2. Bd. 1. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 900 s.
- Arbusov L. (hg.) (1905). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 2. Bd. 2. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 760 s.
- Arnold U. (1990). Die Hanse und Preußen. *Die Hanse und der Deutsche Osten*. Lüneburg. S. 79–95.
- Benninghoven F. (1976). Die Burgen als Grundpfeiler des spätmittelalterlichen Wehrwesens im preußisch-livländischen Deutschordensstaat. *Die Burgen im deutschen Sprachraum*. T. 1. Sigmaringen: Thorbecke. S. 565–601.
- Bessudnova M. B. (2015). *Rossiya i Livoniya v kontse XV veke. Istoki konflikta [Russia and Livonia at the end of the 15th century. The origins of the conflict]*. Moscow: Kvadriga. 448 p.
- Bessudnova M. B. (2016). «Faida» fogta Val'gartena i torgovye interesy Narvy [Vogt Walgarten's "Faida" and Narva's trade interests]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational journal "History"]*. Chap. 7. Vol. 6 (50). pp. 1–25.
- Bessudnova M. B. (2016). *Spetsifika i dinamika razvitiya rusko-livonskikh protivorechii v poslednei treti XV veka [The specifics and dynamics of the development of the Russian-Livonian contradictions in the last third of the 15th century]*. Lipetsk. 464 p.

- Bessudnova M. B. (2021). *Russko-ganzeiskaya torgovlya v pervoi polovine XVI veka [Russian-Hanseatic trade in the first half of the 16th century]*. Saint-Petersburg: Evraziya. 480 p.
- Bessudnova M. B. «Nemetskaya Narva» i «Mertvaya Narova»: na novom vitke polemiki [“German Narva” and “Dead Narova”: on a new round of controversy]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. (in print).
- Bessudnova M., Kun E. (2013). Torgovaya politika Livonskogo ordena na nachal'noi stadii razvitiya torgovli Velikogo Novgoroda s zapadom [The trade policy of the Livonian Order at the initial stage of the development of trade between Veliky Novgorod and the West.]. *Ledovoe poboishche v zerkale epokhi [The ice battle in the mirror of the epoch]*. Lipetsk, pp. 212–229.
- Bessudnova, M. B. (2019). *Pervaya Livonskaya voyna. 1480–1481 gody. Dokumenty [The First Livonian War. 1480-1481 years. Documents]*. Saint-Petersburg: Evraziya. 320 p.
- Biskup M. (1993). Der Deutsche Orden und die Freiheiten der großen Städte in Preußen vom 13. bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. *Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich*. Marburg. S. 112–128.
- Bunge F. G. v. (hg.) (1855). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 2. Reval: Druck von H. Laakmann. 830 s.
- Bunge F. G. v. (hg.) (1857). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 3. Reval: H. Laakmann. 800 s.
- Bunge F. G. v. (hg.) (1859). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 4. Reval: Druck von H. Laakmann, 1859. 948 s.
- Bunge F. G. v. (hg.) (1867). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 5. Riga: Verlage von N. Kymmel. 1071 s.
- Czaja R. (2000). Preußische Hansestädte und der Deutsche Orden. Ein Beitrag zu den Bezeichnungen zwischen Stadt- und Landesherrschaft im späten Mittelalter. *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 118. S. 67–76.
- Czaja R. (2018). Economic, social and political aspects of the trade of the Teutonic Order in Prussia. *Communicating the Middle Ages: Essays in Honour of Sophia Menache*. London and New York: Routledge. P. 64–75.
- Dieckhoff E. (1930). Das Narvasche Stadtarchiv. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1928*. Dorpat. S. 96–115.
- Dollinger P. (2012). *Die Hanse*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag. 656 s.
- Doroshenko V. V. (1963). Myzno-barshchinnoe khozyaistvo v yuzhnoi (latyshskoi) chasti Liflyandii v XVI v. [Manor-corvee farming in the southern (Latvian) part of Livonia in the 16th century]. *Srednie veka [The Middle Ages]*. Moscow: Izd-va Akademii nauk SSSR. Vol. 21. pp. 122–140; 1964. Vol. 22. pp. 100–115.
- Fenske L., Militzer K. (hg.) (1993). *Ritterbrüder im Livländischen Zweig des Deutschen Ordens*. Köln u. a.: Böhlau. 956 s.
- Hansen M. K. (2008). Die Rolle des Deutschen Ordens im Ostseeraum, 1360–1370: Versuch einer Neuinterpretation. *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 126. S. 187–220.
- Hellmann M. (1985). Der Deutsche Orden in Livland. *Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur*. Torun. S. 105–116.
- Henn V. (1989). Was war die Hanse? *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos. Ausstellungskatalog*. Bd. 1. Hamburg. S. 15–21.
- Henn V. (1996). Der hansische Handel mit Nahrungsmitteln. *Nahrung und Tischkultur im Hanseraum / hg. v. G. Wiegmann*. Münster. S. 23–48.
- Hildebrand H. (hg.) (1881). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / hrsg.* Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1881. – Abt. 1. – Bd. 7. – 608 s.
- Hildebrand H. (hg.) (1884). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 8. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 687 s.
- Hildebrand H. (hg.) (1889). *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 9. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 722 s.
- Jähnig B. (2011). *Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seine Herrschaft in Livland*. Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf. 333 s.
- Jahnke C. (2019). Lübeck: Early Economic Development and the Urban Hinterland. *A Companion to Medieval Lübeck*. Boston. S. 226–252.
- Kämpf T. (2013). *Das Revaler Ratsurteilbuch. Grundsätze und Regeln des Prozessverfahrens in der frühneuzeitlichen Hansestadt*. Köln u. a.: Böhlau. 253 s.
- Kazakova N. A. (1975). *Russko-livonskie i russko-ganzeiskie otnosheniya. Konets XIV–nachalo XVI vekov [Russian Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations. The end of the 14th – the beginning of the 16th centuries]*. Leningrad: Nauka. – 360 p.
- Kenkmaa R. (1937). Linnad ja kaubandus XV ja XVI sajandil. *Eesti ajalugu*. Kd. 2. Tartu. 286 s.
- Khoroshkevich A. L. *Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoi i Zapadnoi Evropoi v XIV-XV vv. [Trade of Veliky Novgorod with the Baltic States and Western Europe in the 14-15th centuries]*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. pp. 232–235.

- Kivimäe J. (1990). Narva und Ivangorod. Handel und Politik an der Schwelle zur Frühneuzeit. *Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart* / hg. v. I. Fleischhauer. Baden-Baden. S. 17–27.
- Kivimäe J. (2004). Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West / J. Kivimäe. *Narva und die Ostseeregion. Narva and the Baltic Sea Region. Beiträge der II. Internationalen Konferenz über die politischen und kulturellen Beziehungen zwischen Russland und der Ostseeregion (Narva, 1.-3. Mai 2003). Papers presented at the II International Conference on Political and Cultural Relations between Russia and the Baltic Region States (Narva, 1-3. May 2003)* / ed. K. Brüggemann. Narva. S. 17–27.
- Kivimäe J. (2019). Zwischen Reval und Lübeck. Die Narva-Frage in der Handelspolitik der späten Hansezeit. *“Hansisch” oder “nicht hansisch”. Das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse* / hg. v. J. Kreem. Wismar. S. 57–74.
- Kivimäe J. (2023). Meresõit ja hansakaubandus keskajal ning varasel uusajal. *Eesti merenduse ajalugu I*. Tallinn. Lk. 118–151.
- Kivimäe Yu. Yu. (1981). *Narvskii vopros v 1494-1558 gg.: diss. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. [The Narva question in 1494-1558: dissertation of the Candidate of Historical Sciences: 07.00.02]* Tallin. 203 p.
- Kleinenberg I. E. (1960). Bor'ba Novgoroda Velikogo za Narovu v XV veke [The struggle of Novgorod the Great for Narova in the XV century]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Istoricheskie nauki [Scientific reports of the higher school. Historical Sciences]*. Vol 2. pp. 140–151.
- Kochenovskii O. (1991). *Narva. Gradostroitel'noe razvitie i arhitektura [Narva. Urban development and architecture]*. Tallinn: Valgus. 304 p.
- Kreem J. (2002). *The Town and Its Lord: Reval and the Teutonic Order (in the Fifteenth Century)*. Tallinn: Ilo. 213 p.
- Kreem J. (2003). Stadt und Landesherr als Geschäftspartner: Die Handelsangelegenheiten in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und der Stadt Reval. *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar* / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg. S. 93–112.
- Kreem J. (2019). Die Lübecker in der Kommunikation des Deutschen Ordens im 16. Jahrhundert. *“Hansisch” oder “nicht-hansisch”. Das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse* / hg. v. J. Kreem. Wismar. S. 97–110.
- Küng E. (2005). Narva linnaõigusest kesk- ja varauusajal. *Narva Muuseumi Toimetised*. T. 5. Lk. 51–63.
- Mahling M., Neitmann K., Thumser M. (bearb.) (2018). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 13. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag. 840 s.
- Mahling M., Neitmann K., Thumser M. (bearb.) (2019). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 14. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag. 987 s.
- Mühlen H v. zur. (1985). *Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Gestalten und Generationen eines Ratsgeschlechts*. Köln, Wien: Böhlau. 432 s.
- Neitman K. (1993). Riga und Wenden als Residenzen des livländischen Landmeisters im 15. Jahrhundert. *Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich*. Marburg: Elwert. S. 59–93.
- Niitemaa V. (1952). *Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. 379 s.
- Pöhltsam-Jürjo I. (2012). Neu-Pernau und sein ländliches Hinterland am Anfang der Frühen Neuzeit. *Das Leben auf dem Lande im Baltikum*. Lüneburg: Carl Schirren Gesellschaft. S. 151–170.
- Pöhltsam-Jürjo I. (2018). Kala tähtsusest kaubanduses, majanduses ja toidumenüüs 13.–16. sajandi eestis. *Acta Historica Tallinnensia*. Vol. 24. L. 3–23.
- Rebas H. (2001). Die Axelsöhne (Tott) und der Narvahandel 1468-1478. *Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen (Schriften der Baltischen Historischen Kommission, 11)* / hg. N. Angermann, P. Kaegbein. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk. S. 177–199.
- Ropp G. v. d. (bearb.) (1890). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 2. Bd. 6. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 634 s.
- Rundstedt v. H.-G. (1937). *Die Hanse und der Deutsche Orden in Preussen bis zur Schlacht bei Tannenberg (1410)*. Weimar: Verlag Hermann Böhlau Nachfolger. 127 s.
- Ryussov B. (1879). *Livonskaya khronika. Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraya [Livonian Chronicle. Collection of materials and articles on the history of the Baltic region]*. V. 2. pp. 157–404.
- Samsonowicz H. (1980). Der Deutsche Orden und die Hanse. *Die geistlichen Ritterorden Europas*. Sigmaringen: Thorbecke Verlag. S. 317–338.
- Sarnowsky J. (2013). Die Hanse und der Deutsche Orden. Eine ertragreiche Beziehung. *Die deutsche Hanse. Eine heimliche Supermacht* / hrsg. G. Graichen, R. Hammel-Kiesow. Hamburg: Rowohlt Digitalbuch. S. 163–181.
- Sattler C. (1882). Die Hanse und der Deutsche Orden in Preussen bis zu dessen Verfall. *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 11. S. 67–84.
- Schäfer D, Techen F. (bearb.) (1913). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 3. Bd. 9. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 998 s.

- Schäfer D. (bearb.) (1881). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 3. Bd. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1881. 687 s.
- Schäfer D. (bearb.) (1883). *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*. Abt. 3. Bd. 6. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 863 s.
- Schubert B. (2002). Der Novgoroder Seehandel und der «freie Weg auf dem Meer». *Beiträge zur Geschichte des Ostseeraumes*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač. S. 35–51.
- Schwartz P. (hg.) (1896). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 10. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 576 s.
- Schwartz P. (hg.) (1905). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 11. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. 783 s.
- Selart A. (2019). Die kleinen Städte Livlands und ihre Rolle in der oder für die Hanse. “Hansisch” oder “nicht-hansisch”. *Das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse* / hrsg. J. Kreem, J. Sarnowsky. Wismar: callidus. S. 23–42.
- Sepp H. (1937). *Eesti kaubandus ja linnad keskajal*. Tartu: Akadeemiline Kooperatiiv. Lk. 109–152.
- Stein W. (bearb.) (1907). *Hansisches Urkundenbuch*. Bd. 10. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 796 s.
- Süvalep A. (1936). *Narva ajalugu I. Taani- ja orduaeg / toim. A. Soom*. Narva; Postimees. 338 L.
- Valk S. N. (comp.). (1949). *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov]*. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 407 p.
- Veber D. I., Filyushkin A. I. (2018). *Ot ordena ostalos' tol'ko imya... Sud'ba i smert' nemetskikh rytsarei v Pribaltike [Only the name remains of the order... The fate and death of the German knights in the Baltic States]*. Saint-Petersburg: Nauka. 247 p.
- Tallinna Linnaarhiiv. 230. B.h 62. Fol. 299–300.
- Vogelsang R (1993). Reval und der Deutsche Orden: Zwischen städtischer Autonomie und landesherrlicher Gewalt / R. Vogelsang. *Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich* / hrsg. U. Arnold. Marburg: Lahn. S. 32–58.
- Vogtherr H. (2001). Livlandhandel und Livlandverkehr Lübecks am Ende des 15. Jahrhunderts. *Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission, 11)* / hrsg. N. Angermann; P. Kaegbein. Hamburg: Nordostdeutsches Kulturwerk. S. 201–237.
- Yakunina V. A. (2019). K voprosu fenomena pozdnesrednevekovoi faidy (na primere konflikta Livonskogo ordena i semeistva Val'dkhaus fon Kherze) [On the issue of the phenomenon of the Late Medieval Faida (on the example of the conflict between the Livonian Order and the Waldhaus von Herze family)]. *Evropa v Srednie veka i Novoe vremya: Obshchestvo. Vlast'. Kul'tura [Europe in the Middle Ages and Modern Times: Society. Power. Culture]*. Izhevsk. pp. 141–148.
- Yakunina V. A. (2021). Spetsifika otnosheniya fogtov Narvy k al'ternativnym formam trgovli na russko-livonskoi granitse v kontse XIV–XV vv. [The specifics of the attitude of the Narva Vogts to alternative forms of trade on the Russian-Livonian border at the end of the 14–15th centuries]. *Russia – Germany in educational, scientific and cultural dialogue: collection of materials of the International Scientific and Educational Forum (Pskov, September 16-17, 2021)* / ed. Frolov V. V. Pskov: Konkord. pp. 183–189.
- Yakunina V. A. (2022). *Narva XV veka v dokumentakh i materialakh [Narva of the 15th century in documents and materials]*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. 329 p.
- Yakunina V. A. (2023). Opyt primeneniya metodov deskriptivnoi statistiki na malom massive dannykh (na primere analiza pisem magistrata Narvy XV veka iz Tallinskogo gorodskogo arkhiva) [Experience in Applying Descriptive Statistics Methods on Small Data Amount (Analyzing Letters of 15th Century Narva Magistrate from Tallinn City Archive)]. *Caurus*. 2023. Vol. 2(2). P. 12-30. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2023-2(2)-12-30

Для цитирования статьи:

Бессуднова М. Б., Якунина В. А. Нарва в хозяйственной системе Ливонского орденового государства. *Caurus*. 2024. Т. 3. № 3. С. 64–86. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-64-86

For citation:

Bessudnova M. B., Yakunina V. A. Narva in the Economic System of the Livonian Order State. *Caurus*. 2024. Vol. 3(3). P. 64–86. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-64-86

УДК 902(47.25)
ББК 63.3+ 63.4
DOI 10.34680/Saurus-2024-3(3)-87-98

Е. В. Салмина, С. А. Салмин

ДВОР «ЛНЯНИКА»: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЬНООБРАБАТЫВАЮЩЕГО КОМПЛЕКСА XVI-XVII ВВ. В ПЕТРОВСКОМ КОНЦЕ ПСКОВА

Экспорт льна (как местного, так и привозного), ведшийся через Псков, на протяжении длительного периода являлся важным элементом внешней торговли Русского царства и Российской империи. Письменные источники (и, вслед за источниками, исследователи) сосредоточены в основном на торговых связях и операциях со льном, признавая их значительные объёмы и государственное значение этой торговли [Ангерманн, 2020, с. 8–17; Василев, 1872, с. 11–25; Кирпичников, 2003, с. 47; Колпаков, Михеев, 2019, с. 27, 30; Колпаков, Михеев, 2019а, с. 125–128]. При этом иностранные авторы сообщений XVI-XVII вв. нередко преувеличивают масштабы «неисчерпаемых» псковских ресурсов [Хорошкевич, 2003, с. 35–36].

Информация об истории льноводства и льнопереработки весьма скудно отражена в письменных источниках и носит, скорее, косвенный характер. Неоднозначность сведений источников приводила порой к не вполне обоснованным реконструкциям. Так, «льняную грамоту» из сообщения Псковской 3-й летописи под 1471 г. об уничтожении псковичами этого документа [ПСРЛ, 2000, с. 186]¹, И. Д. Беляев трактует как «закон по торговле льном» [Беляев, 2016, с. 57], И. Ларионов [Ларионов, 1951, с. 17–18] полагает, что в этой грамоте были зафиксированы «условия льняной повинности для населения», выработанные «в 1467 году в Пскове на вече». Е. Болховитинов же считает, что под «льняной» имелась в виду «ленная грамота»), и летопись здесь характеризует конфликт совершенно иного рода [Болховитинов, 2009, с. 354].

В псковской писцовой книге 355 (1584/85-1586/87 (7093-7095) гг.) четырежды упоминается род занятий «лняник» [Сб. МАМЮ, 1913, с. 41, 43, 46]. Однако псковский областной словарь позволяет интерпретировать этот термин двояко: «лняник» – это тот, «кто или обрабатывает или продает лен» [ПОС, 2005, с. 260].

Недостаточность и неоднозначность информации письменных источников в некотором роде может быть скомпенсирована археологическими материалами. Археологические сведения, позволяющие получить некоторое представление о городской льнообработке, в настоящее время введены в научный оборот в небольшой

¹ «А во Пскове посадник псковский Офанасей Юрьевич и бояре псковский и соцкый и соудьи тогды же и льняною грамотоу подраша, вынемше из ларя; и бысть всем христианом радость велие, с 8 бо год она была в лари, да много христианом истомы и оубытков в тоя времяано было».

степени². В предлагаемой публикации мы представляем данные, полученные при исследовании одной из усадеб Петровского конца древнего Пскова³.

Городская усадьба (двор), занятия жителей которой включали в себя льнообработку, зафиксирована в составе застройки XVI-XVIII вв., исследовавшейся при охранных археологических раскопках в Пскове в 2008-2011 гг. Данный участок находился в центральной части комплекса Петровских раскопов близ Петровских и Михайловских ворот в восточной части Окольного города Пскова, входил в зону периферии псковского Нового Торга.

Длительное время эта территория не входила в состав Пскова. Древнейшие свидетельства селитебной активности здесь относятся к периоду, предшествовавшему включению исследованного участка в городскую территорию. На начальном этапе (XII-XIV вв.) здесь бытовало внегородское поселение, известное и по соседним раскопам [Степанов, Яковлева, 1992, с. 127–129; Степанов, Яковлева, 1994, с. 102–108; Яковлева, 1996, с. 128–129]; функционировал некрополь, не известный по письменным источникам и не относящийся ни к одной из расположенных поблизости известных нам церквей [Харлашов, 2003, с. 5–10].

Систематическое освоение этого района началось в конце XIV – начале XV в., и активизировалось после строительства крепостной стены в 1465 г. [ПСРЛ, 2000, с. 161]. Культурный слой первоначально накапливался здесь медленно – в результате пассивной эксплуатации территории неудобной для жилья окраины. По раскопкам в центральной и северной части комплекса раскопов известна трасса русла ручья («оврага»). Медленный темп освоения данного участка Окольного города Пскова в дальнейшем во многом был обусловлен этой природной особенностью.

Основной толчок к плотному освоению нового пространства дало последовавшее за присоединением Пскова к Московскому государству массовое выселение псковичей с территории Среднего города⁴ и возникновение в непосредственной близости к рассматриваемой территории псковского Нового Торга, ставшего сосредоточием экономической (а во многом и политической) жизни Пскова.

В начале XVI века здесь уплотняется жилая застройка, возникает и развивается сеть дворовых границ, зафиксированных при раскопках в виде частоколов и частокольных траншеек. Именно отсюда происходят две наиболее ранние дендрохронологические даты на всём участке Петровских раскопов — два столба, датированных 1565 г.⁵.

² К сожалению, многие из таких объектов не доходят от научных отчётов до научных публикаций – даже в тех случаях, когда интерпретация не вызывает сомнений (например, яма для вымачивания льна на раскопе Васильевский 2 на ул. Советская, зафиксированная в 1996 г.).

³ Эта часть Пскова исследовалась в рамках проектов РГНФ 2008-2009 № 08-01-00376а «Петровский конец Пскова по данным археологии и письменных источников» и 2014-2015 № 14-11-60005 «Новый Торг Пскова 16-18 веков по данным археологии и письменных источников».

⁴ Согласно псковским источникам, переселены были до 6500 дворов [ПСРЛ, 2003, с. 97], однако число это представляется маловероятным, учитывая, что на место «сведённых» и переселённых псковичей прибыли только 300 семей московских «гостей». Остальные летописи указывают число в 6500 дворов для всей территории псковского «Застенья» [ПСРЛ, 2000, с. 258].

⁵ Автор дендрохронологических определений здесь и далее – М. И. Кулакова.

Сохранились также остатки наземных деревянных построек этого времени. К данному периоду относится строительство храма Иоанна Милостивого (не позднее 1561 г.) [Харлашов, 2009, с. 187] которое, безусловно, оказало серьёзное влияние на сложение планировки. Системообразующую роль в сложении ориентации строений сыграли и склон возвышенности, на котором стоит церковь, и местоположение водоносного «оврага».

Формируется единая ориентация для всего комплекса построек и границ усадеб, она остаётся неизменной и в последующие периоды, когда застройка на исследованной территории становится более плотной и структурированной. Можно предполагать, что застройка этой части города уже была ориентирована на Петровскую улицу, известную по письменным источникам с 1521 г. [ПСРЛ, 2000, с. 292], а также на известную по плану 1740 г. улицу, проходившую от ц. Иоанна Милостивого к ц. Григория Богослова, интерпретированную И. О. Колосовой как Григорьевский переулок⁶.

Следующий этап застройки, выделенный на Петровских раскопах, возникает вскоре после городского пожара 1589/1590 г. Затем развитие последовательно продолжается почти на протяжении столетия до разрушительного пожара 1682 г. Именно на протяжении этого длительного периода здесь действует льнообрабатывающий производственный комплекс. Археологические исследования показали, что на протяжении XVII в. на исследованном участке появляются, помимо жилых и хозяйственных строений, элементы благоустройства, гидротехнические сооружения, вокруг ц. Иоанна Милостивого возникает деревянное замощение. Исследованная раскопками территория разделяется не менее чем на восемь автономных участков (усадеб, дворов?), причём во второй половине XVII в. ряд хозяйств претерпевает своеобразную локальную перепланировку [Салмина, 2011, с. 258–259; Салмина и др. 2009, с. 249–259].

Усадьба (двор⁷), на территории которой располагаются производственные сооружения, связанные с обработкой волокнистых растений, возникает почти сразу после пожара 1589-1590 гг. Интервал возведения построек, согласно дендрохронологическим датам, приходится на 2-ю четв. – сер. XVII в. Размеры этого двора на первоначальном этапе – до 28,2 на 20 м. Южная сторона двора примыкает к замощению у ц. Иоанна Милостивого, с западной стороны двор ограничен водоносным «оврагом». Отметим, что буквально напротив этого двора (через Петровскую улицу) локализуется Льяной гостиный двор⁸.

⁶ Авторы сердечно благодарят Ирину Олеговну Колосову за возможность ознакомиться с рабочими неопубликованными материалами «Энциклопедии улиц Пскова XVIII в.».

⁷ Двор // горизонтов 46-I и 46-II (центральная часть комплекса раскопов: Петровские VIII и IX раскопы): по Салмина Е.В. Этапы освоения, хозяйственного использования и застройки территории Петровских I – X раскопов по данным археологических раскопок. Приложение II к Отчету по проекту РГНФ № 08-01-00376а «Петровский конец Пскова по данным археологии и письменных источников». *Рукопись, авторская копия.*

⁸ Псковская писцовая книга 355 (1584/85-1586/87 (7093-7095) гг.) содержит описание Льяного гостиного двора в составе псковского Нового Торга: «...на дворе хором: 2 избы, одна четырех сажен, а другая полутретьи сажени, меж их сени в замете, а на дворе 81 анбар... На дворе же конюшня в длину 19 сажен, а поперег 5 сажен. А около того двора городбы нет, потому стоят в городбы место те же анбары и избы и конюшни, а на двор двои ворота покрыты. А ставили тот двор денгами из государевы казны... Двору длина 46 сажен, а поперег 28 сажен...» [Сб. МАМЮ, 1913, с. 15].

Две жилые постройки характеризуемой усадьбы сохранились только фрагментами, однако нельзя не отметить хорошее качество древесины, позволившее получить серию дендродат: 1632, 1635 и два образца 1649-50 гг. Размеры срубных построек в плане – около 4,35 x 4,25 м и 4,4 x 4,55 м. Диаметр брёвен – от 0,22 до 0,27 м. Один из срубов рублен «в чашу», второй «в обло» с выпуском брёвен за пределы постройки на 0,22-0,3 м. Зафиксированы основания пяти столбов, точно в линию продолжающих трассу стены одного из срубов: скорее всего, это остатки надворной крытой конструкции.

Немалую часть построек этого периода уверенно интерпретировать как жилую не приходится. Сомневаться заставляют плохое качество дерева, тонкие бревна, отсутствие подгонки и конопачения швов, отсутствие регулярных отопительных сооружений. Присутствует большое количество дерева во вторичном использовании, обломки различных строительных деталей. В большинстве случаев благоустройство постройки включает в себя приподнятый пол – без этого невозможно было обойтись в условиях повышенного уровня грунтовых вод. Характерным приёмом дренирования участков в условиях повышенной влажности являются вкопанные в грунт бочки без дна – водосборники. Присутствуют также своеобразные вымостки, «помосты» и пр. Существенная часть дворов занята остатками дощатых или бревенчатых настилов на парных лагах-лежнях. Некоторые из удлинённых нешироких вымосток можно интерпретировать как гати в местах проходов на территории усадеб или между ними. Нередко междворовые участки «замощены» обрезками и обрубками дерева, обгоревшими, плохой сохранности. В такие скопления входят также куски берёзовой и ивовой коры, небольшие известняковые плитки, присутствует большое количество щепы и обломков сосновой коры, прутья (найден своеобразный «моток» ивовых прутьев).

В контурах данного двора (огороженного частоколом) выделены обрамленные частокольными канавками меньшие участки, на которых не зафиксировано никаких жилых конструкций. В этих «отгороженных зонах» присутствовали своеобразные ямы (Рис. 1), заполненные до дна слоями льняной кострики, перемежающимися тонкими прослойками гумусированного песка. Размеры самой большой из этих ям в плане – около 700 x 200 см. В верхней части эта яма заполнена серо-зеленоватым песком с включениями тёмно-коричневого грунта, толщина этого слоя 0,22 – 0,3 м. Далее до дна ямы идёт сплошной слой льняной кострики (толщина до 0,6 м), лежащий на «выстилке» из тонких брёвен (жердей), неокорённых веток. Жерди уложены в один-два ряда, укреплены небольшими колышками, вбитыми перпендикулярно наклонным стенкам траншеи. Здесь же обнаружено большое количество скорлупы орехов-лещины, веточек вереска. Стенки ямы немного пологие, дно плоское. При расчистке стен ямы зафиксированы прослойки органики (толщина от 0,02 до 0,06 м), которые позволяют предполагать, что стены были выложены дёрном. Отрезок второй подобной ямы с кострикой был раскрыт немного севернее, у западной стены раскопа, продолжался за его пределами.

Рис. 1. Ямы для замачивания льна на Петровских раскопах в Пскове.

Рядом (на расстоянии 2 - 2,2 м) была исследована наземная жердевая конструкция для «обтекания» льняной массы (тресты), извлечённой из мочильной ямы. Конструкция составлена из уложенных в два-три ряда брёвнышек (жердей) диаметром от 0,05 до 0,13 м, в конструкции участвуют также колышки диаметром от 0,07 до 0,1 м, вбитые между жердями (главным образом, у торцов), а также у внешней стороны. Общая длина конструкции составляет 6,8 м, ширина до 0,3 м.

Здесь же было зафиксировано своеобразное «заграждение» из воткнутых комлями в склон небольших ёлочек – возможно, для защиты основной территории двора от засорения всплывающей льняной трестой. Пятна и прослойки кострики,

нередко перемешанной со мхом и остатками дёрна, распространены на площади характеризуемого блока раскопов достаточно широко.

Подчеркнём, что на характеризуемом дворе наличествуют нужные природные условия и зафиксированы при раскопках остатки большинства сооружений, перечисленных И.И. Василёвым в описании процесса «мочки, сушки и трепанья» льна [Василев, 1872, с. 71–75]: водоносный «овраг» и собственно ямы, наполняемые грунтовыми водами, развалы камней, коры и сучьев, которыми придавливают лён в ямах, решётка для отбрасывания и обтекания мокрого льна (тресты), установленный на столбах навес для первичного обсушивания «полуфабриката» и даже сани для околачивания льняных головок [Салмина, Салмин, 2011, с. 17–25]. Отметим также значительное присутствие находок орудий для обработки волокнистых растений в вещевой коллекции этого участка: трепала (трепальные ножи), чесала, мялки, вальки (Рис. 2). Большая часть находок хорошо известна и имеет широчайшие аналогии на средневековых памятниках древней Руси и Восточной Европы [Колчин, 1985, с. 265–269, 292–293].

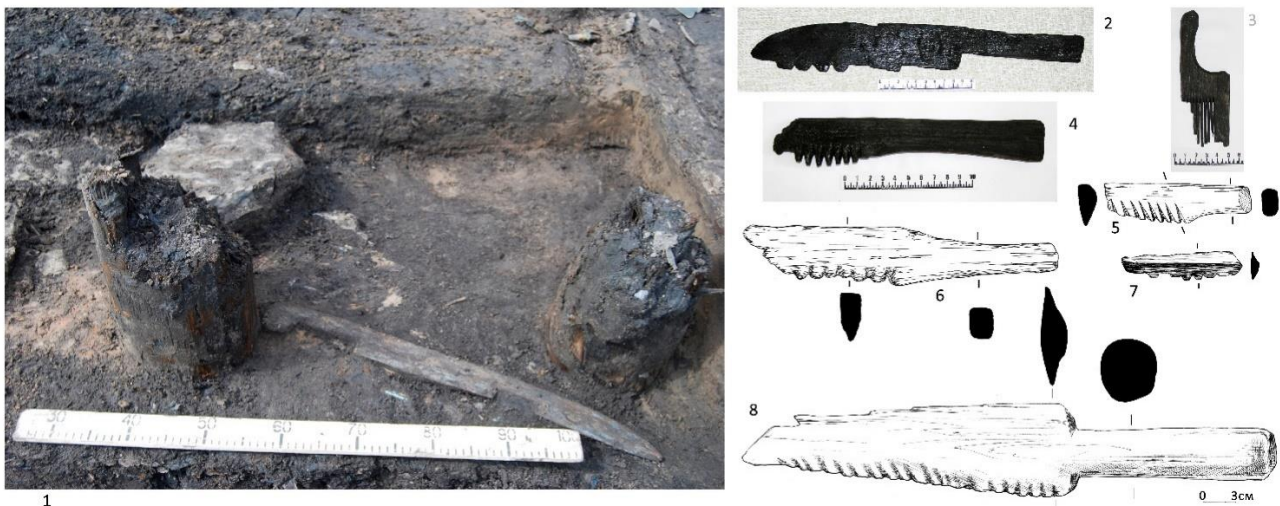

Рис. 2. Деревянный инвентарь, связанный с обработкой льна, из коллекции Петровских раскопов: 1 – льнотрепальный нож на территории двора in situ; 2, 4–8 – чесала; 3 – гребень для шерсти и волокон льна.

Писцовая книга 1584/85–1586/87 гг. свидетельствует о размещении в Петровском конце объектов такого рода: «за Михайловскими воротами на островку на Пскове реки ... трепални»; «и всего... 6 трепален» [Сб. МАМЮ, 1913, с. 68, 70]. Для XVIII в. льняные «трепли» в Пскове обозначены на дворовом участке, приобретаемом купцом Митрофановым на относительно близлежащей к рассматриваемому участку Батановой улице⁹.

Помимо обработки волокнистых растений, в этом же хозяйстве велась и древообработка. Местный мастер (или мастера) изготавливал точёную посуду, инструменты для обработки льна (чесала, льнотрепальные ножи), детали ткацких станков, веретёна, делал деревянные оправы зеркал [Фисенко и др., 2012, с. 240–249,

⁹ РГАДА, оп. 1, кн. 8924, лл. 45–46 об.

игрушки. О факте непосредственного производства деревянных изделий на месте свидетельствуют находки деревообрабатывающих инструментов, заготовок изделий, брака и отходов. В какой мере продукция изготавливалась для внутренних нужд, а в какой – на продажу, установить достаточно сложно, но находки точёной деревянной посуды говорят о довольно высоком уровне мастерства изготовителя.

В середине XVII в. на данной территории по археологическим данным наблюдается явный «всплеск» строительной активности, по дендродатам приходящийся на 1660-е – 1680-е годы. Обновляется и расширяется замощение у храма Иоанна Милостивого, прослежены случаи слияния участков, несколько изменяются границы рассматриваемого двора (немного уменьшается и смещается к северу). Новые усадебные границы на этом уровне читаются хорошо. Частокоты этого строительного горизонта достаточно заметно отличаются от частокотов предыдущего этапа особенностями своего устройства. В этих линиях помимо собственно заострённых кольев, вбитых вертикально, присутствуют горизонтальные укрепляющие конструкции – жерди или даже бревна, уложенные параллельно линии кольев на небольшом расстоянии от них. Продольные конструкции, в свою очередь, укреплены тонкими колышками, вбитыми под углом.

На территории рассматриваемого двора возводятся новые постройки, в частности, жилище, сформированное двумя близко расположенными срубами (один – с отопительным сооружением), с крытым проходом между ними [Салмина, 2011, с. 258–259; Салмина и др., 2009, с. 254, 259]. «Тёплый» сруб рублен «в обло», выпуск брёвен за углы сруба 0,04-0,12 м, размер около 3,2 x 4,1 м, установлен на подклет. Прекрасная сохранность древесины позволила получить серию дендродат: 1662, 1685 (2 образца), 1684-85 (2 образца). Возле западного угла сруба в стене подклета в паз вставлен водоотводный долблёный дренажный жёлоб. Сохранились остатки дощатого настила пола, а также остатки основания печи, возможно, изразцовой (в составе развала конструкции – фрагменты изразцов и киотов, осколки печного кирпича и румпы строительной керамики). Вплотную к стене сруба сложено крыльцо из двух рядов известняковых плиток на глине, по периметру крыльца сохранились ограничивающие доски на ребре. На характеризуемом дворе в северо-восточной части устроен также срубный колодец.

Помимо изменения границ участков и смены строительных технологий, ещё одно явление свидетельствует о переменах в жизни характеризуемой части города: в последней четверти XVII века прекращаются захоронения в «усыпальнице» у церкви Иоанна Милостивого, хотя существование действующего кладбища, безусловно, продолжается¹⁰.

Сознавая всю условность интерпретаций такого рода, мы предлагаем связывать данную перепланировку (возможно, сопровождаемую сменой хозяев участков) с событиями, последовавшими за Псковским восстанием 1650 года, когда многие участники были высланы из Пскова и отправлены в дальнюю ссылку [Тихомиров, 1969, с. 23–238; 352-396]. О подобных гражданских неурядицах косвенно

¹⁰ По Пежемский Д.В. Погребения в ц. Иоанна Милостивого. Приложение VII к Отчету по проекту РГНФ № 08-01-00376а «Петровский конец Пскова по данным археологии и письменных источников». *Рукопись, авторская копия.*

сообщает и одна из интереснейших находок этих раскопов – кавалерийская пицаль, «сокрытая» в составе гати, отделяющей «овраг» от двора «льняников» [Салмин, 2011, с. 271–274].

Окончательный финал существования этого многосоставного жилого комплекса – общегородской пожар 1689/90 г., уничтоживший и Новый Торг, и окружавшие его усадьбы.

Несмотря на социальные потрясения (и, скорее всего, смену владельцев), традиция, связанная с льнообработкой и изготовлением деревянных изделий на этом дворе сохранялась около столетия. Подобная преемственность должна была определяться как высокой рентабельностью и окупаемостью вложений сил и средств в обработку льна – несмотря на сопутствующие риски (изменение цены, неудачные погодные условия, блокировка традиционных торговых маршрутов и т.п.). Открытым остаётся вопрос: занимались ли владельцы рассмотренной усадьбы и льноводством (или скупкой сырья), или же они брали в обработку лён, доставляемый на Льняной двор в том числе и казёнными скупщиками. Действия по установлению государственного контроля над продажами льна подчёркивают важность этого товара не только как предмета экспорта, но и как важного стратегического сырья, импортируемого «потенциальным противником».

До настоящего времени городские дворы Пскова, связанные с льнообработкой, не становились предметами специального исследования. Введение в оборот комплексной информации об одном из таких участков позволяет расширить источниковую базу по истории этой отрасли. Выделение маркерных материальных остатков, характерных для территорий, на которых производилась обработка волокнистых растений (ямы-мочила или ямы-сборники кострики, сушила, приспособления для околачивания волокнистых растений, трепала и т.д.) на территориях городских объектов, датировки которых обладают относительно точной хронологической приуроченностью, позволяют проследить развитие производственной традиции обработки льна в её динамике.

Список сокращений

АИПЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
 АИП — Археологическое изучение Пскова
 МГУП — Московский государственный университет печати
 МАМЮ — Московский архив Министерства Юстиции
 НиНЗИА — Новгород и Новгородская земля История и археология
 ПОС — Псковский областной словарь
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

Информация о статье

Автор: Салмина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом; Археологический центр Псковской области, Псков, Россия; ORCID 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Салмин Сергей Анатольевич – научный сотрудник; Археологический центр Псковской области; Псков, Россия; ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Заголовок: Двор «льняника»: археологическое исследование льнообрабатывающего комплекса XVI–XVII вв. в Петровском конце Пскова

Аннотация: Экспорт льна, ведшийся через Псков и Ливонию на рынки Западной Европы, являлся важным фактором межгосударственных отношений в период позднего Средневековья и Нового времени. Несмотря на сложную политическую картину в псковско-ливонском пограничье, торговля этим товаром никогда не прерывалась надолго. История торговых маршрутов и объёмы продаж этого товара достаточно хорошо исследованы. Меньшее внимание уделялось собственно истории обработки льняного сырья, не получившей достаточного отражения в источниках этого периода. Отсутствие информации письменных источников в некотором роде компенсируется археологическими материалами. При археологических раскопках в Пскове исследован городской двор XVI–XVII вв., включавший в себя комплекс сооружений для обработки льна (мочильные ямы с массивами льняной кострики, конструкции для обтекания льняной массы, навесы для первичной сушки). Деятельность хозяев двора оставалась связанной с обработкой льна более столетия – при том, что двор, возможно, перешёл из рук в руки после Псковского восстания 1650 г. Такое постоянство определялось высокой рентабельностью льнообрабатывающего дела – несмотря на риск изменения цены, неудачных погодных условий, блокировки традиционных торговых маршрутов и т.п. Расположение данного участка в непосредственном соседстве с псковским Льняным двором позволяет предположить, что владельцы усадеб могли как поставлять товарный лён, так и обрабатывать льняное сырьё, доставляемое на Льняной гостинный двор.

Ключевые слова: Псков, лён, льнообработка, торговля, Льняной гостинный двор, «льняник»

Библиографический список

- Ангерманн Н. (2020). Русские купцы в Ливонии в XVII веке. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (28). Июль–Декабрь*. С. 3–23.
- Беляев И. Д. (2016). История Пскова и Псковской земли. М., «ВЕЧЕ». 352 с.
- Болховитинов Е. (Митрополит Евгений) (2009). История Княжества Псковского. Псков, «Псковская областная типография». 416 с.
- Василев И. И. (1872). Лен и Псковская губерния (с таблицей движения цен на лен и картой льняной промышленности Псковской губернии). Псков. Издание Псковского Губернского Статистического Комитета. Напечатано в Типографии Губернского Правления. 223 с., ил.
- Кирпичников А. Н. (2003). Псков в преддверии нового времени и сообщения иностранцев об этом городе. *Псков в российской и европейской истории: международная научная конференция: в 2-х т.* М.: МГУП, 2003. Т. 1. С. 39–58.
- Колпаков М. Ю., Михеев Д. В. (2019). Экономика Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени. *Грамота. Том 12. Выпуск 2*. Тамбов. С. 27–31.
- Колпаков М. Ю., Михеев Д. В. (2019а). Торговые связи Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени. *АИППЗ. Материалы 61 заседания. Выпуск 31*. С. 123–130.
- Колчин Б. А. (1985). Ремесло. *Древняя Русь. Город. Замок. Село. Археология СССР. Т.15*. М.: Наука. 432 с.
- Ларионов И., Сланин А. (1951). Псковская земля – древний льноводный край. Псков, Псковский областной краеведческий музей. Псковское газетно-книжное издательство. 38 с.
- ПСРЛ, 2000 – Полное собрание русских летописей. Том V. Вып. 2. Псковские летописи. М., «Языки русской культуры». 366 с.
- ПСРЛ, 2003 – Полное собрание русских летописей. Том V. Вып. 1. Псковские летописи. М., «Языки славянской культуры». 256 с.
- Салмин С. А. (2011). находка кавалерийской пищали на Петровском IX раскопе в Пскове. *Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всероссийского семинара*. Тула. С. 271–274.
- Салмина Е. В. (2011). Дворы Пскова XVI–XVIII вв. по материалам Петровских раскопов: размеры, планировка, застройка. *Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Том II. Санкт-Петербург-Москва-Великий Новгород*. С. 258–259.

- Салмина Е. В., Закурина Т. Ю., Степанов С. В., Харлашов Б. Н. (2009). Опыт выделения этапов застройки периода позднего средневековья – раннего Нового времени (в рамках проекта «Петровский конец средневекового Пскова»). *НиНЗИА. Вып. 23*. Великий Новгород. С. 243–261.
- Салмина Е. В., Салмин С. А. Сани XVII в. из Петровского XI раскопа (предварительная публикация) *АИППЗ. Материалы 57 заседания*. Псков. С. 17–25.
- Сб. МАМЮ (1913). – *Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5: Кн. 1*. М. Печатня А. Снегиревой. 520 с.
- Степанов С. В., Яковлева Е. А. (1992). Никольский раскоп. *АИППЗ 1991. Материалы симпозиума*. Псков. С. 126–129.
- Степанов С. В., Яковлева Е. А. (1994). Раскопки на ул. Некрасова (Никольский раскоп). *АИП. Вып. 2*. Псков. С. 97–109.
- Тихомиров М. Н. (1969). Псковское восстание 1650 г. Классовая борьба в России. М. 446 с.
- Фисенко А. В., Закурина Т. Ю., Салмина Е. В., Яковлев А. В. (2012). Деревянные оправы зеркал из раскопок в Окольном городе Пскова. *НиНЗИА. Материалы научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности. Вып. 26*. Великий Новгород. С. 240–249.
- Харлашов Б. Н. (2003). Петровский-4 раскоп. *АИППЗ. Материалы научных семинаров за 2001\2002 гг.* Псков. С. 5–18.
- Харлашов Б. Н. (2009). Археологические раскопки церкви Иоанна Милостивого в Пскове. *АИППЗ. Материалы 54 заседания*. Псков. С. 187–197.
- Хорошкевич А. Л. (2023). Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале Нового времени. *Псков в российской и европейской истории: международная научная конференция: в 2-х т.* М.: МГУП, 2003. Т. 1. С. 33–39.
- Яковлева Е. А. (1996). Исследования на II Благовещенском раскопе в г. Пскове. *АИППЗ 1995. Материалы семинара*. Псков. С. 128–129.

Information about the article

Author: Elena V. Salmina – Candidate of Historical Sciences, Head of the department; Archaeological Centre of Pskov region; Pskov, Russia; ORCID 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Sergey A. Salmin – researcher; Archaeological Centre of Pskov region; Pskov, Russia; ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Title: The Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler): Archaeological Research of the Flax Processing Complex of the 16th-17th Centuries in the Petrovsky End of Pskov

Abstract: Flax export through Pskov and Livonia to the markets of Western Europe, was an important factor of cross state relations during the late Middle Ages and the New Age. Despite complicated political situation in the Pskov-Livonian borderland, trade in flax had never been interrupted for a long time. The history of trade routes and sales volumes of this commodity are rather thoroughly researched. Less attention is paid to the actual processing of linen raw material during this period, which is not sufficiently reflected in the sources. The absence of written sources is to some extent compensated by archaeological materials. During archaeological excavations in Pskov, a city estate of the 16th-17th centuries, which included a complex of structures for flax processing (soaking pits with masses of flax bark, structures for flowing the flax mass, sheds for primary drying) was investigated. The activities of the estate owners remained connected with flax processing for more than a century – while the estate may have changed owners after the Pskov Uprising of 1650. This duration was determined by high profitability of the flax processing business – despite the risk of price changes, bad weather conditions, blockage of traditional trade routes, etc. The location of this site in the immediate vicinity of the Pskov Flax Dvor (Yard) suggests that the owners of the estates could both supply marketable flax and process flax raw material delivered to the Flax Gostiny Dvor (Market Yard).

Keywords: Pskov, flax, flax processing, trade, Flax Gostiny Dvor (Market Yard), “Lnyanik” (Flax Handler)

References

- Angermann N. (2020). Russkie kupcy v Livonii v XVII veke [Russian merchants in Livonia in the 17th century]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 2 (28). July-December. P. 3–23. (In Russian).
- Belyaev I. D. (2016). Istoriya Pskova i Pskovskoj zemli [History of Pskov and the Pskov Land]. Moscow: Veche Publ. 352 p. (In Russian).
- Bolhovitinov E. (Mitropolit Evgenij) (2009). Istoriya Knyazhestva Pskovskogo [History of the Principality of Pskov]. Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya. 416 p. (In Russian).

- Vasilev I. I. (1872). Len i Pskovskaya guberniya (s tabliceyu dvizheniya cen na len i kartoyu l'nyanoj promyshlennosti Pskovskoj gubernii) [Flax and Pskov Province (with a table of price movements for flax and a map of the flax industry of Pskov Province)]. Pskov. Izdanie Pskovskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. Tipografiya Gubernskogo Pravleniya. 223 p., ill. (In Russian).
- Kirpichnikov A. N. (2003). Pskov v preddverii novogo vremeni i soobshcheniya inostrancev ob etom gorode [Pskov on the threshold of the Modern Time and notices of foreigners about this city]. *Pskov in Russian and European History: International Scientific Conference* in 2 vols. Moscow: Moscow State University of Printing Arts. Vol. 1. P. 39–58. (In Russian).
- Kolpakov M.Yu., Miheev D.V. (2019). Ekonomika Pskovskoj zemli v opisaniyah anglijskih i francuzskih avtorov rannego Novogo vremeni [The economic of the Pskov land in the narratives of English and French authors of the early Modern Time]. *Gramota*. Vol. 12. Issue 2. Tambov. P. 27–31. (In Russian).
- Kolpakov M. Yu., Miheev D. V. (2019a). Torgovye svyazi Pskovskoj zemli v opisaniyah anglijskih i francuzskih avtorov rannego Novogo vremeni [Trade relations of the Pskov land in the descriptions of English and French authors of the early Modern Time]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land. Materials of 61st meetings*. Issue 31. P. 123–130. (In Russian).
- Kolchin B. A. (1985). Remeslo [Craft]. *Drevnyaya Rus'. Gorod. Zamok. Selo [Ancient Russia. City. Castle. Village]. Archaeology of the USSR*. Vol. 15. Ed. B.A. Kolchin. Moscow: Nauka. 432 p. (In Russian).
- Larionov I., Slanin A. (1951). Pskovskaya zemlya – drevniy l'novodnyy kray [Pskov land – ancient flax-producing land]. Pskov Regional Museum. Pskovskoe gazetno-knizhnoe izdatelstvo. 38 p. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisej [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. V. Issue 2. *Pskovskie letopisi [Pskov annals]*. Moscow: Languages of Russian Culture. 366 p. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisej [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. V. Issue 1. *Pskovskie letopisi [Pskov annals]*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 256 p. (In Russian).
- Salmin S. A. (2011). Nakhodka kavaleriyskoy pishchali na Petrovskom IX raskope v Pskove [Finding of a cavalry harquebus at the Petrovskiy 9 excavation in Pskov]. *Late Medieval Town 3: Archaeology and History. Proceedings of the 3rd All-Russian Seminar*. Tula. P. 271–274. (In Russian).
- Salmina E. V. (2011). Dvory Pskova XVI-XVIII vv. po materialam Petrovskih raskopov: razmery, planirovka, zastroyka [Household yards of Pskov 16-18th cc. on the materials of Petrovsky excavations: size, layout, building]. *Proceedings of the 3rd (19) All-Russian Archaeological Congress. Veliky Novgorod - Staraya Russa*. Volume II. St. Petersburg-Moscow-Veliky Novgorod. P. 258–259. (In Russian).
- Salmina E. V., Zakurina T.Yu., Stepanov S.V., Kharlashov B.N. (2009). Opyt vydeleniya etapov zastroyki perioda pozdnego srednevekov'ya – rannego Novogo vremeni (v ramkakh proyekta «Petrovskiy konets srednevekovogo Pskova») [The experience of distinguishing the stages of the late medieval – early Modern Time (within the framework of the project “Petrovskiy end of medieval Pskov”).] *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*. Issue 23. Veliky Novgorod. P. 243–261. (In Russian).
- Salmina E. V., Salmin S. A. Sani XVII v. iz Petrovskogo XI raskopa (predvaritel'naya publikaciya) [Sledges of the 17th century from the Petrovskiy 11 excavation (preliminary publication)]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land. Materials of the 57th session*. Pskov. P. 17–25. (In Russian).
- Sbornik Moskovskogo arhiva Ministerstva yusticii [Collection of the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Vol. 5: Book 1. Moscow. Pechatnya A. Snegirevoy. 520 p. (In Russian).
- Stepanov S. V., Yakovleva E. A. (1992). Nikol'skiy raskop [Nikolskiy excavation]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land. Proceedings of the symposium*. Pskov. P. 126–129. (In Russian).
- Stepanov S. V., Yakovleva E. A. (1994). Raskopki na ul. Nekrasova (Nicol'skiy raskop) [Excavations at Nekrasova St. (Nikolskiy excavation)]. *Arheologicheskoe izuchenie Pskova [Archaeological study of Pskov]*. Issue 2. Pskov. P. 97–109. (In Russian).
- Tikhomirov M. N. (1969). Pskovskoe vosstanie 1650 g. [The Pskov Uprising of 1650]. *Klassovaya bor'ba v Rossii [Class struggle in Russia]*. Moscow. 446 p. (In Russian).
- Fisenko A. V., Zakurina T. Yu., Salmina E. V., Yakovlev A. V. (2012). Derevyannye opravy zerkal iz raskopok v Okol'nom gorode Pskova [Wooden frames of mirrors from excavations in the Okolnyy city of Pskov]. *Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology*. Issue 26. Veliky Novgorod. P. 240–249. (In Russian).
- Kharlashov B. N. (2003). Petrovskiy-4 raskop [Petrovskiy-4 excavation]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land. Materials of scientific seminars for 2001/2002*. Pskov. P. 5–18. (In Russian).
- Kharlashov B. N. (2009). Arkheologicheskiye raskopki tserkvi Ioanna Milostivogo v Pskove [Archaeological excavations of the Church of St. John the Grace in Pskov]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land*. Materials of the 54th meeting. Pskov. P. 187–197. (In Russian).

- Horoshkevich A. L. (2023). Pskov kak posrednik mezhdru Zapadnoy, Severnoy i Vostochnoy Yevropoy v Sredniye veka i nachale Novogo vremeni [Pskov as a mediator between Western, Northern and Eastern Europe in the Middle Ages and the beginning of the Modern Time]. *Pskov in Russian and European History: International Scientific Conference* in 2 vols. Moscow: Moscow State University of Printing Arts. Vol. 1. P. 33–39. (In Russian).
- Yakovleva E. A. (1996). Issledovaniya na II Blagoveshchenskom raskope v g.Pskove. [Studies at the II Blagoveshchenskiy excavation in Pskov]. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land 1995. Materials of the seminar*. Pskov. P. 128–129.

Для цитирования статьи:

Салмина Е. В., Салмин С. А. Двор «льняника»: археологические исследование льнообработывающего комплекса XVI-XVII вв. в Петровском конце Пскова. *Caurus*. 2024. Т. 3. № 3. С. 87–98. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-87-98

For citation:

Salmina E. V., Salmin S. A. The Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler): Archaeological Research of the Flax Processing Complex of the 16th-17th Centuries in the Petrovsky End of Pskov. *Caurus*. 2024. Vol. 3(3). P. 87–98. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-87-98

ХРОНИКА

УДК 37.01

ББК 74.03

DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-99-108

Н. В. Салоников, К. В. Суториус

ШЕСТЬЕ ЛИХУДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

18–20 апреля 2024 года в Гуманитарном институте Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого состоялась всероссийская научная конференция с международным участием «Шестые Лихудовские чтения» на тему: «Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам»¹, организованная кафедрой всемирной истории и международных отношений. Соучредителями Чтений стали Новгородский государственный объединенный музей-заповедник и Российская Национальная библиотека. Тематика Чтений традиционно была посвящена изучению деятельности и научного наследия братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, истории созданных ими в России учебных заведений, традициям образования и книжной культуры в России и за рубежом, начиная от Средневековья и до Нового времени. Всего в программе конференции было заявлено 53 доклада, авторами которых стали историки, филологи, философы, педагоги, архивисты, библиотекари, магистранты и студенты из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Саратова, Ярославля, Иванова, Пскова, Уфы, Тамбова, Твери, Липецка, Арзамаса, Великого Новгорода, а также ученые из Пекина и Вены.

«Шестые Лихудовские чтения» были посвящены предстоящему юбилею Заслуженного работника Новгородского государственного университета, кандидата исторических наук, доцента Инны Львовны Григорьевой. Инна Львовна была инициатором и организатором проведения в университете трех конференций «Лихудовские чтения» (1998, 2001, 2010), создателем в Великом Новгороде научной группы, занимающейся изучением истории отечественного образования и книги, а также предысторией Новгородского государственного университета.

Пленарное заседание конференции открылось докладом к.и.н., доцента Новгородского государственного университета *Николая Вячеславовича Салоникова*,

¹ Материалы предыдущих конференций были опубликованы в следующих сборниках: Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Ответственные редакторы В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001, 248 с.; Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / ответственные редакторы В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009, 255 с.; Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам: сборник статей / составители В. В. Грохотова, Н. В. Салоников; ответственный редактор Н. В. Салоников. Великий Новгород, 2018, 354 с.; Лихудовские чтения–2022: материалы научной конференции «Пятое Лихудовские чтения». Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г. / Ответственные редакторы Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2023, 260 с.: илл.

посвященным научной деятельности И. Л. Григорьевой. Инна Львовна – медиевист, выпускница кафедры истории Средних веков Ленинградского государственного университета, специалист по истории ренессансной культуры. Более четверти века И. Л. Григорьева преподавала в Великом Новгороде историю Средних веков, продолжая традиции петербургской исторической школы и представленной именами работавших в Новгороде медиевистов – Н. Н. Розенталя, Н. С. Масленникова, Б. Я. Рамма, В. И. Райцеса. Ее интерес к истории идей, культуры и религии был сформирован на кафедре истории Средних веков М. А. Гуковским и А. Н. Немиловым. Предметом ее научных исследований стало формирование мировоззрения великого европейского гуманиста Эразма Роттердамского. В начале 90-х годов XX века, в том числе благодаря изучению наследия Эразма, у И. Л. Григорьевой произошло смещение научных интересов: обращение к новгородской культуре XVI–XVIII веков, истории учебных заведений Новгорода XVIII века и книжному собранию Новгородской духовной семинарии. В рамках пленарного заседания *Альбина Владимировна Птушкина*, заведующая сектором отдела информационных ресурсов и технологий Научной библиотеки Новгородского государственного университета, представила участникам конференции изданный библиографический указатель трудов И. Л. Григорьевой.

Продолжил работу пленарного заседания *Марк Аркадьевич Юсим*, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, посвятивший свой доклад деятельности в России XVII века католического священника и политического писателя Юрия Крижанича. Анализируя трактат Крижанича «Политика», докладчик показал противоречивое отношение автора трактата к европейской науке, дисциплинам семи свободных искусств и ученым степеням. Юрий Крижанич считал реформы образования в России необходимыми, но в ограниченном объеме, а западное знание нужным, но не для всех.

Доклад к.и.н., старшего научного сотрудника Института философии РАН, *Маргариты Анатольевны Корзо* был посвящен одному из внешкольных каналов распространения религиозного знания – переводам и изданию книг назидательно-духовного содержания с греческого и латинского языков на «славянский язык». Программу такого просветительского проекта предложил православный полемист Кассиан Сакович. Он сетовал на неразвитость системы школ в Киевской митрополии и считал, что перевод и издание книг духовного характера может стать первостепенным источником просвещения и самообразования. Список предложенных им к переводу книг включал труды представителей восточной и западной Церкви, в том числе доминиканцев и иезуитов. По мнению М. А. Корзо, издательская программа Саковича сильно отличалась от издательской программы православных братств.

Доклад д.и.н., ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН *Ольги Евгеньевны Кошелевой* был посвящен сведениям о европейских университетах («Академиях»), которые давал читателю русский перевод Космографии Герарда Меркатора. Перевод был сделан в Посольском приказе (1637 г.) и сохранился во многих списках. Обязательным разделом в описании каждой страны был раздел об образовании. О. Е. Кошелева проанализировала тексты об учебных заведениях стран

Европы и дала общую характеристику знаний, которые мог получить российский читатель из рукописных Космографий об образовательных учреждениях (время создания, основатели, содержание обучения, знаменитые профессора, о «славе» данного заведения и др.). Особое внимание было уделено автором доклада комментариям российских читателей на отсутствие учебных заведений в Московском государстве.

Завершающие доклады пленарного заседания были посвящены филологическим трудам братьев Лихудов. *Елена Валерьевна Маркасова*, д.ф.н., доцент Пекинского университета, сделала доклад на тему: «Нужна ли современной лингвистике риторическая терминология Софрония Лихуда?» Использование современными лингвистами исторической терминологии – названия тропов и фигур – имеет большое значение для этой научной дисциплины. В то же время сегодня можно наблюдать тенденцию к упрощению терминологического аппарата, который используется для описания соответствующих явлений в языке. Риторика Софрония Лихуда, по мнению автора, является бесценным источником информации для анализа языковых явлений на новом уровне. В докладе была также высказана небезынттересная гипотеза, что повторяемость из учебника в учебник примеров, которые демонстрируют некоторые фигуры, обусловлена не столько школьной традицией, сколько самим языковым материалом, не позволяющим сконструировать примеры иные.

Доклад к.ф.н., доцента Санкт-Петербургского государственного университета *Елены Леонидовны Ермолаевой* был посвящен преподаванию братьями Лихудами поэтики. «Поэтика» Лихудов – учебник по древнегреческой метрике и стихосложению. Учебное пособие построено в форме катехизиса (вопросно-ответной формы), с изложением количественной системы древнегреческого стихосложения и описанием различных метрических размеров, сопровождаемых примерами из стихов античных авторов, западноевропейских гуманистов и самих братьев Лихудов. На примере эпиграммы братьев Лихудов, посвященной царю Петру, автор доклада реконструирует процесс обучения стихосложению. Сравнивая эпиграмму в Московском, Киевском и Афонском списках учебника «Поэтики», Е. Л. Ермолаева считает, что процесс обучения стихосложению был связан с сочинением учениками стихов на заданные темы, которые писались разными размерами и на разных диалектах.

Вечернее заседание первого дня работы конференции открыл доклад специалиста отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива древних актов, старшего научного сотрудника Музея книги Российской государственной библиотеки *Альберта Григорьевича Бондача*, посвященный особенностям использования древнегреческих диалектов в грамматических сочинениях братьев Лихудов. Автор доклада показал, что из так называемой Костромской грамматики, самого объемного грамматического компендиума Лихудов, новгородские ученики их могли почерпнуть систематические сведения об основных диалектных особенностях древнегреческого литературного языка.

В докладе к.и.н., старшего научного сотрудника Библиотеки Академии Наук *Ирины Александровны Вознесенской* был подробно рассмотрен «Проект о школах»

Ивана Посошкова. Автор проекта предлагал митрополиту Стефану Яворскому свое видение развития образования в России начала XVIII столетия: составление нового курса грамматики, реформы алфавита, перевод философских книг, открытие патриаршей академии организацию епархиальных училищ и грамматических школ в крупнейших монастырях.

Ольга Владимировна Бударагина, к.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, представила в своем докладе историю школы архиепископа Феофана Прокоповича, основанную им в петербургском поместье на реке Карповке.

Доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, к.и.н. *Ирина Павловна Кулакова* посвятила свой доклад ученической пространственно-предметной среде Древней Руси и России раннего Нового времени. На материале визуальных источников (иконы, миниатюры, гравюры), дополненных письменными свидетельствами, автор представила эволюцию элементов учебной/школьной обстановки в общекультурном контексте и в контексте визуального языка своего времени.

Проблеме домашнего обучения латинскому языку в семьях духовенства второй половины XVIII века был посвящен доклад к.и.н., доцента НИУ «Высшая школа экономики» *Екатерины Игоревны Кисловой*. На материале анализа прошений представителей московского духовенства о принятии их детей в семинарию, автор, пытаясь определить причины досеминарского обучения латыни, связала это с повышением общего уровня образования духовенства. Из известных прошений большая часть относится к престижным соборам Москвы и «новым» строящимся или перестраиваемым московским церквям, в которых могли служить лучшие выпускники Московской Славяно-греко-латинской академии. Образованные родители стремились дать образование своим детям до поступления в семинарию. Автор доклада отметила, что это явление характерно не только для Москвы: есть прошения немосковских священников, которые также учили детей латыни дома.

Ряд докладов вечернего заседания конференции был связан с историей Петербургской Академии наук в первой половине XVIII столетия. *Татьяна Викторовна Шмелева*, д.ф.н., профессор Новгородского государственного университета, посвятила свой доклад научной и образовательной деятельности в Академии наук В. Е. Адодурова.

Старший научный сотрудник отдела публикации и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала Архива РАН *Ольга Александровна Кирикова* затронула вопрос обучения в гимназии при Петербургской Академии наук студентов Московской Славяно-греко-латинской академии, среди которых были выдающиеся деятели русской науки и культуры – С. П. Крашенинников, М. В. Ломоносов, Д. И. Виноградов и др. Используя архивные документы, автор доклада представила обстоятельства поступления и обучения двух групп студентов Славяно-греко-латинской академии в гимназии Академии наук. Первая группа студентов прибыла в Петербург в конце 1732 года, вторая – в начале 1736 года. Помимо бытовых и финансовых сложностей, с которыми столкнулись московские студенты в Петербурге,

для них существовала главная проблема – незнание ими немецкого языка, который был в учебных заведениях Академии наук языком общения профессоров и студентов.

Продолжением этой темы стал доклад *Евгения Григорьевича Пивоварова*, д.и.н., ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, посвященный обучению в академической гимназии и университете студента Славяно-греко-латинской академии А. С. Барсова.

Завершило «академический» цикл докладов выступление *Артема Анатольевича Попова*, к.и.н., доцента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и Высшей школы общественных наук, посвященное анализу сочинения академика Г. З. Байера «История Бактрийского царства греков, в которой вместе с этим излагается древняя история греческих колоний в Индии».

В заключении работы первого дня конференции прозвучали два доклада: *Натальи Федоровны Медушевской*, д.ю.н., профессора Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, которая рассмотрела историко-правовой аспект истории присуждения ученых степеней и защиты диссертаций в Российской империи; а также *Любови Юрьевны Костогрызовой*, к.ю.н., доцента Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, рассказавшей об организации юридического образования в Византийской империи.

Утреннее заседание второго дня работы конференции объединило доклады, тематически связанные с европейскими традициями в истории образования. Открыл заседание доклад *Ирины Сергеевны Редьковой*, к.и.н., заведующей кафедрой всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, посвященный вопросам обучения в монастырях Западной Европы XII столетия. Автор рассмотрела формы и содержание обучения будущих членов монашеских орденов в зависимости от их статуса: новиции-монахи и новиции-конверсы.

Образовательному и педагогическому наследию Реформации было посвящено два доклада. *Зинаида Андреевна Лурье*, к.и.н., научный сотрудник Института образования НИУ «Высшая школа экономики», сделала доклад о деятельности евангелического гуманиста и школьного учителя Сикста Бирка (ок. 1501–1554), возглавлявшего городские школы Базеля и Аугсбурга и участвовавшего в реформировании школьного образования. Взгляды С. Бирка на содержание образования находились под сильным влиянием гуманистов, что отразилось на его педагогической деятельности.

Доклад *Алексея Витальевича Каргальцева*, к.и.н., старшего преподавателя Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, был посвящен античным героям Катехизиса Филиппа Меланхтона (издание 1558 года). Немецкий гуманист стремился создать идеальную форму школьного катехизиса, все разделы которого не только поясняют библейские тексты, но и рассматривают их с точки зрения того, как действуют в Св. Писании Закон и Евангелие, основные элементы богочеловеческих отношений. Катехизис дополнен многочисленными примерами из древней и священной истории человечества. Докладчик особое внимание уделил использованию Меланхтоном примеров классической древности.

Деятельность учебных заведений иезуитов получила освещение в докладах Д. О. Жарова и Н. В. Пуминовой-Амброзяк. Исследователь из Вены *Дмитрий Олегович Жаров* затронул вопросы конфессиональной специфики в традиционных конфликтах между университетом и городом, которая стала остро проявляться в Европе после Реформации. На примере положения трех крупных иезуитских учебных заведений, основанных в землях австрийских Габсбургов (университеты в Граце и Трнаве и гимназия (с 1623 года университет) в Вене), автор доклада рассмотрел три аспекта взаимоотношения с горожанами во второй половине XVI – середине XVII века: конфликты вокруг судебных привилегий университетов; экономическая деятельность иезуитских учебных заведений в городском пространстве и противоречия на конфессиональной почве.

Наталья Владимировна Пуминова-Амброзяк, к.филос.н., доцент Российского государственного гуманитарного университета, посвятила свой доклад анализу изданного в 1625 году сочинения «Короткое рассуждение о новой коллегии отцов Иезуитов», автором которого являлся проповедник Сигизмунда III, ректор иезуитской коллегии в Познани Матеуш Бембус. Возникновение иезуитской коллегии в Кракове привело к открытому конфликту между Краковской академией и орденом иезуитов. М. Бембус, опровергая обвинения против иезуитов, обосновывал право открытия коллегии в Кракове, ссылаясь на широкий круг источников.

Завершили работу утреннего заседания конференции два доклада. Независимый исследователь из Арзамаса, к.и.н., доцент *Марина Владимировна Третьякова* представила сведения о европейских университетах, сохранившиеся в путевых заметках русских путешественников конца XVII – начала XVIII века: стольников П. А. Толстого и А. П. Измайлова, боярина Б. П. Шереметева, графа А. А. Матвеева.

Доклад *Лоры Александровны Герд*, д.и.н., ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН, был посвящен российской помощи духовному образованию христианского Востока в конце XIX – начале XX века. Изучение документов Св. Синода позволило автору выяснить источники оказания материальной помощи, мотивы и механизмы ее распределения, а также результаты этой помощи с точки зрения политических интересов России и культурного влияния на христианское население Османской империи и Балкан.

Тематика докладов вечернего заседания второго дня работы конференции была посвящена истории книги и библиотек. Источниковедческий обзор рукописных купеческих книг середины XV – начала XVII века из архива «новгородских гостей» Любека представил ассистент Новгородского государственного университета *Артем Владимирович Ушаков*. Купеческие книги содержат не только бухгалтерские записи о деятельности «новгородских гостей», но и сведения, отражающие исторические реалии любекской торговли. Автор доклада подробно остановился на истории создания книги олдерменов (1450–1470), книги о нарвской торговле «новгородских гостей» (1563–1577) и большой книги олдерменов (1521–1619), их структурных особенностях, специфике составления, лексическом аппарате, подчеркнув важные различия между указанными источниками.

Доклад магистрантки Московского городского педагогического университета *Полины Вячеславовны Орловой* был посвящен анализу образа школы в гравюрах изданий «Orbis pictus» Яна Амоса Коменского XVII–XX веков. *Дмитрий Иванович Вебер*, к.и.н., доцент Новгородского государственного университета, старший научный сотрудник Отдела редких книг Российской Национальной библиотеки, рассказал об истории создания и уникальной судьбе экземпляра издания «Гигиены» Пьера Гонтье из библиотеки архиепископа Феофана (Прокоповича).

Доклад *Натальи Андреевны Болдыревой*, к.и.н., научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, был посвящен истории формирования, составу и судьбе библиотеки протопопа Благовещенского собора Московского Кремля, духовника царя Алексея Михайловича Андрея Саввинова Постникова. В совместном докладе старшего научного сотрудника Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника *Татьяны Ивановны Гулиной* и к.и.н., доцента Новгородского государственного университета *Константина Владимировича Суториуса*, было представлено описание трех книг из собрания Ярославского музея-заповедника, которые некогда принадлежали братьям Лихудам и их ученикам: греческий лексикон Герасима Влаха, Corpus historiae Byzantinae и руководство по красноречию Николая Коссена. Магистрантка Санкт-Петербургского государственного университета *Юлия Викторовна Кузаева* посвятила свое выступление анализу визуального текста и иконографии отдельных образов конклюдии Феофила Кролика и Василия Гоголева, созданной по случаю диспута, состоявшегося в Московкой Славяно-греко-латинской академии в 1709 году. Доклад студентки Новгородского государственного университета *Анны Игоревны Тараненко* был посвящен источниковедческому изучению двух ранних описей библиотеки архиепископа Феофана (Прокоповича), на основании которых можно определить состав и степень сохранности книг на момент передачи книжного собрания архиерея из Петербурга в Новгородскую духовную семинарию в 1742 году.

Илья Андреевич Мельников, кандидат культурологии, заместитель генерального директора Новгородского государственного объединенного музея-заповедника по научной работе, доцент Новгородского государственного университета, затронул малоизученную тему влияния старообрядчества на интеллектуальную жизнь Новгородской духовной семинарии середины XVIII столетия. Оживленная полемика с «расколом» характеризовалась созданием ряда полемических произведений и могла приводить к переходу в старообрядчество некоторых семинаристов. В качестве примера, автор доклада привел две рукописи (список «Поморских ответов» и авторский богословский сборник) из собрания Новгородского музея-заповедника, созданные в середине XVIII века людьми, предположительно получившими образование и навыки письма в семинарии.

Доклад *Надежды Николаевны Ауровой*, к.и.н., старшего научного сотрудника Института российской истории РАН, был посвящен изучению одного из источников по формированию мировоззрения русского дворянства конца XVIII – начала XIX века – рукописных журналов Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса в Петербурге. Журналы представляют собой читательские дневники за 1789–1794 годы и

рассказывают о литературных, нравственно-этических и общественно-политических взглядах воспитанников этого учебного заведения.

Кристина Петровна Яркова, к.и.н., главный научный сотрудник Центральной универсальной научной библиотеки Ивановской области, представила обзор экземпляров западноевропейских изданий XV–XVII веков из фондов библиотеки, которая является правопреемницей библиотеки Иваново-Вознесенского политехнического института – первого в городе высшего учебного заведения, учрежденного в 1918 году. Автор пришла к выводу, что экземпляры старопечатной книги, по разным причинам попадавшие в библиотеку политехнического института в первой четверти XX столетия, сохранялись здесь в первую очередь как мемориальные объекты, а не как базовые элементы образовательной программы или исследовательского процесса.

Театральной жизни Вены после Наполеоновских войн был посвящен доклад *Анастасии Андреевны Мареевой*, ведущего специалиста Научной библиотеки Московского государственного университета, который она сделала по материалам Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

Завершило вечернее заседание второго дня работы конференции совместное выступление *Дмитрия Ивановича Вебера* и *Ирины Валерьевны Герасимовой*, кандидата искусствоведения, к.и.н., доцента Псковского государственного университета, младшего научного сотрудника Российской Национальной библиотеки, с презентацией проекта издания сочинений Симеона Полоцкого из собрания Отдела редких книг Российской Национальной библиотеки.

На утреннем заседании заключительного дня работы конференции прозвучало три доклада. *Алла Дмитриевна Иванова*, к.пед.н., доцент Уфимского университета науки и технологий, рассказала о европейских традициях университетского образования (Болонская система). Доклад *Снежаны Сергеевны Протасовой-Биловол*, аспирантки Тамбовского государственного университета, был посвящен современному положению учебных заведений закрытого типа в России и историческим традициям обучения детей в таких школах. *Наталья Александровна Лучинина*, к.и.н., доцент Тверского государственного университета, в своем выступлении подняла проблемы, связанные с преподаванием в современных университетах курса истории южных и западных славян.

Завершил работу конференции круглый стол «Традиции духовного образования в Великом Новгороде. К 300-летию со дня рождения святителя Тихона Задонского», организованный совместно с университетским храмом Сретения Господня. Открыл работу круглого стола доклад иеромонаха Гавриила (Денис Валерьевич Мельников), доктора богословия, старшего преподавателя Липецкого государственного педагогического университета. Автор подробно остановился на биографии святителя Тихона, включая время его учебы и преподавания в Новгородской духовной семинарии. Иерей *Евгений Анатольевич Зайцев*, заведующий кафедрой теологии Новгородского государственного университета, рассказал о почитании святителя Тихона в Новгородской духовной семинарии и Антониевом монастыре. Доклад студента Новгородского государственного университета *Ивана Анатольевича Негревского* был посвящен преподаванию

философии в Новгородской духовной семинарии в 40–60-е годы XVIII века. На основании изучения семинарских рукописей, автор реконструировал порядок и содержание философских курсов, прочитанных в эти годы в Новгороде. «Семинарский» блок докладов завершило выступление доцентов Новгородского государственного университета *Николая Вячеславовича Салоникова* и *Константина Владимировича Суториуса*, в котором был представлен обзор документов, связанных с учебной и преподавательской деятельностью святителя Тихона в семинарии.

Независимый исследователь, к.ф.н., доцент *Игорь Валентинович Пантелеев* в своем докладе подчеркнул общее значение святителя Тихона Задонского как церковного и государственного деятеля. Завершил работу круглого стола блок докладов сотрудников Липецкого государственного педагогического университета, посвященный использованию наследия святителя Тихона в педагогической и воспитательной работе. *Наталья Валерьевна Стюфляева*, к.ф.н., доцент, рассказала о проекте «Тихониана» – электронной базе данных, ее научном потенциале и воспитательных возможностях. Доклад к.п.н., доцента *Нины Яковлевны Безбородовой* был посвящен наследию святителя Тихона и его влиянию на формирование национально-духовной идентичности. Тема наследия святителя Тихона звучала в совместном выступлении *Натальи Валерьевны Стюфляевой* и д.ф.н., профессора *Людмилы Георгиевны Сатаровой*, посвященном элективному курсу «Наследие святителя Тихона Задонского и русская литература» и его роли в программе подготовки студентов-филологов.

Информация о статье

Авторы: Салоников Николай Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-6094-2038; SPIN-код: 5146-8802; e-mail: salonikov@list.ru

Суториус Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0001-5692-8076; SPIN-код: 7622-9242; e-mail: sutorius@mail.ru

Заголовок: Шестые Лихудовские чтения в Великом Новгороде

Аннотация: В обзоре представлена тематика докладов, прозвучавших 18–20 апреля 2024 года на научной конференции Шестые Лихудовские чтения в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого.

Ключевые слова: братья Лихуды, история образования и книги в России и за рубежом

Библиографический список

- Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам:* сборник статей / составители В. В. Грохотова, Н. В. Салоников; ответственный редактор Н. В. Салоников. Великий Новгород, 2018. 354 с.
- Лихудовские чтения:* Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / ответственные редакторы В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. 248 с.
- Лихудовские чтения:* материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / ответственные редакторы В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. 255 с.
- Лихудовские чтения–2022:* материалы научной конференции «Пятые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г. / Ответственные редакторы Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2023. 260 с.: илл.

Information about the article

Author: Nikolay V. Salonikov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0002-6094-2038; SPIN-code: 5146-8802; e-mail: salonikov@list.ru

Konstantin V. Sutorius – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0001-5692-8076; SPIN-код: 7622-9242; e-mail: sutorius@mail.ru

Title: The Sixth Leichoudes Studies in Veliky Novgorod

Abstract: The review describes the topics of the reports presented on April 18–20, 2024 at the scientific conference The Sixth Leichoudes' Studies at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Keywords: Leichoudes brothers, history of education and books in Russia and abroad

References

- Evropeyskie traditsii v istorii vysshey shkoly v Rossii: ot douniversitetskoy modeli k universitetam* [European traditions in the history of higher education in Russia: from the pre-university model to universities]: collection of articles. Comp. V. V. Grokhotova, N. V. Salonikov; ed. N. V. Salonikov. Veliky Novgorod, 2018. 354 p.
- Likhudovskie chteniya* [The Leichoudes' Studies]: Materials of scientific conference "The First Leichoudes' Studies". Veliky Novgorod, May 11–14, 1998 / responsible editors V. L. Yanin, B. L. Fonkich. Veliky Novgorod, 2001. 248 p.
- Likhudovskie chteniya* [The Leichoudes' Studies]: Materials of scientific conference "The Second Leichoudes' Studies". Veliky Novgorod, May 24–26, 2004 / responsible editors V. L. Yanin, B. L. Fonkich. Veliky Novgorod, 2001. 255 p.
- Likhudovskie chteniya – 2022* [The Leichoudes' Studies]: Materials of scientific conference "The Fifth Leichoudes' Studies". Veliky Novgorod, April 14–15, 2022 / responsible editors N. V. Salonikov, K. V. Sutorius. Veliky Novgorod, 2023. 260 p.: ill.

Для цитирования статьи:

Салоников Н. В., Суториус К. В. Шестые Лихудовские чтения в Великом Новгороде. *Saurus*. 2024. Т. 3. № 3. С. 99–108. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-99-108

For citation:

Salonikov N. V., Sutorius K. V. The Sixth Leichoudes Studies in Veliky Novgorod. *Saurus*. 2024. Vol. 3(3). P. 99–108. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(3)-99-108

АВТОРЫ

Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра НовГУ; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0003-0207-1948; Web of Science Researcher ID: A-9259-2016; Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: Marina.Bessudnova@novsu.ru

Кежа Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь; e-mail: yurykezha86@gmail.com

Котов Антон Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент; Томский государственный университет, Томск, Россия; e-mail: askotov@mail.tsu.ru

Подберёзкин Филипп Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь; ORCID: 0000-0001-7471-8793; e-mail: padbiarozkin@gmail.com

Салмин Сергей Анатольевич – научный сотрудник; Археологический центр Псковской области; Псков, Россия; ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Салмина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом; Археологический центр Псковской области, Псков, Россия; ORCID 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Салоников Николай Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-6094-2038; SPIN-код: 5146-8802; e-mail: salonikov@list.ru

Суториус Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0001-5692-8076; SPIN-код: 7622-9242; e-mail: sutorius@mail.ru

Якунина Валентина Андреевна – старший преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений, научный сотрудник научно-исследовательского центра НовГУ; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-9461-0437; Web of Science Researcher ID: AAG-3435-2019; SPIN-код: 3649-4171; e-mail: valentina.yakunina@novsu.ru

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. К публикации в сетевом издании «Saugus» могут быть предложены полностью законченные, оригинальные, ранее неопубликованные научные статьи, соответствующие тематике издания.

2. Авторы несут ответственность за точность приведенных фактов, используемых цитат и имен собственных, а также гарантируют право на публикацию архивных, иллюстративных и прочих материалов.

3. К рассмотрению не принимаются статьи, не соответствующие тематике издания или же неудовлетворяющие требованиям редколлегии.

4. Рекомендуемый объем статьи – один печатный лист (40 000 знаков, включая пробелы, сноски и метадаанные к статье). По решению редакционной коллегии к публикации могут быть приняты статьи, превышающие рекомендуемый объем.

5. Статьи предоставляются к рассмотрению в электронном виде с учетом следующих требований: документ в формате Word, шрифт Times New Roman, основной текст – выравнивание по ширине, 12 кегль, интервал полупетельный, абзацный отступ одинарный; сноски постраничные, нумерация сплошная, шрифт Times New Roman, выравнивание по ширине, 10 кегль, интервал одинарный, отступы и выступы отсутствуют. Если в статье используются другие шрифты, таблицы, рисунки, то необходимо приложить файл в формате pdf, где все материалы представлены в корректном виде.

6. При представлении рукописи в сетевое издание авторы должны убедиться, что все цитирования оформлены корректно, указаны источники для таблиц и рисунков (если не указано иное, предполагается, что таблицы и рисунки созданы автором), получены все необходимые разрешения на воспроизведение материалов.

7. Титульная страница статьи должна содержать: ФИО автора полностью; официальное название организации без сокращений; город и страну; подробную информацию об авторе – степень, звание, должность, а также дополнительную информацию, которую автор сочтет нужной; e-mail; телефон автора для быстрой связи (в случае коллектива авторов предоставить следует номер телефона одного контактного автора); аннотацию, в которой не должно быть нерасшифрованных аббревиатур и впервые введенных терминов; ключевые слова.

8. Оформление текста рукописи:

Для научной статьи обязательно наличие четкой структуры, позволяющей выделить вводную часть (введение, постановка проблемы), обсуждение поставленной проблемы (историографический очерк, описание привлекаемых к исследованию источников, методы, обсуждение, результаты) и заключение (рекомендации и выводы).

Статья может быть структурирована по разделам.

При разделении статьи на параграфы их тематические заголовки выделяются полужирным шрифтом.

Запрещено подчеркивание внутри текста. Для подзаголовков используется полужирное начертание, необходимые фрагменты внутри текста выделяются курсивом.

Все используемые аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом употреблении, включая общеизвестные. При наличии множества аббревиатур разрешается сделать дополнительный список с расшифровкой каждой из них после основного текста статьи.

Иностранные названия (журналов, организаций и т. д.) в тексте статьи необходимо представить в оригинале, если название кириллическое, их стоит заключить в кавычки.

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы и названы, кроме того, на них должно быть конкретное указание в тексте статьи. Запрещено использование пустых граф в таблицах.

Качество предоставляемых рисунков, а также иных изображений должно быть высоким. Рисунки прикладываются к статье отдельными файлами в установленных форматах (*tiff, *eps, *png, *jpg, с разрешением не менее 300 dpi).

9. Сноски:

Знак сноски в тексте ставится до знака препинания.

Знак сноски делается только автоматически (меню Ссылки–Вставить сноску).

В тексте сноски может содержаться авторский комментарий или цитата, со ссылкой на используемый источник или на используемую литературу, а также ссылка на неопубликованный архивный документ.

Ссылки на литературу и опубликованные источники оформляются в тексте. Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке и приводится в конце текста под заголовком: Список литературы и источников.

В тексте статьи или в тексте сноски, в квадратных скобках сначала указывается фамилия автора, затем через запятую год издания. После года через запятую указываются номера страниц: с. – для русскоязычного издания, p., pp. или s., ss. и т. д. – для иноязычного. Например: [Иванова, 2001, с. 105]; [Bessant, 2001, pp. 43–47]. Если в тексте есть ссылки на работы одного и того же автора, изданные в одном и том же году, то ссылка выглядит следующим образом: [Иванова, 2001a, с. 105], [Иванова, 2001b, с. 105]. Упоминание конкретных страниц текста необходимо, если приводится цитата автора, при ссылке на книгу или в целом на статью страницы не указываются. Ссылки на справочные издания даются на фамилию составителя или редактора [Recke, Napierky (bearb.), 1831, s. 176].

Если ссылка дается на опубликованное в печатном виде издание, приводится информация о печатном издании, но не ссылка на электронные ресурсы. Дополнительно может даваться информация о странице на сайте журнала или издательства, где размещен оригинал.

Не допускаются ссылки на статьи, принятые к публикации, но еще не опубликованные.

Не допускаются ссылки на тезисы научных конференций за исключением тех, что были опубликованы в сборниках материалов конференции, индексируемых в наукометрических системах WoS, Scopus, РИНЦ.

Цитирование учебников, учебных пособий, справочников, словарей, тезисов конференций и аннотаций докладов, а также малотиражных изданий должно быть обусловлено целью и задачами конкретного исследования, в иных случаях подобные ссылки запрещены.

Научные статьи, опубликованные после 2016 года, должны цитироваться в соответствии с предлагаемым в оригинале статьи вариантом и сопровождаться идентификатором DOI (при его наличии). Для верификации данной информации необходимо обратиться к тексту статьи или сайту журнала.

Необходимо избегать автоплагиата, а также излишнего самоцитирования и ссылок. Допускается не более двух ссылок на другие работы автора. При наличии большего количества ссылок на собственные работы автора, редколлегия имеет право запросить пояснение относительно новизны и актуальности материала, предоставляемого на рассмотрение редколлегии.

Ссылки на опубликованные источники даются в тексте статьи на фамилию составителя или редактора. Пример: [Форстен (сост.), 1889, № 34, с. 98]; [Валк (ред.), 1949, № 36, с. 64–65]; [Салоников, Суториус (сост.), 2022, с. 92–94]; [Беда Достопочтенный, 2001, с. 71]. Если ссылка на опубликованный источник развернутая, с указанием заголовка документа, то она ставится в сноску (подстрочные примечания). Ссылка на опубликованные источники может быть оформлена с указанием номера документа, если документы в издании пронумерованы, или с указанием страниц. При указании номера документа в издании уточнение страниц обязательно.

Пример:

№ 34. Письмо Фридриха II Маргарите Пармской, 26 апреля 1567 года. [Форстен (сост.), 1889, с. 98].

№ 36. Грамота Новгорода Риге с требованием возврата награбленного товара и выдачи разбойников, 1303–1307 годы. [Валк (ред.), 1949, с. 64–65].

Письмо Софония Лихуда митрополиту Иову о причинах удержания его в Москве. [Салоников Н. В., Суториус К. В. (сост.), 2022, с. 92–94].

Ссылки на архивные источники оформляются в сносках (в подстрочных примечаниях). При ссылке на архивный источник следует указать полную информацию о нем (заголовок документа, название архива, номер фонда, наименование коллекции, номер дела, конкретный лист и при необходимости его сторону). Пример: Письмо магистрата Нарвы к городскому совету Ревеля, 22 апреля 1491 года. *Tallinna Linnaarhiiv (далее – TLA)*. F. 230. BD 8 II. Fol. 53.

При повторной ссылке на указанное архивное собрание допустимо сокращенное описание:

Письмо магистрата Нарвы к городскому совету Ревеля, 19 мая 1491 года. *TLA*. 230. BD 8 II. Fol. 54.

10. Оформление Списка литературы и источников:

Список литературы и источников не нумеруется. В список литературы включаются только рецензируемые исследования (статьи из научных журналов, монографии и пр.), а также информация об опубликованных источниках и архивных документах.

Все ссылки, включенные в библиографический список, должны быть указаны в тексте статьи.

Формат библиографического описания: Фамилия И. О. автора (авторов). В скобках год издания. Заглавие. Выходные данные (место издания, издательство). Номера страниц статьи, общее количество страниц для монографий.

ФИО автора не выделяется курсивом. Курсивом выделяется название монографии или сборника статей для публикаций на всех языках.

Для обозначения промежутка между номерами страниц используется короткое тире (не дефис).
Пример: С. 23–37.

Образцы оформления ссылок:

На монографию:

Александров А. А. (1994). *Средневековая история Франции*. Москва: Наука. 379 с.

Иванов И. И. (2010). *Балтийская торговля в Средневековье и Новое время*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ. 324 с.

Jahnke C. (2014). *Die Hanse*. Stuttgart: Reclam Verlag. 245 s.

Ewert U. C., Selzer S. (2016) *Institutions of Hanseatic Trade. Studies on the Political Economy of a Medieval Network Organisation*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 195 p.

На статью в журнале:

Васильев В. В. (2008). К истории становления исландской национальной культуры. *История Европы: вчера и сегодня*. Санкт-Петербург: Издательский дом Макса Шмидта. № 4 (36). С. 42–56.

Иванов И. И. (2012). Торговля Новгорода с городами Швеции. *Вопросы медиевистики*. № 3. С. 48–58.

Кириллова О. В. (2018). Как оформить статью и научный журнал в целом для корректного индексирования в международных наукометрических базах данных. *Научный редактор и издатель*. № 3. С. 52–72. DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-52-72.

На статью в сборнике:

Иванов И. И. (1997). Французская торговля времен правления Людовика XIV. *Французский абсолютизм: истоки, специфика, итоги* / под редакцией А. А. Александрова. Москва: ИВИ РАН. С. 69–77.

Фонкич Б. Л. (2000). «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева. *Очерки феодальной России: сборник статей* / редактор С. Н. Кистерев. Вып. 4. Москва: УРСС. С. 237–297.

Градова Б. А. (2001). Из истории поступления библиотеки Новгородской духовной семинарии в Государственную Публичную библиотеку. *Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения», 11–14 мая 1998 г.* / ответственные редакторы: В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород. С.187–191.

На справочное издание:

Recke J. Fr. von, Napiersky K. E. (bearb.). (1831). *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland*. Bd. III: L–R. Mitau: Steffenhagen. 598 s.

Ссылка на опубликованные источники:

Форстен Г. В. (сост.). (1889). *Акты и письма к истории Балтийского вопроса*. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова. 354 с.

Валк С. Н. (ред.). (1949). *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 407 с.

Салоники Н. В., Сүториус К. В. (сост.). (2022). *Новгородские архиерейские школы: сборник документов*. Т. 1: 1706–1727 гг. Великий Новгород. 370 с.

Беда Достопочтенный (2001). *Церковная история народа англо* / перевод с латинского В. В. Эрлихмана. Санкт-Петербург: Алетейя. 363 с.

Ссылки на архивные документы указываются без заголовка документов:

ТЛА. F. 230. BD 8 II. Fol. 53.

ОР РНБ. Ф. 522. № 238. Л. 1–259.

Ссылка на публикацию в интернете оформляется следующим образом: Иванов И. И. *Торговые войны на Балтике в XV веке* [Электронный ресурс]. URL: полная ссылка на сайт (дата обращения: 7 ноября 2020 года).

11. В конце статьи следует указать необходимую «Информацию о статье», которая будет обработана и размещена в наукометрических базах данных. Она должна включать в себя:

Ссылку на источник финансирования, включая номер и полное название проекта (при необходимости).

Индексы ББК и УДК, которые указываются согласно общепринятой классификации.

Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы (желательно указывать адрес и почтовый индекс организации), город, страна, идентификатор автора в международных базах данных ORCID, адрес электронной почты автора.

Заголовок статьи, который должен быть кратким, емким и точно отражающим содержание исследования.

Резюме (аннотация) статьи на русском языке. Рекомендуемый объем 200–300 слов. Аннотация должна отражать содержание предлагаемой статьи, следует избегать нерасшифрованных аббревиатур, впервые введенных терминов, общих фраз.

Ключевые слова (5–7 слов) приводятся через запятую.

Литература, используемая в статье. Необходимо привести полный список всех научных работ и привлекаемых источников, на которые имеются ссылки в статье. Библиографический список не нумеруется.

12. После «Информации о статье» на русском языке помещается та же самая информация, но в переводе на английский язык (Information about the article).

Ссылка на грант или иной источник финансирования на английском языке.

Индекс ББК и УДК в этом разделе указывать не надо.

Сведения об авторе на английском языке обязательно.

Перевод названия работы.

Резюме статьи на английском языке может представлять собой перевод русскоязычного варианта, или его расширенную версию, или же может являться оригинальным текстом, четко и емко отражающим содержание исследования. Объем: 200–300 слов.

Ключевые слова на английском языке (5–7 слов, перечисленных через запятую).

Ссылки в списках литературы на латинице (References) должны быть читаемы англоязычными пользователями, чтобы цитируемые первоисточники могли быть использованы ими. Поэтому важно использовать англоязычные данные из оригинала статьи (ФИО авторов, англоязычное заглавие статьи); если нет англоязычных метаданных в цитируемых статьях, необходимо переводить заглавие статьи на английский язык (парафразом).

При составлении библиографического списка на английском языке (References) названия всех привлекаемых к исследованию работ даются в алфавитном порядке без нумерации. Кириллические фамилии авторов и названия транслитерируются на латиницу и сопровождаются переводом названия на английский язык (перевод приводится в квадратных скобках); русскоязычные названия журналов необходимо транслитерировать (исключение составляют журналы, которые рекомендуют для цитирования и используют в журнале (и в наукометрических базах данных) параллельное английское название. Для транслитерации рекомендуем использовать стандарт BGN на сайте см.: <http://www.translit.ru/>.

Описание каждого издания приводится следующим образом:

Фамилия ИО, в скобках год издания, далее заголовок работы и выходные данные (место издания полностью и без сокращений, после двоеточия издательство или типография). В конце после запятой указывается номера страниц, на которых напечатана статья, или общее количество страниц для монографии.

Курсивом выделяется основное название – источник, а не автор. Если библиографическое описание включает буквенные обозначения выходных данных (том, номер, выпуск, страницы), то независимо от языка источника, они должны быть представлены сокращением англоязычных слов (Vol., No, Iss., Pp.).

В область издательства добавляется Publ.

В конце описания в скобках указывается язык произведения — (In Russian), (In German), (In Italian).

Если цитируемая статья имеет DOI, необходимо указывать его в конце описания.

Правила оформления References относятся к источникам на любых языках: статьи на украинском, болгарском, других языках кириллицы, должны оформляться так же, как и русскоязычные. Основное название литературы и источников на немецком, французском, итальянском и других языках должно быть переведено на английский.

При описании части издания (статьи или главы) в транслитерированной версии две косые черты (знак //) не ставится.

Примеры:

Bantysh-Kamenskiy N. N. (2001). *Reestry grecheskim delam Moskovskogo arhiva Kollegii inostrannyh del [The Greek affairs registers of the Moscow archive of Ministry of Foreign Affairs]*. Moscow: Hronograf Publ. 416 p. (In Russian).

Junzt, Fr. W. von. (1839). Unaussprechlichen Kulten [Unspeakable cults]. Düsseldorf: Verlag von R. Hoffart Publ. 420 p. (In German).

Kirillova O. V. (2018). *Kak oformit' statyu i nauchnyy zhurnal v tselom dlya korrektnogo indeksirovaniya v mezhdunarodnykh naukoimetricheskikh bazakh dannykh [How to arrange an article and scientific journal to avoid indexing errors in international scientometric databases]*. *Nauchnyi Redaktor i Izdatel' = Science Editor and Publisher*. No 3. Pp. 52–72. (In Russian). DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-52-72.

Lobin A. N. (2012). *Poslaniya Vasiliya III velikomu magistru Al'brekhtu 1515 g. [Message of Basil III to the Grand Master Albrecht of 1515]*. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Vol. 1. Pp. 141–152. (In Russian).

Fonkich B. L. (2000). "Privilegiya na Akademiyu" Simeona Polotskogo – Sil'vestra Medvedeva [The "Privilege to the Academy" by Simeon Polotsky and Sylvester Medvedev]. *Ocherki feodal'noy Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Iss. 4. Pp. 237–297. (In Russian).

Levochkin I. V. (2003). *Osnovy russkoy paleografii* [Bases of Russian paleography]. Moscow: Krug Publ. 175 p. (In Russian).

Žagar M., Paskojević K. (2014). Ćirilicheske isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva [Cyrillic documents of Dubrovnik chancery of fifteenth century between minuscule and cursive]. *Filologija. Zagreb*. No 62. Pp. 221–247. (In Croatian).

Valk S. N. (ed.). (1949). № 36. Gramota Novgoroda Rige s trebovanijem vozvrata nagrablennogo tovara i vydachi razbojnikov, 1303–1307 gody [The letter of Novgorod to Riga demanding the return of the looted goods and the extradition of robbers, 1303–1307]. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR Publ. Pp. 64–65. (In Russian).

TLA [Tallinn City Archives]. F. 230. BD 8 II. Fol. 53.

OR RNB [Department of Manuscripts National Library of Russia]. F. 522. No 238. L. 1–259.

CAURUS

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 3 №3 2024